

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНОУИЛА КАНТА

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН —
РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА-2018:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ВДОЛЬ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ

Материалы международной научной конференции

Калининград
28—30 августа 2018 года

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2018

УДК 321.1:911.3(261.24:4)
ББК 65.04(451)я.43
Б207

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф.
Л. А. Жиндарев, д-р геогр. наук, проф.
А. Г. Дружинин, д-р геогр. наук, проф.
Т. Пальмовский, д-р геогр. наук, проф.

Б207 Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России : материалы международной научной конференции / под ред. Г. М. Федорова, Л. А. Жиндарева, А. Г. Дружинина, Т. Пальмовского. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. — 371 с.
ISBN 978-5-9971-0499-3

Представлены материалы международной научной конференции «Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России» (28—30 августа 2018 г., Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта). Статьи посвящены вопросам трансграничного сотрудничества России и ее регионов с сопредельными странами и их приграничными регионами. Рассматриваются теоретические аспекты развития трансграничных связей и практические результаты сотрудничества в экономической, социальной и экологической сферах.

Публикуемые материалы представляют интерес для специалистов в сфере международных отношений, регионального развития, приграничного и трансграничного сотрудничества, пространственного планирования, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными тенденциями развития отношений между Россией и сопредельными европейскими странами.

УДК 321.1:911.3(261.24:4)
ББК 65.04(451)я.43

ISBN 978-5-9971-0499-3

© БФУ им. И. Канта, 2018

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН —
РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА-2018:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ВДОЛЬ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ

Материалы международной научной конференции

Калининград
28—30 августа 2018 года

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2018

УДК 321.1:911.3(261.24:4)
ББК 65.04(451)я.43
Б207

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф.
Л. А. Жиндарев, д-р геогр. наук, проф.
А. Г. Дружинин, д-р геогр. наук, проф.
Т. Пальмовский, д-р геогр. наук, проф.

Б207 Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России : материалы международной научной конференции / под ред. Г. М. Федорова, Л. А. Жиндарева, А. Г. Дружинина, Т. Пальмовского. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. — 371 с.
ISBN 978-5-9971-0499-3

Представлены материалы международной научной конференции «Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России» (28—30 августа 2018 г., Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта). Статьи посвящены вопросам трансграничного сотрудничества России и ее регионов с сопредельными странами и их приграничными регионами. Рассматриваются теоретические аспекты развития трансграничных связей и практические результаты сотрудничества в экономической, социальной и экологической сферах.

Публикуемые материалы представляют интерес для специалистов в сфере международных отношений, регионального развития, приграничного и трансграничного сотрудничества, пространственного планирования, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными тенденциями развития отношений между Россией и сопредельными европейскими странами.

УДК 321.1:911.3(261.24:4)
ББК 65.04(451)я.43

ISBN 978-5-9971-0499-3

© БФУ им. И. Канта, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-методологические и прикладные аспекты полимасштабных междисциплинарных исследований трансграничного сотрудничества

<i>Дружинин А. Г.</i> Аквальные форматы трансграничной регионализации на Западном побережье России: центрo-периферийная специфика	6
<i>Каледин Н. В., Елацков А. Б.</i> Эволюция политико-географической и геополитической мысли в России: исторический опыт взаимодействия с западными соседями	17
<i>Гнято Р.</i> Детерминанты современных геополитических отношений между Россией и странами Европейского пространства (на примере Западных Балкан)	28
<i>Michigami M.</i> Labor Immigrant's Housing and Housing Market in Russia	39
<i>Лачининский С. С.</i> Особенности экономического развития регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности	55
<i>Волошенко Е. В., Волошенко К. Ю.</i> Фактор приграничности в оценке экономической безопасности региона	62
<i>Горочная В. В.</i> Трансграничная кластеризация в Черноморском регионе как фактор экономической безопасности Юга России	74
<i>Гонтарь Н. В.</i> Траектории торгового взаимодействия России в Черноморском бассейне в условиях внешнеполитических ограничений	85
<i>Федорко В. Н.</i> Процессы трансграничного взаимодействия в странах Центральной Азии: новый этап	100
<i>Вольхин Д. А.</i> Информационно-имиджевая составляющая трансграничного сотрудничества вдоль западного пограничья России	114
<i>Эфендиев В. А., Нагиев С. К., Гусейинов Р. Ю.</i> Демографическая ситуация и расселение населения азербайджано-грузинской пограничной территории	126

**Теория и практика трансграничного сотрудничества
в регионе Балтийского моря**

<i>Федоров Г. М.</i> Эволюция внешних экономических связей Калининградской области.....	134
<i>Бабурин В. Л.</i> Реакция экономик стран Балтийского региона на циклы конъюнктуры	150
<i>Часовский В. И.</i> Сотрудничество стран Балтийского региона: современное состояние и проблемы.....	165
<i>Зверев Ю. М.</i> Отношения России и НАТО в Балтийском регионе и их влияние на трансграничное сотрудничество	177
<i>Семенова З. А., Чистобаев А. И., Новикова С. В.</i> Санкт-Петербург как инновационная дестинация медицинского туризма в Балтийском регионе.....	188
<i>Манаков А. Г.</i> Возможности трансграничного сотрудничества России с Эстонией и Латвией в сфере туризма	202
<i>Кретинин Г. В.</i> О проблеме формирования литовско-российского приграничья.....	211
<i>Bocheński T.</i> Transport kolejowy pomiędzy Polską a Rosją.....	224
<i>Гаджимурадова Г. И.</i> Россия — Финляндия: опыт приграничного сотрудничества в области миграции.....	238
<i>Verkulevičiūtė-Kriukienė D.</i> Social demographic trends in Lithuanian municipalities on the border with Poland and Russian Federation	246
<i>Студзенецки Т., Гуменюк И. С.</i> Европейская группа территориального сотрудничества (ЕГТС) как потенциальный инструмент польско-российского приграничного сотрудничества	266

**Трансграничное сотрудничество в фокусе
физико-географической и геоэкологической проблематики**

<i>Буцарова О. В., Голубева Е. И.</i> Отражение европейских традиций в структурно-функциональных особенностях университетских садов России	284
<i>Краснов Е. В., Баринаева Г. М., Романчук А. Ю.</i> Балтийское морское побережье: геоэкологические аспекты оптимизации природопользования	291
<i>Чупахина Г. Н., Масленников П. В., Скрыпник Л. Н., Чупахина Н. Ю., Федурев П. В.</i> Овощеводство — приоритетное направление аграрной политики калининградской области.....	307

<i>Зотов С.И., Кесорецких И.И.</i> Исследование связей в системе «Уязвимость ландшафтов — территориальное планирование — природопользование»	316
<i>Куркина М.В., Дедков В.П.</i> Геоэкологическая оценка состояния трансграничных песчано-аккумулятивных экосистем Юго-Востока Балтики для международного сотрудничества	329
<i>Романова Е.А.</i> Пространственные особенности приграничных районов Балтийского региона	339
<i>Виноградова О.Л.</i> Моделирование пространственно-временной динамики систем природопользования Балтийского региона	351
<i>Кащенко Н.М., Лазарева Н.Н., Ковалев В.П.</i> Реконструкция польдерных систем агроландшафтов дельты реки Неман с использованием математического моделирования	358

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИМАСШТАБНЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

УДК 911.5/.9

А. Г. Дружинин^{1, 2}

¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

АКВАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НА ЗАПАДНОМ ПОРУБЕЖЬЕ РОССИИ: ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНАЯ СПЕЦИФИКА

Акцентируется внимание на аквальных (аквально-территориальных) общественных системах как особом инварианте регионов, формирующихся и функционирующих под воздействием «морского фактора». Идентифицирована специфика аквально-территориальных систем (особая роль аквальных факторов и ресурсов в регионализационной генезе, аквально-территориальная дихотомия структуры, опорно-каркасный характер оконтуривающей акваторию «пояса» приморских зон, секторальная социально-экономическая и геополитическая стратификация, преимущественная «недозавершенность» региона формирования и др.). Показано, что на западном побережье России трансграничная регионализация не только наиболее выражена (под влиянием исторических, геоэкономических и геокультурных факторов), но и обретает четкие аквальные форматы (Балтийский регион, Баренц-регион, Причерноморье) с выраженной центро-периферийной стратификацией.

The author explores aquatic (aquatic-territorial) social systems considering them as a special invariant of the regions that form and function under the influence of the so-called 'marine factor'. The author identifies a number of specific features of these aquatic-territorial systems (including

---

© Дружинин А. Г., 2018

the special role of aquatic resources and related factors in regional genesis, aquatic-territorial dichotomy of the structure of such regions, the belt of coastal areas surrounding water bodies and their region-forming nature, the sectoral socio-economic and geopolitical stratification of regions, the predominant 'incompleteness' of the process of their formation, etc.). It is shown that in the western border areas of Russia cross-border regionalization is clearly visible (due to historical, geoeconomic and geocultural factors) and facilitates the development of the aquatic form of regions (for instance, the Baltic region, the Barents region and the Black Sea region) with a pronounced centre-periphery stratification.

Ключевые слова: аквальная регионализация, трансграничная интеграция, Западное побережье России, центрo-периферийная структура.

Keywords: aquatic regionalization, cross-border integration, Western border areas of Russia, Central-peripheral structure.

Территориальная организация современного общества испытывает фундаментальное влияние «морского фактора» [1—4]; в особой мере это относится к транснациональным взаимодействиям и их пространственным форматам, к трансграничной регионализации. Морские акватории, их рубежный (выступающий важнейшей контактной зоной [5]) контур с соответствующим ресурсным потенциалом (включая приоритетную его составляющую — транспортно-коммуникационную), равно как и с формирующимся на его основе морехозяйственным комплексом предстают субстратом особого рода региональных макроструктур — аквальных (аквально-территориальных) социально-экономических регионов.

Аквальные социально-экономические регионы: структурные особенности и центрo-периферийная специфика

Аквальный регион (в общественно-географическом понимании) одновременно представляет собой и физический пространственно-локализованный объект, и систему интегрирую-

щих его отношений, и соответствующий ментальный конструктор (геообраз, геоконцепт). К специфическим чертам (признакам, характеристикам) аквального социально-экономического региона можно отнести:

- единство, взаимосвязанность морской акватории (вовлекаемой в общественно-географические процессы) с прилегающими к ней (селитебно и экономически сопряженными с морем) приморскими территориями;

- регионоформирующий характер трансакваториальных («пронизывающих» акваторию) взаимодействий и в существенной мере связанного с ними морехозяйственного комплекса (вмещающего морской транспорт, судостроение, приморские направления рекреации, портово-промышленную активность и др. [6; 7]);

- структуроформирующее влияние пространственной конфигурации, интегрируемой аквальным регионом дихотомии «суша — море»; наиболее благоприятными условиями для регионогенеза располагают при этом относительно «закрытые» морские акватории (наподобие Балтики и Черного моря), где в итоге складывается инверсионный характер общественно-географического пространства: его «разреженность» во внутренней части («ядре») аквального региона (в пределах собственно акватории, выступающей в качестве *эндопериферии*) и «уплотненность» по периферийному территориальному контуру («поясу» оконтуривающих акваторию приморских зон): *внешнему контуру-ядру* (рис.);

- повышенный (при прочих равных условиях) потенциал развития транснациональных, трансграничных связей, что позволяет рассматривать аквальный регион (в значительной части ситуаций) как результирующую трансграничной интеграции;

- выраженная «секторальная» стратификация по политико-территориальным (юрисдикции) и, соответственно, социально-экономическим (специфика хозяйственной и селитебной активности) признакам;

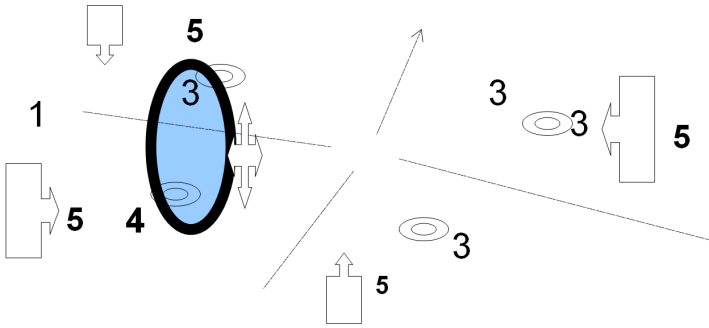

Рис. Структурные компоненты

аквального социально-экономического региона:

1 — трансакваториальные, трансграничные центр-периферийные взаимозависимости; 2 — эндопериферия аквального региона; 3 — рубежи секторов (политических и социально-экономических) аквального региона; 4 — «внешний контур-ядро» аквального региона; 5 — центральные зоны «внешнего контура-ядра»; 6 — значимые для аквального региона экзогенные центры

- особая роль в аквальном регионегенезе (в том числе и в выстраивании центр-периферийных отношений) внешних (экзогенных) общественно-географических структур и процессов, то есть ситуация, когда в регионализации существенен не только потенциал непосредственно приморских зон (регионов, городов), но и «вмещающих» их стран, макрорегионов, располагающих выходом к тем или иным морским акваториям и имеющим в этой связи соответствующие геоэкономические и геополитические интересы.

Выступая имманентным компонентом общественно-географического пространства, аквальные социально-экономические регионы следуют его универсальным трендам и закономерностям, являя в том числе и свою выраженную центр-периферийную структуру (акцентированную и концептуализированную в работах И. фон Тюнена, В. Кристаллера, И. Вал-

лерстайна, Ф. Броделя, Дж. Фридмана, П. Кругмана и др.). При этом в силу преимущественно транснационального, трансграничного характера аквальных регионов (предстающих целостностями, объединяющими составляющие иных общественно-географических таксонов странового уровня) их центр-периферийная конструкция *дуалистична*: ее внутрисистемный, трансакваториальный (в рамках собственно аквального региона) компонент дополняется существенным, корректирующим влиянием центр-периферийных взаимозависимостей на межстрановом (транснациональном) уровне, порождая фактическое «взаимонапластование» полимасштабных пространственных центр-периферийных структур с весьма усложненной системой общественно-географических взаимозависимостей и отношений «доминирование — подчинение». Следует отметить также, что благодаря секторальной (политико-территориальной, социально-экономической и геокультурной) стратифицированности, а также наличию многочисленных «встроенных» в конструкты аквальных регионов ингибиторов (геополитических, геокультурных) трансакваториальной, трансграничной активности данные образования в подавляющей части ситуаций дискретны, «недоформированы» и представляют собой преимущественно протооснову, субстрат «полновесной» региональной структуры. Это, в свою очередь, ведет к «усеченному» (в большей мере потенциальному, чем фактическому) проявлению центр-периферийных отношений, к их меньшей устойчивости (при одновременной повышенной зависимости от глобальной экономической конъюнктуры и соответствующих товарных потоков, обеспечиваемых морским транспортом и трубопроводами). Данные характеристики в полной мере относятся и к Российской Федерации, к ее порубежью, приморским зонам, где в постсоветский период под воздействием глобализации наблюдается активное формирование аквальных форматов трансграничной регионализации [9—11].

Западное порубежье России: доминанта аквальных форм трансграничной регионализации

Западное порубежье России, представляющее собой «подковообразный» ареал, опоясывающий западную (северо-западную, юго-западную) периферию Российской Федерации, и понимаемое прежде всего как совокупность 17 субъектов РФ [12], — полоса наиболее активной (для России) трансграничной регионализации. Это связано как с исторически сложившейся «европоцентричностью» [13] страны, смещенностью ее каркасных компонент (в селитебном, производственно-хозяйственном, транспортно-логистическом, внешнеторговом и иных аспектах) на запад, так и с современной геоэкономической ориентацией Российской Федерации (в 2016 г. доля ЕС во внешнеторговом обороте РФ составила около 43%; туда же ориентировано около 40% от общего числа поездок российских граждан за границу). Существенную роль в трансграничной активности и в целом в социально-экономической динамике западного порубежья России при этом играет «морской фактор». Лишь 6 относимых к западному порубежью российских регионов не имеют выхода к морю; в остальных 11 на морских побережьях локализованы 48 городских поселений (8 из них — с населением более 250 тыс., включая такие сложившиеся города-метрополии, как Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Калининград, Архангельск, Мурманск, а также крупные городские поселения с общефедеральным функционалом и статусом — Севастополь и Сочи) с суммарной людностью в 10,6 млн чел. Именно в приморских зонах западного российского порубежья в постсоветский период имеет место активнейшее формирование наиболее значимых для экономики страны трансграничных коммуникационных коридоров (узловыми их компонентами выступают ведущие морские порты: Новороссийский, Усть-Луга, Мурманск, Большой порт Санкт-Петербург и др., обеспечивающие почти 73% суммарного гру-

зооборота всех морских портов России [12]), а также приуроченных к ним трансграничных кластеров (специализирующихся в таких отраслях, как судостроение и судоремонт, оказание портово-логистических услуг, рыболовство и рыбоводство, «приморский» туризм, добыча полезных ископаемых и др. [8]). Именно в последние десятилетия (в контексте глобализации) приморские территории западного порубежья оказались вовлечены в процессы аквальной (аквально-территориальной) регионализации, сопровождаемой выстраиванием (физическим и ментальным) крупных (макромасштаба) образований трансграничного типа: Баренц-региона, Балтийского региона и Причерноморья. Последние два из них, концентрируя основной демографический и хозяйственный потенциал западного порубежья, своей пространственной структурой в полной мере соответствуют модели «классического» аквального региона — «средиземноморья»; их центрo-периферийная специфика отражает фундаментальное влияние «исторической колеи» и одновременно масштабных перманентных геополитических и геоэкономических изменений на евразийском пространстве.

Балтийский регион и Причерноморье: специфика моделей трансграничной регионализации и центрo-периферийной стратификации

Становление Балтийского региона (относимого экспертами к числу «наиболее сформировавшихся международных регионов» [13, с. 7]) в его современном формате во многом сопряжено с трендами евроинтеграции (в том числе и геоэкономически мотивированным превращением Северо-Запада России в «регион — коридор развития» [14]). Общественно-географические реалии предопределили как общую многополосность данного аквального региона, так и наличие в его архитектонике двух асимметричных компонент. «Европейская» компонента (пространственно превалируя) представлена восемью стра-

новыми сегментами и аналогичным числом крупных приморских «сгустков» социально-экономической активности (метрополитенских ареалов уровня NUTS 2), концентрирующих около 9,3 млн населения. «Российский сегмент» Балтики занимает лишь 7% ее побережья, но его достаточно существенный «вес» в регионе определяется как фактором Санкт-Петербургской агломерации (почти 6,5 млн жителей [15]), так и «эксклавно-анклавным» (с учетом транспортного потенциала моря) положением Калининградской области (практически полностью инкорпорированной в приморскую зону [16]). Значимой характеристикой «российского сегмента» Балтики выступает и трендовая концентрация портово-логистической активности (именно здесь локализованы все три балтийских морских порта, входящих в топ-100 крупнейших по грузообороту портов мира: Усть-Луга, Приморск и Санкт-Петербург [17]).

В отличие от Балтийского региона Причерноморье — конструктор преимущественно потенциальный (хотя уже и показавший свой интеграционный контур [9; 18]), характеризуемый четко выраженной секторальной (по юрисдикциям и основным линиям геополитического противостояния) дискретностью, а также гипертрофированной асимметрией селитебной и хозяйственной структуры. Его доминантным социально-экономическим полюсом выступает Стамбульская агломерация (за период с 1990 г. крупнейший город Турецкой Республики увеличил свое население в 2,3 раза [19]; в итоге в «турецком сегменте» приморской зоны проживают почти 70% населения всех причерноморских городов), а важнейшими геоэкономическими (транспортно-логистическими) «скрепами» — трансчерноморские трубопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток».

Заключение

Пролонгация интеграционных процессов в пределах Балтийского региона сопряжена как с укреплением позиций его «российского сегмента», усилением системного (трансгранич-

ного) влияния Санкт-Петербургской агломерации, так и с дальнейшей «вестернизацией» важнейших селитебных и хозяйственных компонент Северо-Запада России. В Причерноморье активизация значимых для Российской Федерации (укрепляющих ее евразийское геоэкономическое позиционирование, придающих дополнительные импульсы развитию приморских городов и регионов) трансакваториальных контактов в долгосрочной перспективе, напротив, приведет к нарастанию «стамбулоцентрированных» векторов и, соответственно, укреплению позиций Турции во всех без исключения сегментах черноморского побережья. Вероятностные перспективы дальнейшей трансакваториальной интеграции на узловых участках нашего западного порубежья, таким образом, достаточно противоречивы; соответствующие центрo-периферийные эффекты важно учитывать при конструировании как международной, так и региональной политики Российской Федерации.

Благодарности.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-05-00083 «Приморский фактор» конкурентного потенциала российского региона-эксклава: стратегии и механизмы реализации в условиях геополитической и геоэкономической турбулентности».

Список литературы

1. Алхименко А.П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5—23.
2. Лавров С.Б. Портово-промышленные комплексы в проблеме взаимоотношений общества и природной среды в океане и региональное развитие приморских районов // Вопросы географии океана. Л., 1983. С. 25—31.
3. Сальников С.С. Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л., 1984. С. 231—242.

4. Дружинин А. Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Сер. географическая. 2016. № 6. С. 7—16.

5. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 85—100.

6. Гогоберидзе Г. Г. Комплексное районирование приморских территорий Мирового океана. СПб., 2007.

7. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистенциальные эффекты : монография / Южный федеральный университет ; под ред. А. Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2017.

8. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т. Особенности комплексобразования в приморских аква-территориальных зонах Дальнего Востока // Географические проблемы Мирового океана. Л., 1985. С. 94—99.

9. Дружинин А. Г. Юг России: интеграционные приоритеты в пространстве Большого Причерноморья // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 23—30.

10. Фёдоров Г. М., Корнеев В. С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—41.

11. Дружинин А. Г., Дун Явень. «Один пояс — один путь»: возможности для регионов западного побережья России // Балтийский регион. 2018. № 2. С. 39—55.

12. Вардомский Л. Б. Государственная идентичность и пространственное развитие России: опыт столетия или уроки русских революций // ЭКО. 2017. № 12. С. 33—50.

13. Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т., Студжиницкий Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7—28.

14. Межевич Н. М. Пространство российского Северо-Запада: некоторые аспекты эволюции геоэкономического положения // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016 (5). С. 93—109.

15. Лачининский С. С., Семенова И. В. Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб., 2015.

16. Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 7—27.

17. *World Ports Rankings*. URL: <http://www.aapa-ports.org/unifying/content.aspx?ItemNumber=21048> (дата обращения: 03.06.2018).

18. *Добрански С.* Формирование Черноморского сообщества // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 177—181.

19. *Дружинин А.Г.* Динамика численности населения городов Причерноморья в постсоветский период: геоэкономические и геополитические аспекты // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 61—69.

Об авторе

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; профессор-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Director of the North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, South Federal University (Rostov-on-Don); Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

Н. В. Каледин¹, А. Б. Елацков¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЗАПАДНЫМИ СОСЕДЯМИ**

Анализируются генезис, особенности развития политической географии и геополитики как научно-образовательных направлений. Выделены и рассмотрены основные, последовательно сменявшие друг друга научно-образовательные парадигмы в развитии политико-географического знания, формировавшиеся в историческом контакте с западными соседями России в Балтийском регионе — государствоописательная, антропогеографическая, государственно-геополитическая, деятельностно-общественная. Показано российское происхождение термина «политическая география» и его последующее проникновение в Европу во второй половине XVIII в.

The author analyses the genesis and the main features of the development of political geography and geopolitics as separate lines of research in education and science. The article describes a number of scientific and educational paradigms, consistently replacing each other in the development of political and geographic knowledge — those related to the study of the state, anthropological geography, geopolitics, society, etc., differing in their methodology and thematic priorities. The author proves that the term “political geography” is of the Russian origin. The term was borrowed by European researchers in the second half of the XVIII century.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, научно-образовательная парадигма, геополитические идеи и концепции.

Keywords: political geography, geopolitics, scientific and educational paradigm, geopolitical ideas and concepts.

Взаимодействие России с западными соседями исторически имело многообразные по формам результаты и последствия, в том числе в сферах идеологии, науки, образования. Одним из них стало постепенное обретение Балтийским регионом статуса родины, «месторазвития» политико-географического и геополитического знания и выражающих их наук: *политической географии и геополитики*.

Главной географической ареной этих событий XVIII—XX вв. стали «исторические генераторы» общественного развития и взаимодействия в регионе — Россия, германские государства, Швеция — независимо от исторических форм их государственности. Каждый из соучастников этого взаимодействия внес свой вклад в развитие политико-географического и геополитического знания, в становление его исторических форм. Далее обратимся к одному из главных результатов указанного взаимодействия — к опыту России (подробнее см.: [1; 2]).

Исторически первым в развитии указанного знания можно считать *донаучный* период, когда еще не сложились специальные науки. Для него были характерны преимущественно эмпирические политико-географические описания и геополитические идеи, не опиравшиеся на научные методы. Большую роль в формировании геополитических идей играли сакрально-географические представления. Самой известной концепцией раннего периода является, по видимому, идея и пророчество о Москве как о Третьем Риме Филофея Псковского (ок. 1465—1542), высказанная им в начале XVI в. в послании к Василию III, хотя ее зачатки возникли еще раньше (например, понимание Москвы как Нового Царьграда). Постепенно с Третьим Римом отождествляется и вся Россия. Эта концепция открыла череду идеальных геополитических образов, с которыми российские мыслители отождествляли Россию на протяжении последующей истории.

Среди прочих авторов можно указать, в частности, на историка А. Лызлова (XVII в.), разработавшего доктрину противостояния кочевого и оседлого миров в Евразии, и на государ-

ственного деятеля и публициста А. Ордина-Нащокина (XVII в.), предлагавшего модель объединения двух крыльев славянского мира путем союза с Польшей [1].

Научный период начинается с зарождения политической географии (ПГ) как науки, которое можно отнести к первой трети XVIII в., когда усилиями Петра I создаются Академия наук и Академический университет в Санкт-Петербурге (1724) с приглашением в них иностранных, в том числе немецких, ученых, представлявших передовую в Европе географическую науку. Дальнейшее развитие ПГ и геополитических представлений можно рассматривать как ряд этапов, для которых были характерны следующие, различавшиеся тематически и методологически, *научно-образовательные парадигмы*.

I. Государствоописательная парадигма. С ней связаны возникновение и становление ПГ, предметом которой стало комплексное описание стран, а главным методологическим принципом отбора и систематизации эмпирического материала — «государственно-географический» подход, необходимая для реализации государственной политики информация. Она олицетворяла общественно-географическое направление в географии до конца XIX в. При этом государствописание исходило из принципов географического детерминизма и развивалось в конкуренции со статистикой (камеральной, политической), также концентрировавшей общественно-географическое знание. Выдающийся представитель военной географии Д. А. Милютин даже предложил преобразовать ее в военную статистику как в более комплексную дисциплину.

Именно в этот период возникает и сама ПГ. В 1738 и 1739 гг. Академией наук в Санкт-Петербурге было издано первоначально на немецком, а затем на русском языке «Краткое руководство к математической и натуральной географии» профессора Г.В. Крафта [5]. Именно в этих изданиях впервые был применен термин «политическая», или «историческая», география как раздел географической науки. В 1745 г. в Академии вышел труд профессора Х.-Н. Винцгейма «Краткая поли-

тическая география». А в 1754 г. под влиянием этих работ немецкий географ А. Бюшинг начинает издавать многотомный труд по ПГ различных регионов мира, оказавший огромное влияние на развитие новой науки в различных странах. Именно «по Бюшингу» читал свои лекции И. Кант в Кёнигсбергском университете [2, с. 24—25].

Расцвет государствоописательной парадигмы ПГ пришелся на первую половину XIX в., происходил в конкуренции с политической статистикой и был связан с деятельностью профессоров К. Ф. Германа, Е. Ф. Зябловского и К. И. Арсеньева на кафедре географии и статистики Санкт-Петербургского университета [2, с. 26—27].

II. Антропогеографическая парадигма. Причины последующего кризиса и постепенного забвения ПГ кроются как в конкуренции со статистикой, так и в дифференциации самой географии, утверждении ее новой структуры под воздействием трудов немецких географов XIX в. антропогеографической школы (К. Риттера, Ф. Ратцеля и др.). Антропогеография связывала общественные явления в первую очередь с природными факторами, пытаясь уже не только описывать, но и объяснять географические различия в жизни общества. В новой структуре географии в конце XIX в. предмет первоначальной ПГ оказался «разобраным» тремя направлениями: народоведением, государствоведением и экономической географией.

В России, прежде всего на родине ПГ в Санкт-Петербурге как главном политическом и учебно-научном центре страны, переход к новой парадигме завершается накануне Первой мировой войны новаторским трудом В. П. Семенова-Тян-Шанского [4]. Констатируя в 1915 г. отсутствие научной ПГ в России, он тем не менее делает исключение, упоминая «блестящие трактаты» конца XIX — начала XX в. трех профессоров: В. И. Ламанского (о триединой историко-культурной и территориально-политической структуре Евразии и специфике в ней российско-евразийского «Среднего мира»), А. И. Воейкова (об антропополитико-географическом районировании наибо-

лее освоенной части земного шара) и П. П. Семенова-Тян-Шанского (о закономерности и особенностях колонизационных движений в мире и России). Важным фактором становления новой научно-объяснительной парадигмы стало издание в 1898 г. на русском языке труда ее основоположника в Европе Ф. Ратцеля «Политическая география» [2, с. 29]. Эта работа оказала огромное воздействие на развитие научной ПГ в странах Балтийского региона и стимулировала ее трансформацию в Швеции и Германии в геополитику как новое направление политико-географического знания.

В. П. Семенов-Тян-Шанский рассматривал ПГ как «итоговое», синтетическое и многоуровневое знание, географию «территориальных и духовных господств человеческих сообществ», а географо-детерминистские принципы ратцелевской политической географии были дополнены фактором экономической деятельности человека как важного опосредующего звена в процессе формирования территориального господства. Им были выделены исторические формы «могущественно-территориального владения» («средиземноморская», «клочкообразная», «чрезматериковая») как результата действия природных, исторических, экономических и культурных факторов территории [2, с. 30—31].

К этому этапу следует отнести труды еще трех известных авторов. Во-первых, книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869) с антропо-геополитической цивилизационной (в современной терминологии) по своей сути концепцией локальных «культурно-исторических типов». Во-вторых, главный труд Л. И. Мечникова, созданный им в эмиграции, «Цивилизация и великие исторические реки». В-третьих, работу известного представителя русского космизма А. Л. Чижевского о влиянии деятельности Солнца (как фактора географической среды) на геополитические процессы (1924).

Вне же географической науки антропогеографическая парадигма в геополитике имела противоречивое влияние. С одной стороны, она начала складываться несколько раньше, чем в ПГ. Например, работа Н. Я. Данилевского выходила за рамки

не только государствоописательной парадигмы, но и тогдашней географии вообще. С другой стороны, множество философских и «политологических» трудов геополитического плана практически не испытали влияния антропогеографии.

Одним из поздних вариантов рассматриваемой парадигмы ПГ (1920—1930-е) было *евразийство* — историко-философская и политико-географическая концепция об особом «месторазвитии» и исторической миссии России, отличающихся своеобразным (евразийским) историко-культурным единством, обусловленным географической и этнографической целостностью территории. Она разрабатывалась российскими (санкт-петербургскими) учеными-эмигрантами П. Н. Савицким, Г. В. Флоровским, Н. С. Трубецким и др.

Исторически последней (1960—1980-е) российской страницей антропогеографической парадигмы ПГ, методологически близкой евразийству, стала этногенетическая и этногеополитическая концепция Л. Н. Гумилёва — выдающегося русского этнолога, историка и географа.

В целом в рассмотренном периоде де-факто геополитические исследования охватывали более широкий круг вопросов, чем ПГ. Геополитическая линия к началу XX в. постепенно приобрела свой «классический» вид и в ней сложилось несколько пересекающихся исследовательско-тематических программ [1]:

— *военно-геостратегическая*, нацеленная на вопросы военного противоборства и безопасности страны, включая оценку роли военно-морского могущества (П. А. Языков, Д. А. Милютин, Е. Н. Квашнин-Самарин, А. Е. Снесарев и др.);

— *историко- и политико-географическая*, ставившая задачу выявления форм и закономерностей территориально-политической организации общества в истории и современности при внимании к естественно-географическим факторам (К. И. Арсеньев, К. М. Бэр, А. И. Воейков, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский);

— *этнокультурная, этногеографическая, или цивилизационная*, ориентированная на изучение России как особой цивилизации и этнокультурного мира во взаимоотношении с другими цивилизациями (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский, Л.И. Мечников);

— *политико-социологическая*, направленная на политический и философский анализ актуальных проблем и стратегий развития страны (П.И. Пестель, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, С.Н. Южаков, Д.И. Менделеев, А.Е. Вандам и др.).

Особым направлением стало *государственно-прагматическое*, связанное с непосредственной организацией геополитической деятельности государства, то есть с практическим уровнем геополитики (Н.Н. Муравьев-Амурский, Н.И. Панин и др.).

На все из них наложил отпечаток спор российских славянофилов, западников и государственников, у которых были и свои предпочтения. Славянофильское крыло предпочитало цивилизационную, в то время как западническое — политико-социологическую программу исследований. Особую роль сыграли географический детерминизм и антропогеография (преимущественно германская школа), способствовавшие развитию геополитики в лоне географии.

III. Радикальные территориально-политические изменения по итогам Первой мировой войны и социалистической революции в России вызвали трансформацию антропогеографической парадигмы ПГ Ф. Ратцеля — В.П. Семенова-Тян-Шанского в более узкий вариант **государственно-геополитической парадигмы**. Эта новая область политико-географического знания была обозначена еще в конце XIX в. шведским профессором Уппсальского университета Р. Челленом термином «геополитика» и стала доминирующей и определяющей своеобразие новой парадигмы ПГ, выделившись в 1920-е гг. в Германии в самостоятельное научно-прикладное направление (К. Хаусхофер и др.).

В отличие от «западной», преимущественно географо-детерминистской интерпретации развития территориально-политических явлений в СССР утвердилась иная, привнесенная из Германии марксистская *историко-материалистическая госу-*

государственно-идеологическая методология с антикапиталистической, биполярной геополитической концепцией и практической деятельностью — внутривластной (социал-демократическое революционное движение, социалистическая трансформация страны) и внешнеполитической (в рамках доктрины мировой социалистической революции). Ключевой геополитической работой на десятилетия вперед стала книга В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия развития капитализма» (1916).

При этом в СССР долгое неприятие ПГ и геополитики в качестве научных направлений и учебных дисциплин как проявлений германской фашистской идеологии (информация о них в энциклопедиях и справочниках с начала 1930-х до 1960-х гг. отсутствовала) сопровождалось «миграцией» и «растворением» политико-географической и геополитической проблематики в других науках — в военной географии, обществоведческих науках, востоковедении и особенно в экономической географии зарубежных стран (но как «вспомогательного» знания). Попытки научного восприятия геополитики в 1930-е гг. представителями ленинградской школы экономической географии В. Э. Дена имели для них печальные последствия.

Ведущие позиции в научной и учебной литературе на несколько десятилетий заняли пять государственно-геополитические темы: политическая карта мира, типология стран мира, география межимпериалистического соперничества, политизация экономико-географических характеристик стран мира и критика западной политической географии и геополитики (В. Э. Ден, И. А. Витвер, О. В. Витковский, М. Б. Вольф, Г. А. Мелбус, Б. Н. Семевский, А. И. Шигер и др.) [2, с. 35—43]. Последняя тема стала более ранним и специфическим советским аналогом критической геополитики, сложившейся на Западе в 1980-х гг. Геополитический контекст этих советских исследований высоко оценивал К. Хаусхофер [2, с. 36].

Геополитические воззрения складывались не только в рамках экономической географии. Всемирную известность и геополитическую интерпретацию получила концепция «длинных волн» («больших циклов») мировой экономической конъюнктуры Н. Д. Кондратьева.

IV. Тенденция политизации экономической географии закономерно активизировалась после Второй мировой войны, распространения социалистической и распада колониальной системы, что привело к расширению предметной области ПГ и геополитики и к «вызреванию» новой парадигмы — **деятельностно-общественной**, окончательно сложившейся во второй половине 1970-х гг.

Ее содержание включает изучение территориально-политических аспектов уже не только государственной, но и других видов деятельности общества (в первую очередь таких субъектов, как партии, этносы, религиозные конфессии и др.), а также иных сфер жизни общества (экономической, социальной, этнической, культурной и др.) и их интегральных результатов, в том числе политико-географических районов. Происходит переход от государственно-геополитической тематики к более широкому политико-географическому страноведению, ставшему в 1980-е гг. ядром новой парадигмы и охватывающему широкий круг вопросов территориальной расстановки политических сил в странах, их регионах и отдельных центрах (электоральную географию), региональные социально- и культурно-политические различия, политико-географическое районирование, методику политико-географических характеристик стран и их регионов и др. [2, с. 48—49].

Именно в рамках этой парадигмы в ряды научных направлений возвращается сначала ПГ, а с конца 1980-х — и геополитика. Неоценимый вклад в этот процесс внесли выдающиеся российские политикогеографы С.Б. Лавров (СПбГУ) и В.А. Колосов (Институт географии РАН). Важной вехой на этом пути стала организация в 1986 г. первого Всесоюзного совещания по проблемам ПГ в Баку, которое дало мощный толчок развитию науки и обозначило ее главные центры: Москву, Ленинград-Санкт-Петербург, Баку, Минск. В итоговом сборнике впервые были опубликованы доклады, позитивно трактующие геополитику [3].

В области геополитики, ставшей самостоятельным междисциплинарным направлением, в рамках современного этапа рассматриваемой парадигмы сложились три основных научно-

дисциплинарных направления, различающиеся методологически в интерпретации геополитики и геополитической реальности (рис.).

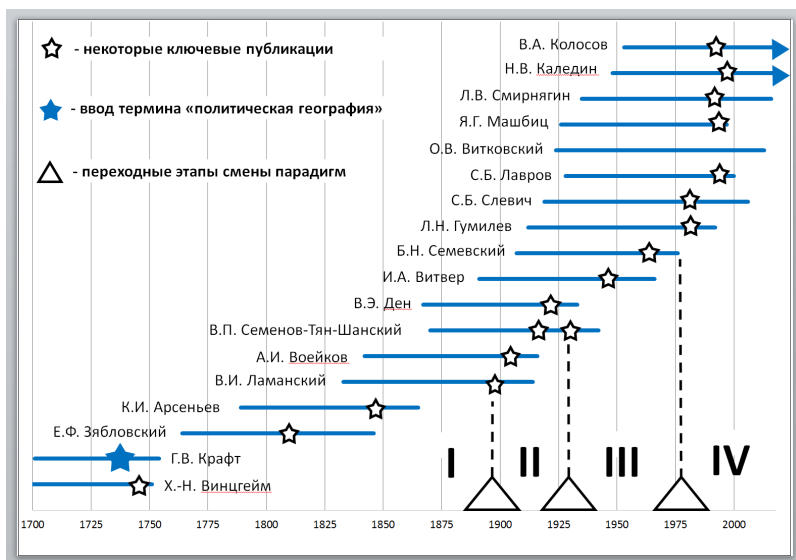

Рис. Представители отечественной политической географии (господствующие парадигмы):

I — государствоописательная, II — антропогеографическая, III — государственно-геополитическая, IV — деятельностно-общественная

— в политической географии (К. Э. Аксенов, П. Я. Бакланов, Л. А. Безруков, Ю. Н. Гладкий, А. Г. Дружинин, А. Б. Елацков, Д. Н. Замятин, Н. В. Каледин, В. А. Колосов, С. Б. Лавров, Н. С. Мироненко, Д. В. Николаенко, А. И. Трейвиш, В. Г. Шведов и др.).

— в теории международных отношений (А. Д. Богатуров, Л. Г. Ивашов, С. А. Косолапов, С. В. Лурье, В. П. Ощепков, Э. А. Поздняков, К. Э. Сорокин, А. И. Уткин, П. А. Цыганков и др.);

— в политологии и политической публицистике (К. С. Гаджиев, А. Г. Дугин, М. В. Ильин, А. С. Панарин, А. П. Паршев, К. В. Плешаков, Р. Ф. Туровский, В. Л. Цымбурский и др.).

Список литературы

1. *Елацков А. Б.* Отечественная геополитическая мысль: содержание и исторические формы : дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2003.
2. *Каледин Н.В.* Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб., 1996.
3. *Политическая география: проблемы и тенденции* : матер. Всесоюз. совещания / под ред. В. А. Колосова, А.И. Ибрагимова. Баку, 1987.
4. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии. Пг., 1915.
5. *Krafft G. W.* Kurtze Einleitung zur Mathematischen und Naturlichen Geographie, nebst dem Gebrauch der Erd-Kugeln und Land-Char-ten, zum Nutzen der Russischen studirenden Jugend. St. Petersburg, 1738.

Об авторах

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kaledin@politreg.spbu.ru

Елацков Алексей Борисович, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: a.elatskov@spbu.ru

The authors

Dr Nikolai V. Kaledin, Associate Professor, Head of the Department of Regional Policy and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kaledin@politreg.spbu.ru

Dr Aleksey B. Elatskov, Associate Professor of the Department of Regional Policy and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: a.elatskov@spbu.ru

Р. Гнято¹

¹ Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина)

**ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА
(на примере Западных Балкан)**

В пространстве Восточной Европы, Евразии и Западных Балкан в начале 90-х гг. прошлого столетия произошли большие геополитические, геоэкономические, социальные, частично даже культурологические перемены, являющиеся итогом политики глобализации и евроинтеграции. В этих сложных процессах Россия играла второстепенную роль и оказывала незначительное влияние. В таких обстоятельствах усиливались угрозы территориальной целостности и государственному суверенитету. Чтобы выйти из глубокого политического, экономического и социального кризиса, сохранить собственные национальные интересы и оказать воздействие, которое естественным образом принадлежит большой стране и большому народу, России очень быстро и решительно пришлось выступить в качестве неизбежного фактора на глобальной геополитической сцене. В результате уже в начале XXI столетия начал складываться баланс геополитических сил, сопровождаемый крушением модели однопольярного мира и переходом к многополюсному мироустройству. Хотя «центр силы» смещается к Востоку, восстановленная Россия в новых обстоятельствах оказывает все большее геополитическое и геоэкономическое влияние в европейском пространстве, включая Западные Балканы. Однако влияние России в пространстве Западных Балкан не совпадает с интересами Запада, что вызывает ряд противоречий не только в отношениях между Россией и Западом, но и в отношениях между западнобалканскими государствами.

It was in the early 1990s that East Europe, Eurasia and Western Balkans witnessed major geopolitical, geo-economic, social and cultural changes brought about by globalisation and European integration. In

these complex processes, Russia played a secondary role and exerted a minor influence. In the new circumstances, threats to the country's territorial integrity and state sovereignty were reinforced. In order to get out of the deep political, economic and social crisis, Russia had to act decisively re-establishing itself as an actor on the global geopolitical scene to preserve its national interests and restore its influence that naturally belongs to any large country having big population figures. As a result, at the beginning of the 21st century, a new balance of geopolitical forces began to take shape, accompanied by the collapse of the unipolar world model and the transition to a multipolar one. Although the "centre of power" is now shifting towards the East, Russia's geopolitical and geo-economic influence on the European space, including the Western Balkans has been growing. However, Russia's stance on the Western Balkans differs from that of the West. This clash of interests causes a number of contradictions not only in the relations between Russia and the West but also between the Western Balkan states.

Ключевые слова: Россия, Евразия, Европа, Балканы, США, геополитика, глобализация, многополярный мир, сотрудничество, регионализм.

Keywords: Russia, Eurasia, Europe, Balkans, USA, geopolitics, globalism, multi-polar world, cooperation, regionalism.

Геополитические рамки и перспективы отношений между Западом и Россией

В предыдущие триста лет отношения между Россией и Европой строились на основании различных, как правило, конфликтных идеологий и геополитических концепций, а также резко противопоставленных экономических, культурологических и в целом цивилизационных интересов. В период между двумя мировыми войнами данный вопрос оказался в центре внимания российской социальной мысли, в первую очередь в размышлениях П. Н. Савицкого. В связи с этим весьма важным предстает понимание особенности и сути евразийского пространства: «Евразия — это не Европа и не Азия, а особое третье пространство, являющееся местом развития оригиналь-

ной русской культуры и цивилизации». Акцентируя внимание на специфике евразийского пространства, П. Н. Савицкий приходит к далеко идущим выводам о переплетенных многоуровневых видах влияния византийской, тюркской и европейских культур на русскую культуру, отличающуюся от своего окружения» [1, с. 434]. Вопросом о геополитических отношениях России и Запада занимался и влиятельный российский академик А. А. Зиновьев. Он подчеркивает, что сложность данных отношений определяется их принадлежностью к различным цивилизациям, отмечая при этом важность цивилизационного подхода и всех его элементов при формировании геополитики и геополитической идентичности нации, то есть государства [2].

Подход, который культуру и особенности цивилизации воспринимает как элемент интеграции в географическое пространство, нашел свое применение в различных геополитических концепциях и моделях организации мира, то есть отдельных территориальных систем. Этот подход продемонстрировал свою устойчивость на различных исторических эпохах, включая современную. В противовес интеграционной роли культурно-цивилизационное определение, как показывает практика современного мира, возникает в основном в качестве фактора дезинтеграции географического пространства и уже существующих моделей организации, то есть территориализации. Таким образом, неприятие реальности в глобальном географическом пространстве, то есть культурно-цивилизационных различий, генерирует конфликты и столкновения «культур», то есть цивилизаций, в каком-то смысле столкновения государств [3, с. 13—358]. Таким образом, уже столетиями «западная культура», имеется в виду европейский католический круг культуры, не принимает евразийскую, то есть российскую, культурно-цивилизационную индивидуальность. По уже упомянутым «культурологическим» причинам, хотя по сути из-за геополитических, геостратегических и геоэкономических интересов, через многовековую историю, особенно за последние сто лет, европейский Запад, включая США, в России видит не партнера, а исключительно соперника, точнее

врага. На этом месте возникает логичный вопрос: почему у Запада такое отношение к России? Ответ кроется в глобализации, то есть в империалистических и гегемонистических целях Запада, тем более США и отдельных европейских государств, в первую очередь Великобритании. Автор в одной из своих работ [4, с. 415—431] анализирует причины и последствия процесса глобализации, суть и смысл «нового мирового порядка», а также воздействие названного процесса на геополитические процессы в пространстве бывшей СФР Югославии, отмечая при этом, что глобализация исторически непрерывна и находит свое отражение в «намерении больших европейских сил и США создать мир, основанный на их моральных, культурологических и цивилизационных ценностях» [5, с. 52]. Имея в виду тот факт, что Россия является главным камнем преткновения в политике глобализации и в интересах ведущих стран данного процесса, отношение Запада к России приобретает свой «смысл». Однако политика глобализации и стратегические интересы Запада основываются на геополитической концепции «Хартленд — Римленд», которую свыше века назад выдвинул английский географ Х. Макиндер и которая выступает за полный контроль Хартленда, то есть контроль над Россией [6, с. 89—102]. В этом смысле Запад уже установил такой контроль над европейским пространством, практически вплоть до западных границ России.

Современной ситуации и перспективе геополитических отношений России и стран европейского пространства (а также Запада в целом) серьезно грозят две взаимно противопоставленные концепции организации глобального географического пространства. Одна — это глобализация, а другая — многополярный мир. Первая стремится к модели однополярного мира, в котором ключевую роль и позицию будут иметь США, а вторая — к модели, которая обеспечит поляризованное развитие и баланс влияния в мире, к модели, в которой ключевую роль играют Россия, все больше Китай, а в будущем и ряд стран из разных частей мира (ЮАР, Бразилия, Индия и др.).

Практика показала, что глобализация уничтожает жизненные интересы большинства стран мира во всех общественных сферах: геополитической, экономической, безопасности, социальной, культурной. Цели глобализации, то есть Запада, осуществляются разными средствами, в первую очередь военными, агрессиями НАТО. Последствиями предстают уничтоженные суверенные и международно признанные государства: в Северной Африке, на Дальнем и Ближнем Востоке, на Западных Балканах, сегодня и на Украине. Целью войны на Украине, вызванной влиянием интересов Запада, является уход Украины от России и ее подчинение Западу, по сути США, хотя формально — Брюсселю [7]. К слову, внутренние столкновения в этом государстве вызваны по уже опробованному «балканскому рецепту»: на почве этнокультурологических, то есть этнонациональных, различий и враждебности. Тут, разумеется, следует задаться вопросом о конечной цели Запада в связи с кризисом на Украине. Сразу надо отметить, что Украина Западу очень важна. Однако она не цель, она лишь средство для осуществления более крупных и далеко идущих целей глобализации, прежде всего американских.

В связи с таким отношением влиятельный российский академик С. Ю. Глазьев подчеркивает, что войны в Европе представляли собой важный источник экономического развития и политической мощности США, на это указывает тот факт, что данное государство стало таким мощным именно благодаря Первой и Второй мировым войнам. Он также отмечает, что все свои привилегии США приобрели в результате распада социалистической системы [7]. Поэтому становится абсолютно понятным американское поощрение Украины войти в вооруженное столкновение с Россией, в которое потом, опять-таки под давлением США, вошло бы большинство европейских, а также ряд стран из различных частей мира, экономически и политически зависящих от США. Приходим к весьма логичному заключению, что экономически слабая и военно зависимая Европа и побежденная и подчиненная Россия обеспечивают осуществление «жизненных» интересов США: ее

доминирование на глобальной геополитической сцене, экономическое развитие, а также достижение всех целей глобализации и концепции однополярного мира.

Сегодня в реальных геополитических обстоятельствах, окрашенных деструктивным влиянием США на Украину и разнообразными давлениями на ЕС и другие страны европейского пространства, сотрудничество между Россией, с одной стороны, и Европой — с другой, осуществляется с большими трудностями и терпит все большее американское давление. У этого сотрудничества нет такого масштаба, который оно должно было бы иметь и имело бы, учитывая существующие и доступные ресурсы. Но несмотря на непростые обстоятельства в отношениях России и Европы, главным российским партнером по международной торговле остается Европа, а в рамках Европы — Германия [8, с. 73—84]. Если обратиться к объемам экспорта России в Европу, в период с 2011 по 2015 г. на первом месте была Голландия, затем Италия, Германия, Беларусь и Польша. Что касается объемов импорта в Россию из европейских стран в эти годы, первое место заняла Германия, затем Беларусь, Италия, Франция. На глобальном уровне в тот же период времени главным российским торговым партнером по экспорту была Голландия, затем Китай, Италия, Германия, Япония, Корея, Беларусь, Турция, Казахстан, Польша, а по импорту — Китай, Германия, США, Беларусь, Италия, Япония, Украина, Франция, Корея, Казахстан [9]. Приведенные данные показывают направленность России на стабильное экономическое сотрудничество с рядом стран из непосредственного окружения, в первую очередь стран европейского пространства, но тем не менее очевидно и направление к экономическому сотрудничеству с самыми развитыми странами мира (Китай, Япония, США, Турция).

В новой геополитической обстановке, ознаменованной кризисом американской глобализации и позиционированием модели многополярного мира, весьма оправданно возникает вопрос о будущих отношениях и всеобщем сотрудничестве

Европы и России. Эти отношения и уровень сотрудничества несомненно будут определены итогами американского воздействия на геополитическое позиционирование самых развитых европейских государств по отношению к России и к концепции многополярного мира. Данные итоги также касаются способностей и желаний самих развитых европейских стран, прежде всего Германии, Франции и Италии, сопротивляться американскому неокOLONIALИЗМУ, политическому подчинению и экономическому угнетению. Практически, если целью Европы являются политическая индивидуальность, независимость и стабильность, либерализация мирового рынка, а также взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами мира, она должна избавиться от американского влияния и шантажирования. Такое положение Европы по отношению к США широко бы распахнуло дверь всем видам сотрудничества между Россией и Европой, прежде всего в сфере экономики, а также в других сферах общественной практики. Наряду с неудержимым экономическим и военным развитием Китая дополнительное укрепление экономических и иных возможностей Европы и России можно считать ключевыми детерминантами стабильных геополитических отношений на глобальном уровне. По этим причинам России приходится распространять еще большее влияние в европейском пространстве, включая Западные Балканы.

Как и в предыдущее тысячелетие, так и сегодня Западные Балканы являются территорией, на которой переплетаются и сталкиваются культуры Востока и Запада, различные политические и военные союзы, а также экономические интересы больших сил. По этим причинам Западные Балканы всегда были и будут неисчерпаемым источником региональной нестабильности и сложных геополитических процессов, а также площадкой для соревнования больших сил в политической и других сферах. Процесс глобализации и крупных геополитических перемен в Европе в конце XX в. не миновал и Западные Балканы. Последствия данного процесса находят свое от-

ражение в геополитической реорганизации пространства Западных Балкан, а также в интеграции большинства новообразованных государств в данном пространстве в евроатлантические и европейские структуры: НАТО, ЕС.

Новая геополитическая действительность на глобальном уровне, видимо, обеспечила возвращение России на Западные Балканы, а также все более важное влияние и присутствие Турции и Китая [4, с. 284]. Такая ситуация в данном пространстве ведет к переплетению и столкновению интересов ключевых геополитических факторов, на данный момент США и ЕС — с одной, и России, с другой стороны. США намерены установить полный контроль над всеми западнобалканскими странами, а также принять активное участие в стратегических целях глобализации, то есть американского неокOLONиализма.

Кроме Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины, все страны Западных Балкан сегодня являются странами-членами НАТО. Однако уже совершенно понятно, что и Македония в ближайшие сроки станет полноправным членом НАТО. Вне этого союза находятся лишь Сербия и Босния и Герцеговина. В обеих странах отмечается нахождение военных сил отдельных стран Запада, так что практически можно говорить о присутствии НАТО на данной территории. В Сербии военные силы находятся в пространстве Косово и Метохии — «временно» оккупированной части Сербии, а в Боснии и Герцеговине западный военный союз сегодня в определенном объеме существует в целом пространстве этого практически разделенного государства. Итак, Сербия и Босния и Герцеговина не являются странами-членами НАТО, но тем не менее НАТО в этих государствах активно присутствует.

В вопросе Западных Балкан геополитические интересы ЕС лишь частично совпадают с американскими интересами, в то время как геоэкономические полностью отличаются. ЕС старается создать «стабильные» Западные Балканы, упорядоченные по мерам и интересам его ведущих стран, в первую очередь Германии. Однако эти интересы противопоставлены рус-

ским геополитическим интересам в Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории, Македонии. Усилия всех западнобалканских государств стать полноправными членами ЕС сопровождаются геополитическим шантажированием Запада. Кроме вступления в НАТО некоторые из западнобалканских государств должны выполнить особые требования Запада (ЕС и США): Сербия — нормализовать отношения с Косово, то есть принять насильственную сецессию этого сербского края, а Босния и Герцеговина — достичь как можно большую степень унитаризации в ущерб усилению положения Республики Сербской.

Роль России на Западных Балканах и ее «возвращение» в это пространство необходимо рассматривать прежде всего в ключе политики многополярного мира, а также в свете сопротивления глобализации и американскому неокOLONиализму, напрямую направленному на Россию. Вклад России в политику многополярного мира — это одновременно ее вклад в сохранение международного права и роли международных учреждений в лоне ООН. В то же самое время это вклад в сохранение независимости и суверенности международно признанных государств. Разумеется, все, что Россия отстаивает, — находится в противоречии с геополитическими и геостратегическими интересами США. Именно поэтому данные противоречия надо рассматривать в качестве главной причины драматических геополитических интересов на Западных Балканах.

Нынешнюю роль России на Западных Балканах следует воспринимать через призму многовековой истории — как ее естественное право защищать основные культурно-исторические и цивилизационные ценности православных народов, где бы они ни находились. Следовательно, «возвращение» России на Западные Балканы обладает глубинным геополитическим, геостратегическим и культурно-цивилизационным смыслом. Это «возвращение» обеспечено, по сути, принадлежностью русского и сербского народов одному общему культурно-цивилизационному кругу, отмеченному славянством, христианством и православием. Ключевые предпосылки возвращения России на Западные Балканы, и вообще на глобальную

геополитическую сцену, связаны также с ее быстрым восставлением и развитием по всем направлениям. В данном смысле особо важным является все большее обращение России к собственным национальным, культурным и историческим ценностям. Стремление к полному восстановлению духовности и коллективного сознания о великом народе, великой культуре и мощном государстве становится ключевым фактором стабильного развития России, а также ее положения и все большего влияния на глобальной геополитической сцене.

В связи с «возвращением», а еще в большей мере с влиянием России на Западных Балканах Д. Релич выделяет два ключевых предположения. Одно основывается на «привилегированном» положении России как постоянного члена Совета Безопасности ООН. Данным положением Россия несколько раз пользовалась в целях защиты международного права и легитимных интересов сербского народа в связи с Косово и Сребреницей. И наконец, важным «столпом», на котором зиждется влияние России на Западных Балканах, является «растущее экономическое значение России для стран этой области», которое оказывается через энергетический сектор, торговлю и инвестиции [10].

Список литературы

1. *Грчић М.* Евроазијске особине Балканског полуострва као детерминанта геополитичких процеса. Геополитички процеси у савременом евразијском простору. Бања Лука, 2017.
2. *Зиновјев А.* Велика прекретница. Критика западне хегемоније. Београд, 2000.
3. *Хантингтон С.* Сукоб цивилизација и преобликовање светског поретка. Подгорица, 2000.
4. *Гњато Р.* Западни Балкан — изазови и перспективе. Бања Лука, 2017.
5. *Марковић М.* Нови светски поредак. Геополитичка стварност Срба. Београд, 1997.
6. *Желько Б. М.* Макиндеров геополитички поредак и евроазијска интеграција. Србија и евразијски геополитички простор. Едиција расправе. Књ. 4. Београд, 2013.

7. *Глазьев С.* Зачем Америке Майдан // Аргументы недели. 2014. 10 июня.

8. *Дружинин А.* Евразийские векторы геостратегии России в «зеркале» внешнеторговой статистики // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. №4.

9. *Информација* о тржишту Руске федерације. Припремила БХЕПА, 2016.

10. *Рельић Д.* Русија и Западни Балкан. URL: <https://www.isac-fund.org/wp-content/uploads/2017/01/Rusija-i-zapadni-balkan.pdf> (дата обращения: 03.06.2018).

Об авторе

Гнято Райко, председатель Географического общества Республики Сербской, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной географии, естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина.

E-mail: gnjator@pmfbl.org

The author

Dr Raiko Gnato, Chairman of the Geographical Society of the Republika Srpska, Head of the Department of Regional Geography, University of Banja Luka (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).

E-mail: gnjator@pmfbl.org

M. Michigami¹

¹ Niigata University (Niigata, Japan)

LABOR IMMIGRANT'S HOUSING AND HOUSING MARKET IN RUSSIA

М. Мичигами

УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ-ЭМИГРАНТОВ И РЫНОК ЖИЛЬЯ В РОССИИ

This study is based on the results of a sociological survey conducted by the author in 25 cities of Russia from June 2017 to March 2018. This paper focuses on the study of labour immigrant flows from Central Asia, Ukraine, Belarus and Caucasus to Russia. The author argues that Russia's housing market has a multi-layered structure and lack a formal well-established structure. Another important conclusion is a correlation between labour migrants' housing condition and labour productivity. There is a need to improve housing conditions and create a more open housing market in Russia.

Данное исследование основано на результатах оригинального социологического опроса, проведенного автором в 25 городах России с июня 2017 по март 2018 г. Особое внимание уделяется трудовым иммигрантам из Центральной Азии, Украины, Беларуси и Кавказа в России. В статье указано, во-первых, на многослойную структуру и неформальность российского рынка жилья, во-вторых, на связь между условиями труда трудовых мигрантов и производительностью труда. Необходимо проводить политику улучшения качества жилья, в том числе для трудовых иммигрантов, и создавать более открытый рынок жилья в России.

Keywords: housing, immigrant, segregation, informality, multi-layered structure, rental housing market,

Ключевые слова: жилье, иммигрант, сегрегация, неформальность, многослойная структура, рынок аренды жилья, Россия.

Introduction

One of our unique research aspect is the relation between immigrants' housing and Russian regional housing market. Russia is one of countries in the world, which accept many labor migrants. Labor migrant's demographic movement would create to a considerable degree the volume of housing demand — especially rental housing demand in Russia. We try to approach the fundamental drives of Russian housing market from the bottom or origin of market. For this purpose, we originally did questionnaire survey about immigrant's housing, job, life and problems in Russia and collected 1003 respondents in the total 25 cities all around of Russia. Our amount of respondents are large scale of previous researches. We will investigate our following hypothesis by our original sociological questionnaire survey.

First, immigrant inflow does not reflect on the level of housing price in the districts, of their living intensely in Russia. Second, immigrant inflow reflect on the structure of housing market in Russia, we termed, the multi-layered structure. Third, their usual way of housing transaction leads the invisibility of housing market in Russia. Finally, the problems of immigrant's housing condition and housing finding reflect on the sustainability of immigrant labor productivity and Russian sustainable growth. In this paper, we introduce some of our first results by questionnaire survey and give our answer against the hypothesis.

In the previous literature, they mainly have discussed the governance aspects against immigrant inflow in the urban districts, especially in the city of Moscow. For example, the segregation of immigrant districts and the correlation between urban enlargement and immigrant. As far as we can see, there is very little literature that focused on our second, third, and fourth hypothesis. Therefore, our research has an academic uniqueness and significance to approach immigrants' reality in Russia. In the next section, we follow the previous literature view.

Literature review

Now we can discuss a hypothesis: Do immigrants' inflow reflect housing price or rental fee — giving a pressure downward or upward? The previous literatures are divided into two views. On the one hand, ethnic and cultural conflict etc among immigrants settlement bring downward housing price in the high density district of immigrants (Ashkenazi and Vekshtein (2009), Demintseva (2014, 2017), Vendina (2004, 2005), Zaionchkovskaya et al. (2009)). Increasing of immigrant from central Asia and Caucasian reflected the housing price level of their residential districts in Moscow. They had researched the case of Moscow city. In some geographer and demographer's previous literature (Vendina (2004, 2005), Zaionchikovskaya et al. (2009), Fedotenkov and Mikolajun (2013), Limonov and Nesena (2016)), they researched the urban space pattern of immigrant labor settlement and their life culture, where do they live in Moscow. Especially since 90's increasing immigrant inflow into Moscow have brought some phenomenon of urban Moscow: 1) the downward pressure of housing price in some districts of Moscow, 2) the urban agglomeration and enlargement, 3) high density of population, 4) ethnic and cultural conflict between residents and immigrants. To sum them up simply, they consider the urban space management connected with migration administration. In fact, it is difficult to segregate immigrant residents in Moscow and Russian regions. Therefore, their implicit message is not to integrate but to control immigrants, beside it, to do segregate them if possible in Russia.

On the other hand, Kashnitsky and Gunko (2016) pointed econometrically that we could not find the correlation between housing prices and intensities of in-migration at the level of city districts of Moscow. First, it is difficult for us to prove it econometrically that increasing of immigrant inflow into some of city districts would reflect on the housing price or rental fee level of their residential districts in Moscow. The level of price and rental fee are affected complicatedly by multiple reasons: population movement, business cycle, interest rate, the volume of new housing construction, and the city's urban development plan etc.

In addition to it, Ashkenazi and Vekshtein (2009) shows the fact that the lender prefers to lend their apartment for only Russian to prevent from some ethnic conflicts from central Asia and Caucasus and trouble caused by such conflict. This phenomenon shows another aspect of reflects about the correlation between housing market and immigrant inflow. It might bring the segregation of housing market, especially rental housing market in Russia. Immigrants' inflow does not give a direct reflection to the housing rental-selling price. Immigrant inflow creates another segment of housing market in Russia. There is "Divided market" of housing between foreign businessperson, Russian and immigrant labor.

Figure 1 is Rosstat data's housing price map by Russian federation. These three solid lined circle are regions that typically accept immigrant labor. Three areas' housing price level is higher than federal average (Federal average 46.4 thous. per sq.m). These areas shows that immigrants' inflow might give a pressure upward housing price. As far as we go to the case of Moscow and some regions, it seems that immigrant inflow would reflect the regional housing price of Russia.

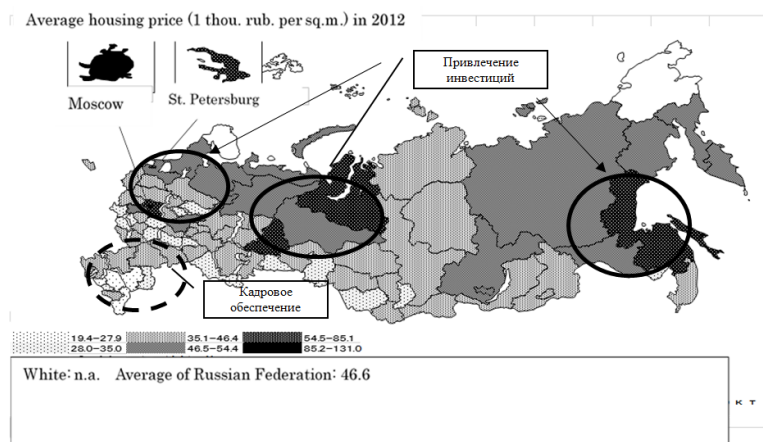

Fig. 1. Average housing price (1 thou. rub. per sq. m.) in 2012

Source: Rosstat (2012) and Michigami (2016).

However, on the level of Russian Federation, we cannot make a clear, immigrant labor reflect housing price or not. The one dotted lined circle is region, which is lower price than average, though this area is also the region that typically accept immigrant labor. Therefore, we would like to confirm it by our survey.

We have the original image of housing market in Russia. That is “multi-layered structure” of housing market in Russia (Fig. 2, Michigami (2017)). Russia’s housing market has some stratum according to categorized customers’ demand; Elite class, Business class, Economy class, and rental apartment, studio, dormitory, dacha, container etc. The bottom is for labor migrants’ housing circulation at the purpose of using temporal residence according to their level of rental fee. We regard their transaction of housing as the nature of origin of market. Their deals mainly connect through word of mouth, between individuals, relatives and acquaintance. By climbing up the stratum, there deals circulate through real-estator. In addition, their housing use is regular settlement and their transaction is mainly selling and buying. It seems that the mobility and volume of housing deals at the bottom are higher and larger than the one of upper side. The temporal rental housing market mainly circulates on the bottom of housing market. Most of them are the demand of immigrant labor into Russia. They might reflect to all of Russia’s housing market dynamics through the price discrimination. We will try to confirm this our original image and idea with our questionnaire survey.

Here, we add another academic topic ‘price discrimination’ on micro economic theory in this discussion. From the real estator’s website of Moscow (for example, TSIAN), we can see that housing lenders provide two types price for foreigners or use the constraint condition depending on the customers (Fig. 3). In actual, the author had the same experience during finding apartment at Moscow and Saint Petersburg in 2017.

Multi-layered Structure of Russia's housing market (images)

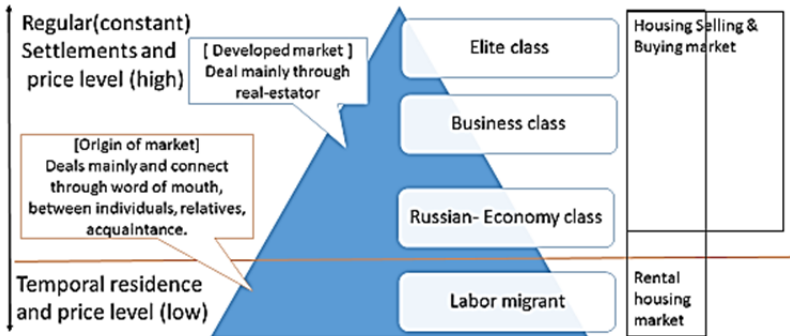

Fig. 2. Images of Multi-layered Structure of Russia's Housing Market

Source: Author's compiled. Michigami (2017).

Сайт аренды жилья в Москве (<https://www.cian.ru/>)

2-комн. кв. на длительный срок (от года) 45 000 руб. в месяц

Двухкомнатная квартира, сроком более 1 года; 45 тыс. рублей в месяц

Лифт: 2 мес.
Год постройки: 1985

В квартире имеется:

- кухонная мебель
- жилая мебель
- холодильник
- напольный телевизор
- стиральная машина
- балкон
- лоджия
- телефон
- интернет
- ванна

БЕЗ КОМИССИИ | КЛЮЧИ НА РУКАХ | Двухкомнатная квартира в отличном состоянии, чистая и уютная. Есть все необходимая мебель и бытовая техника. Есть большой балкон, стеклопакеты. Одна комната большая, вторая - маленькая. Отоп в теплый дар.

Расписание только для русских 1-2-3 часа в день, только для русских и мигрантов.

«Только для русских» или недоступно для иностранцев, «За исключением центральноазиатских» и т.д. ; [Сегрегация рынка аренды жилья]

Fig. 3. How can foreigner and migrant labor find their temporal housing?

Source: Author's compiled with TSIAN website (2017).

In figure 3, one renter presented 45 thousand ruble as monthly rent for two rooms apartment at the south-west area of Moscow. In Russia, such kind of TSIAN website is popular for rental housing. In addition, other tourist agency website shows for rental housing. They are useful for foreigner and migrant labor to find their apartment in Russia. This website shows two rooms apartment for renting more than 1 year. In 2017 average monthly rent fee in Moscow by real-estator is the followings (Sternyk consulting (2017); Economy class (standard) built in the era of USSR one room apartment — 30 thousand rub. Two rooms apartment about 37.5 thousand rub. Three rooms apartment 47 thousand rub. (Rossiskaya Gazeta, 20170823). Therefore, the website's price level is higher than the average of Moscow. The rent level of this apartment in Pic. 3 is not affordable for immigrants from central Asia.

In addition, this renter set such constraint condition that this apartment lends only for Russian and except for central Asian. It seems it is affordable only for high salary customers. In fact, we can often see such constraint: 'only for Russian' or 'except for central Asia' etc. Ashkenazi and Vekshtein (2009) discuss this fact directly. It seems that there are the segregation of rental housing market in Russia and some problems related in immigrant labor under urbanization. In addition, this transaction can become the hurdle for foreigner and immigrant labor to find the rental housing.

Beside the condition, from author's investigation, their price level was not stable rigidly. It could negotiate depending on the nationality. Sometimes, the renter use the different price depending on the customers. When foreigner (not Russian language speaker) asked to the renter by phone, the price was as the same as the website. Even with negotiation subjected to rent for longer days, price for foreigner did not depreciate to the half level of website price, but only about 20% price down. However, when Russian asked to the renter by phone, the price level was firstly the discounted half of price on the website without negotiation. The half level of website price is the almost average level in the analyst's data (Sternyk etc). From author's investigation, these prices were about double

price, not only located in the most center of Moscow but also in other area of Moscow. The price for foreigner is higher, sometimes twice higher than the price level for Russian.

This pricing make us remind ‘price discrimination’ and ‘personalized pricing’ in the micro economic theory. Now this topic is discussed about the relevance of e-commerce and the shopping though the internet (Tang, Smith, and Montgomery (2007), Sigarev and Kosov (2016)). In real life, we can see the similar pricing that same goods are sold with different price in the different shop: for example, on the one hand, a same yogurt drink is sold with 38 ruble in store A. On the other hand, it is sold with 51 ruble in store B (expensive store). We also confronted this pricing on the apartment transaction in Moscow. Provider sets the following price for the same rental housing, A) For foreign businessperson- immigrant labor- expensive price (higher than average), B) For Russian- average price, C) For central Asian and other immigrant labor- don’t lend or lower price than average. Sometimes their price is not visible. In micro economic theory, we consider the reason why price elasticity of demand for housing is different between foreign businessperson immigrant (low) and non-skilled immigrant (high). We will try to confirm this our original image and idea ‘as multi-layered stratum’ of housing market in Russia from the viewpoint of immigrants’ housing with our questionnaire survey.

Methods

We did the original sociological questionnaire survey 25 cities all over the Russia: Moscow, Podlsk, Chekhov, Serpukhov, Kaluga, Saint Petersburg, Pushkin, Tikhvin, Ekaterinburg, Sysert, Vladivostok, Khabarovsk, Ussuriysk, Partizansk, Dalnerechensk, Surgut, Nefteyugansk, Iangepas, Lyantor, Tomsk, Stavropol, Blagodarny, Pyatigorsk, Budyonnovsk, and Neftekumsk. We asked 68 questions against immigrant not only housing conditions but also daily life and their job. For example, the reason to come to Russia, the kind of job, document, problems, housing condition, and rent

fee etc. The term of our questionnaire survey is from June in 2017 to March in 2018. Finally we collected the total number of respondents is 1003 persons (Average age 34.6 y. o. and oldest 65 y. o. — youngest 18 y. o.). Such questionnaire survey is just a few and valuable that conducted for lots of respondents and in cities all round Russia. Our survey has the uniqueness to ask the real inside of immigrants to make definitely careful consideration to their human rights and privacy.

All of them are legal immigrants with the patent and permission for labor in Russia. The emigrated countries' formation of respondents is the following: Tadzhikistan (344 respondents), Uzbekistan (225), Ukraine (115), Kyrgyzstan (83), Armenia (51), Azerbaijan (42), Belarus (18), Kazakhstan 19, and others (106); China, North Korea, Vietnam, Moldova, Mongolia, Turkey, Italy, Georgia. The sex formation of all respondents is Men 79.2% (average age 34.4 y. o.) and Women 20.8% (average age 20.8 y. o.). The age formation of respondents is to 29 y. o. — (36.8%), 30—39 y. o. — (32.2%), to 40—49 y. o. — (23.9%), older than 50 y. o. — (6.7%), n. a. — (0.4%).

Results

Our original questionnaire survey uniquely shows a lot of real immigrant's housing. In this paper, we focus on the rent fee level of immigrant's rental housing and their real living space for the sake of a space constraint. The average level of one room apartment's rental fee on the real estate website TSIAN- Moscow (tentative calculation by author) is average 16416 ruble, median 16000 ruble, min 5000 ruble, max 38000 ruble. The one of our questionnaire survey at Moscow is average 8527 ruble, median 6000 ruble, min 0 ruble, max 35000 ruble. Our outcome is very lower than market price. All our outcome of housing average fee is shown in Table 1. Now average monthly rent fee in Moscow by real-estator is the followings; Economy class (standard) built in the era of USSR one room apartment — 30 thousand rub. Two rooms apart-

ment about 37.5 thousand rub. Three rooms apartment 47 thousand rub.(by Rossiskaya Gazeta, on 23. August 2017). These price levels are for Russian people, not for foreigner and migrant labor. We really find low level of immigrant rent and see the bottom aspect of housing market by our questionnaire survey.

Table 1

Average housing rental fee by region

Distance	City	Av. Rent (ruble)	ave. rent per sq.m (ruble)	Distance	City	Av. Rent (ruble)	ave. rent per sq.m (ruble)
center	Moscow	8527.40	273.5	center	St. Petersburg	9250.00	238.8
40 km	Podolsk	5350.00	160.7	24 km	Pushkin	5857.14	210.0
80 km	Chekhov	5877.55	206.3	220 km	Tikhvin	9100.00	260.6
100 km	Serpukhov	10875.00	311.5	center	Ekaterinburg	8176.25	309.6
188 km	Kaluga	6533.33	229.0	50 km	Sysert	5438.89	132.1
center	Vladivostok	8086.90	297.7	center	Surgut	5720.45	252.2
100 km	Ussuriysk	5946.15	201.8	46 km	Nefteyugansk	7955.56	322.5
170 km	Partizansk	5690.00	261.2	96 km	Langepas	5450.00	178.3
400 km	Dalnerechensk	5148.00	204.6	77 km	Lyantor	5738.10	143.7
center	Stavropol	5911.76	251.6				
116 km	Blagodarny	6615.38	147.5				
144 km	Pyatigorsk	6750.00	270.0		Khabarovsk	16297.62	436.7
173 km	Budyonnovsk	9300.00	244.7		Tomsk	8360.48	265.0
240 km	Neftekumsk	4300.00	184.5		total av.	7583.05	242.3

Source: Author’s calculation by results of our questionnaire survey.

Compared between our results of rent fee in 25 cities of Russia and average by author’s calculation using the data of popular rental housing website in Russia (Avito. ru), the rent level of immigrant housing is much lower than the average level on the website in all 25 cities. Our result proves that immigrants’ rental housing fee and transaction are located on the bottom of housing market in Russia. In addition, it is also found that Russia’s rental housing market has one different segment for immigrants.

According Table 1, we can see another trend. Usually the rent level of center city is highest of their neighbor regions. Our results show not only the usual figure, but also another fact like 'Donuts phenomenon of urban', that is enlargement of urban, with the respect to rental fee level. The rent level of Serpukhov city is higher than Moscow, which is 100 km far from the center Moscow region. The level of Tikhvin city is also high as well as the case of Sepukhov city. Average rent per sq.m in Tikhvin is even higher than St. Petersburg, which is 220 km far from the center city of Leningrad region. The same trend is similarly shown in the Stavropol and Surgut region. The rent level of some cities, which locate far from center city, is high, compared with the level of center. We can regard this trend as some "Relay points of immigrant inflow before their going to big cities" (See Fig. 4). The image of immigrant movement is drawn on Pic.4. Immigrants seem that they move by two steps. For example, on the first step, immigrants move to Tikhvin to stabilize their life. Then, on the second step, they move to Saint Petersburg. Their two-step movement possibly bring upward pressure on the rental fee in the city located as 'relay point'.

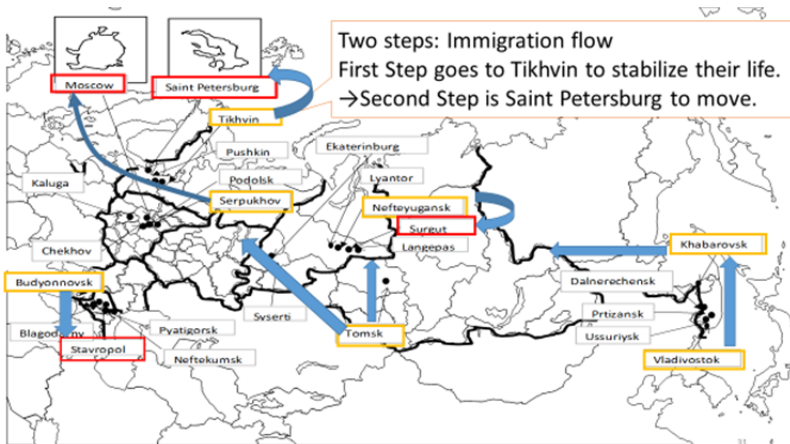

Fig. 4. The image of immigrants' two step movement

Source: author's compiled.

We have gotten the other following results about housing condition of immigrants. First, about co living, most of them live in one apartment with three persons including himself. Co-living with 3 persons is 32.8%, with 2 persons — 19.2%, with 4 persons — 14.5%, with 5 persons — 7.3%, with 6 persons — 1.5%, with 7 persons — 2.8%, with more than 8 persons — 1.7%, and alone — 13.5%. Second, about living space area of immigrants' apartment/room, average living space was 31.3 sq.m and average living space per capita was 10.8 sq. m. Compared with Rosstat's data in Russian Federation: average living space — 54.5 sq.m and average living space per capita — 24.4 sq. m., immigrant's living space was quite small. In addition, most of immigrants in our survey (32.6%) live in a apartment/room to 10—20 sq. m., 24.9% — to 20—30 sq. m., 17.5% — to 30—40 sq.m, 9.9% — to 40—50 sq. m., 7.1% — to 50—60 sq. m., 3.7% — to 60—70 sq.m, 2.7% — to less than 10 sq.m, and 1.6% — more than 71 sq. m. Our results proves that immigrant's housing space falls seriously under Russian government goals (per capita 21.7 sq. m. and the standard for 3 persons — 54 sq. m.). Their housing is the place for immigrants to live, keep working, support their family and “re-product of labor force by K. Marx”. Their housing condition should improve to support their quality of life, and labor productivity with the respect to human resource government. Fourth, therefore, we find immigrants' housing problem is narrow and crowded space. Most of immigrants in our survey (30.7%) dissatisfy with 'narrow and small space' of their housing. Other dissatisfaction about their housing are 24.6% with non-repaired, 13.6% with expensive rent fee, 11.6% with noisy, 10.6% with darkness of housing, 10.4% with coldness, 10.3% with bad ventilation, and 4.5% with dirty.

Fifth, 66.8% immigrants in our survey rent apartment/ room. Immigrants living at the working place (13.8%) are often shown in the construction site of city etc. Immigrants living at the dormitory and employer's housing were about 20%. We find that it is much lesser that the employer of immigrants itself supply the housing for immigrant compared with the USSR era. It exactly showed that immigrants' labor benefit with the respect to housing has translated by housing market. Our survey proves, however, that they do not

use the official housing market channel on finding their rental housing. Sixth, immigrants who find their housing through real estator were only 10.1% in our survey. Most of them find it by relatives and fellow compatriot (27.2%), and friends and colleagues at working place (24.2%). In addition, through internet (11.1%) and newspaper (6.2%) immigrants finds. Immigrants who find their housing through their employer were 21.2%. Roughly, 90% immigrants find their housing use a channel among mouth of word by individuals, and their personal connection, not agency. This fact brings the invisibleness and informality of rental housing market into Russia. Furthermore, their transaction tool reflect the unclearness of correlation between official price statistics and immigrant inflow. In addition to it, it can divide the housing market into official and unofficial. In this paper, official market means that agency and customer make the official contract and agency pay tax for their profit. Immigrants who signed a contract of housing rental were 50.1% in our survey. Other 49.9% immigrants lend their housing without the contract. It means unofficial and their rent fee does not reflect the official statistics. Our survey confirm our image of multi-layered structure of housing market and its informality. This informality and invisibleness cause a hurdle for foreign capital to invest into Russian real estate market. Furthermore, our survey shows about registration and mobility of their rental housing, but we will add that in another paper.

Conclusions

In this paper, we focused on immigrants' real housing environment and the reflection of their transaction on the housing market in Russia. We prove the following facts from our results; 1) in some special area, that located as 'relay point' of immigrant movement; there is possibly a correlation between the immigrant inflow and regional rental-housing fee. Our survey newly and concretely pointed the existence of two-step movement in 25 cities of Russia. 2) Immigrants' rental housing fee is very low than the average of official data. Half of their transaction are invisible and in-

formal. Therefore, Immigrant's housing deals are inherited from the USSR era. It is possibly the origin or bottom of the housing market. In addition, the segment for immigrants exists in the Russian housing market. It shows the multi-layered structure of this market. 3) Immigrants' housing space is very small than Russian Federation's average and goal. The quality problem are a narrow space and non-repaired room. Most of them live with 3 persons not family. Their housing is not enough for them to rest. If we approach to improve their housing environment, we can increase labor productivity sustainably. Even depending on their rental term, we should consider the improvement of their housing environment. For this purpose, we need to make a policy that organize private rental housing market more openly and clearly through private agency. We can consider some options; the lower tax reform and the regulation to improve immigrant housing for rental lender, etc. This policy will be useful for foreign capital to understand Russia's market and invest it. Though we need to analyze our results further, our original questionnaire survey uniquely shows a lot of real immigrant's housing.

Acknowledgements.

The study was supported by JSPS KAKENHI, Grant Numbers 15KK0079, 26504005, 26245034, 17K02108.

Reference

1. Avito.ru, real estate. URL: <https://www.avito.ru/nefteyugansk/nedvizhimost>, accessed on 21—28 April 2018.
2. Ashkenazi L. and Vekshtein M. (2009), *Natsionalnye predpochteniya pri arende zhilploshadi v Moskve, ili «krome KKA i Azii»*, [National preference when renting housing space in Moscow or “except for Caucasian and Asian”], *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya*, 2009, No. 1 (99), pp. 97—100.
3. Demintseva Y. (2014), *The New Muscovites, Migrants from Central Asia*, 21 march 2014. No. 1, 2014, *Russia in global affairs*. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-New-Muscovites-16509>

4. Demintseva E. and Peshkova V. (2014), Migranty i Srednei Asii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow], Demoscope No. 597—598, 5—18 may 2014, (<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>)
5. Demintseva E. (2017), Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement, *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017, vol. 43, iss. 15, pp. 2556—2572.
6. Fedotenkov I., Mikolajun I. (2013), Migration and Welfare, *International Atlantic Economic Society*, 2013, Vol. 19, pp. 71—73.
7. Kashnitsky I., Gunko M. (2016), Spatial variation of in-migration to Moscow: Testing the effect of housing market, *Cities*, 2016, Vol. 59, November, pp. 30—39.
8. Limonov L., Nesena M. (2016), Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance?, *Area Development and Policy*. 2016, vol. 1, iss. 1, pp. 63—93.
9. Michigami, Mayu (2016), “Shijohendou ni yureru Rosia Toshi Juutaku (Russian Urban Housing swaying to the Market Fluctuation)”, in ed. Koji Nakatsu, *Kironitatsu Chugoku to Rosia [China and Russia at the Crossroad]*, Soseisha, 2016, pp. 171—192. (In Japanese).
10. Michigami, Mayu (2017), “Immigrants’ housing environment and multi-layered structure of housing market in Russia: from the interim results of sociological questionnaire”, *Migratsiya i sotsialino-ekonomicheskoe razvitie*, No. 4.2017, forthcoming.
11. Michigami, Mayu (mimeo), “Perspectives and Obstacles of Urban Planning Business on the Japan-Russia Economic Cooperation: Uncertainty of Investment, Law, Household Income, and Business Matching for Japanese Housing Related Industries” Annual International Conference “Evolution of International Trading System: Prospects and Challenges”, at the faculty of economics, St. Petersburg State University, on 26th October 2017.
12. Rosstat (2012, 2016), *Rossiyskaya Statisticheskaya Ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]* — Moscow: Rosstat. 2012 and 2016.
13. *Rossiskaya Gazeta*, 23 august 2017 (<https://rg.ru/2017/08/23/reg-cfo/v-moskve-ceny-na-arendu-kvartir-ostalis-prezhnimi.html>).
14. Sigarev A. V. and Kosov M. E. (2016), Spetsifika primeneniya tsenovoi diskriminatsii pri realizatsii informatsionnykh blag poredstvom elektronnoi trgovli [Specificity on the application of price discrimination in the implementation of information goods through electronic commerce], *Finansovaya analitika: problem i resheniya*, Vol. 9 (10), 2016, pp. 22—30.

15. ООО «Sterniks Konsoliting» (2017), [Sternyk Consulting], Zhilishnyy rynek gorodov Rossii v 1 polgody 2017 g. stagnatsiya nadolgo [Housing market in Russian cities in the first half of 2017: long stagnation], Москва, 2017 (<http://realtymarket.ru/>).

16. Tang Z., Smith M. D., and Montgomery A. (2007), The Impact of Shopbot Use on Prices and Price Dispersion: Evidence from Online Book Retailing. Working paper, 5-1-2007, Heinz College Research, Carnegie Mellon University, (<http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1046&context=heinzworks>).

17. TSIAN. Real-estator website. URL: <https://www.cian.ru/>, accessed on 3 September and 7th November 2017.

18. Vendina O. I. (2004), Mogut li v Moskve vozniknut' etnicheskie kvartili? [Can the ethnic apartment be born in Moscow?], Vestnik Obschestvennogo Mneniya, 2004, No. 3, pp. 52—64.

19. Vendina O. I. (2005), Migranty v Moskve: grozit li rossiyskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya? [Migrants in Moscow: Does the ethnic segregation threaten Russian capital?], Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii, Issue 3, Moscow, Center of Migration Research, Institute Geography RAS, 2005.

20. Zaionchkovskaya et al. (2009), Zaionchkovskaya Zh. A., Mkrтчan N. V., Vendina O. I., Tyuryukanova E. V., Ivanova T. D., and Gel'bras V. G., Immigranty v Moskve [Immigrants in Moscow], Center of Migration Research, Institute Kennan, Moscow, 2009.

The author

Dr Mayu Michigami, Associate Professor, Faculty of Economics, Niigata University, Japan.

E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

Об авторе

Мичигами Маю, кандидат экономических наук, доцент экономического факультета, Ниигатский университет, Япония.

E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

С. С. Лачининский^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

² Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Геополитическая турбулентность, приходящаяся на 2014—2018 гг., существенно отразилась на экономическом развитии ряда регионов России. В статье, на основе доступной национальной статистики и аналитических докладов «РИА рейтинг» анализируются особенности социально-экономического развития регионов Западного порубежья России в противоречивых условиях наступившей геополитической турбулентности.

The geopolitical turbulence of 2014—2018 has had a significant impact on the economic development of a number of Russian regions. The author analyses the socio-economic development of the regions of Western Russia in the contradictory conditions of the geopolitical turbulence. The author uses the national statistical data and analytical reports of the RIA Ranking as examples.

Ключевые слова: порубежье, регион, геополитическая турбулентность, экономическое развитие.

Keywords: borderlands, region, geopolitical turbulence, economic development.

Введение

Комплексное представление о социально-экономическом развитии регионов Западного порубежья России дает динамика интегрального ранга, который составлен на основе методики «РИА Рейтинг» [1] и представлен четырьмя параметрами: мас-

штабом экономики, эффективностью экономики, бюджетной и социальной сферами. Из таблицы 1 видно, что за 2013—2017 гг. лишь Санкт-Петербург, обладая колоссальным экономическим потенциалом, удерживает стабильное положение в системе регионов России. Ранг Ленинградской области несколько вырос. Остальные регионы демонстрируют стабильное состояние, причем Калининградская область (ориентированная на производство из импортных составляющих и реэкспорт) в 2015 г. уходит вниз, что связано с обвалом внешнеторгового оборота, а Мурманская область (с сырьевой моделью экономики) как раз в 2016 г. заметно повысила свой ранг за счет расширения внешнеторгового оборота.

Таблица 1

**Изменение ранга региона
по уровню социально-экономического положения в России
(на основе методики «РИА рейтинг»)**

Регион	2013	2014	2015	2016	2017
Санкт-Петербург	2	2	2	2	2
Ленинградская область	12	12	11	7	9
Псковская область	72	69	74	76	75
Калининградская область	44	44	49	43	44
Карелия	70	72	70	72	73
Мурманская область	37	43	32	28	36

Разнонаправленная динамика рангов у рассматриваемых регионов может говорить о следующем.

1. Кризис 2014—2018 гг., спровоцированный внешними и внутренними причинами, по-разному отразился на регионах Западного побережья.

2. Регионы «столичного типа» с диверсифицированной экономикой (Санкт-Петербург, Ленинградская область) не получили заметного удара и развиваются в том тренде, который сложился до кризиса.

3. Регион — сборочный цех с промышленной ориентацией на импорте (Калининградская область) получил сильный толчок в 2015 г., вызванный лавинообразным падением внешнеторгового оборота, особенно импорта.

4. *Регион старого освоения* (Псковская область) в большей степени пострадал от внутренних факторов кризиса.

5. *Регионы сырьевой ориентации* (Карелия и Мурманская область) в большей степени зависят от мировой конъюнктуры цен на их основные экспортные продукты (древесина, окатыши, нефелины, цветные металлы).

Анализ некоторых параметров экономического развития регионов

Представляет интерес изменение соотношения масштабов экономики регионов (по отношению к Санкт-Петербургу) в 2014—2017 гг. (табл. 2, 3).

Обращают на себя внимание следующие моменты:

1) все регионы наращивают объемы производства товаров и услуг в 2014—2017 гг.;

2) объемы доходов консолидированного бюджета по отношению к Санкт-Петербургу снижаются у Ленинградской и Псковской областей;

3) снижается численность занятых в экономике — по отношению к Санкт-Петербургу;

4) к наиболее равновесному положению (соотношение трех параметров) в экономике стремятся Мурманская и Ленинградская области.

Таблица 2

Соотношение масштаба экономики регионов Западного порубежья по итогам 2014 г. (Санкт-Петербург = 100 %), %

Регион	Объем производства товаров и услуг	Объем доходов консолидированного бюджета	Численность занятых в экономике
Ленинградская область	31,4	28,2	32,1
Псковская область	3,9	6,9	11,2
Калининградская область	15,9	14,5	17,6
Карелия	5,3	7,9	10,5
Мурманская область	10,4	13,3	15,0

Составлено по [2].

Таблица 3

Соотношение масштаба экономики регионов Западного побережья по итогам 2017 г. (Санкт-Петербург = 100 %), %

Регион	Объем производства товаров и услуг	Объем доходов консолидированного бюджета	Численность занятых в экономике
Ленинградская область	35,1	25,6	31,5
Псковская область	4,9	6,0	10,0
Калининградская область	18,3	21,3	16,4
Карелия	6,4	7,9	9,7
Мурманская область	11,3	13,9	13,6

Составлено по [1].

Если посмотреть на динамику доходов консолидированного бюджета, то видно, что Калининградская область демонстрирует максимальный прирост (+ 172,6 %) (табл. 4).

Таблица 4

Доходы консолидированного бюджета на одного жителя (на основе методики «РИА Рейтинг»)

Регион	2015	2016	2017	Прирост
Санкт-Петербург	84,01	92,48	98,16	116,8
Ленинградская область	69,12	76,56	74,27	107,4
Псковская область	46,02	46,84	48,84	106,1
Калининградская область	64,94	87,13	112,09	172,6
Карелия	53,86	62,57	65,80	122,2
Мурманская область	75,01	95,63	96,27	128,3

Справочно: лидер — Чукотский АО (610,9 тыс. руб. в 2017 г.).

Обращает на себя внимание разнонаправленная динамика промышленного производства в 2015—2017 гг. (табл. 5). Так, Мурманская и Псковская области наращивают промышленное производство на протяжении всего периода. В Псковской области успешно работают предприятия, ориентированные на внутренний спрос (ООО «Великолукский локомотивовогоно-

ремонтный завод», ОАО «Великолукский мясокомбинат»¹, «Электротехнический завод «ЗЕНЧА-Псков» и др.). В Мурманской области предприятия ориентированы как на внешний, так и внутренний рынок.

Таблица 5

Индекс промышленного производства, %

Регион	2015	2016	2017
Санкт-Петербург	92,7	103,9	105,5
Ленинградская область	99,1	103,7	100,2
Псковская область	103,0	104,7	104,1
Калининградская область	93,0	100,5	101,9
Карелия	99,2	103,3	102,4
Мурманская область	106,8	104,9	110,9

Таблица 6 показывает, что постиндустриальный Санкт-Петербург наиболее активно наращивает свой ВРП. При этом регионы с высокой долей промышленного и транспортного сектора в экономике — Ленинградская, Мурманская и Калининградская области имеют значительный прирост.

Таблица 6

Динамика ВРП регионов Западного порубежья (в текущих ценах к уровню 2013 г.), %

Регион	2013	2014	2015	2016
Санкт-Петербург	100,0	106,4	136,0	150,2
Ленинградская область	100,0	105,2	125,2	134,6
Псковская область	100,0	105,8	117,9	125,9
Калининградская область	100,0	111,0	126,8	138,9
Карелия	100,0	103,9	118,7	130,6
Мурманская область	100,0	104,5	131,0	138,9

¹ Относится к системообразующим предприятиям Псковской области, реализует проект с предполагаемым размером инвестирования в 100 млрд руб.

Наиболее значительное снижение произошло во внешне-торговом обороте. Из таблицы 7 видно, что все регионы, кроме Мурманской области, снизили внешнеторговый оборот преимущественно за счет радикального снижения импорта.

Таблица 7

**Динамика внешнеторгового оборота Западного порубежья
(к уровню 2013 г.), %**

Регион	2013	2014	2015	2016
Санкт-Петербург	100,0	91,6	62,0	63,9
Ленинградская область	100,0	107,6	70,3	40,0
Псковская область	100,0	87,5	55,3	37,3
Калининградская область	100,0	142,3	77,8	...
Карелия	100,0	93,0	63,8	70,8
Мурманская область	100,0	87,8	82,6	122,9

Заключение

Анализ некоторых параметров экономического развития регионов Западного порубежья России в 2013—2017 гг. показал, что в целом период геополитической турбулентности, вызванный сочетанием внешних (взаимные санкции, неблагоприятная конъюнктура цен на основные экспортные товары, девальвация) и внутренних факторов, не так сильно отразился на развитии рассматриваемых регионов.

Благодарности.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности».

Список литературы

1. *Рейтинг* социально-экономического положения регионов — 2017. URL://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (дата обращения: 06.07.2018).

2. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017* : стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Об авторе

Лачининский Станислав Сергеевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

The author

Dr Stanislav S. Lachininskiy, Associate Professor, Department of Economics and Social Geography, Saint Petersburg State University; Senior Researcher, the Institute for Regional Economic Problems, the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Е. В. Волошенко¹, К. Ю. Волошенко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ФАКТОР ПРИГРАНИЧНОСТИ В ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Вопросы обеспечения экономической безопасности регионов, не теряя своей актуальности, приобретают новое качество под влиянием процессов геополитической турбулентности. Это требует соответствующего организационно-методического обеспечения, в том числе в части диагностики и измерения экономической безопасности для целей прогнозирования развития отдельных типов регионов, оценки эффективности принимаемых мер для их защиты от различного рода рисков и угроз. Приводятся методические особенности оценки экономической безопасности регионов с учетом влияния фактора приграничности.

The importance of ensuring the economic security of regions never lessens and is now acquiring an even bigger importance given the current geopolitical turbulence. Consequently, there is a need for appropriate organizational and methodological provisions, including the elaboration of tools for assessing economic safety, forecasting the development of certain types of regions, evaluating the effectiveness of measures taken to protect regions from different types of risks and threats. The author analyses different methodologies for assessing the economic security of regions, which take into account the location of the regions near state borders.

Ключевые слова: экономическая безопасность, методы и модели, приграничный регион, Калининградская область, Западное побережье России.

Keywords: economic security, methods and models, border region, Kaliningrad region, Russia's western border regions.

Введение

Экономическая безопасность региона (ЭБР) в новых геополитических условиях в связи с изменением качества и состояния межгосударственных отношений, периодически возникающими экономическими кризисами приобретает новое значение, особенно на региональном уровне. Несмотря на неоднозначность и наблюдаемую полемику в части правомерности рассмотрения экономической безопасности и ее составных элементов в отношении региона, как отечественные, так и зарубежные авторы едины в необходимости разработки теоретико-методологических основ и практических инструментов.

В российской практике развития теории ЭБР одним из сложных вопросов остается ее измерение и оценка. Это обусловлено большим разнообразием регионов России по типам, уровню их социально-экономического развития, отличиями в степени защищенности относительно отдельных элементов безопасности: продовольственной, финансовой, инновационной, военно-политической и др. Существенная дифференциация регионов создает сложности как в выработке единого понимания самого понятия «экономическая безопасность региона», так и в разработке теоретико-методологических основ для ее диагностики и прогнозирования. В свою очередь, это порождает методические проблемы идентификации уровня экономической безопасности и оценки эффективности принимаемых мер защиты конкретного региона от угроз. Недостаточное внимание уделяется вопросам экономической безопасности отдельных типов регионов, в частности изучению фактора приграничности. Приграничным регионам, с одной стороны, присущи общие черты субъектов РФ, с другой — они выполняют и отличные функции: развитие регионального хозяйства, его структура и пропорции во многом обуславливаются влиянием трансграничных связей.

Целью исследования стало выявление и проработка методических особенностей измерения и оценки ЭБР с учетом

влияния фактора приграничности. Рассмотрены факторы и условия развития приграничных регионов, продуцирующие уровень экономической безопасности и требующие отражения при ее диагностике. В оценке и измерении экономической безопасности приграничных регионов обоснована необходимость выделения групп (классов) угроз, их идентификации на основе системы общих, частных и специальных индикаторов, измерения влияния мер защиты региона.

Степень изученности проблемы

В настоящее время в оценке ЭБР предложено достаточное число методов, моделей, арсенал средств и инструментов постоянно пополняется. Однако принципиально находит применение небольшая группа методов, преимущественно основанных на измерении динамики макроэкономических показателей, ранжировании, индексной и экспертно-рейтинговых оценках, реже используются экономическо-математические модели и методы. В результате обобщения известных работ авторами выделены следующие принципиальные подходы к измерению экономической безопасности:

— макроэкономический (С.Ю. Глазьев, Э.А. Уткин и А.Ф. Денисов, И.В. Новикова и Н.И. Красников, Е.Д. Кормишкин);

— экспертно-рейтинговый (Н.В. Дюженкова, С.П. Волков, Н.П. Любушин, Е.Е. Козлова, О.Г. Черкасова);

— экономико-статистический (В.К. Сенчагов, С.Н. Митяков, И.В. Долматов, О.С. Филеткин, С.Н. Яшин, Е.Н. Пузов [59]; И.В. Никифорова);

— эконометрический (экономическая математика) (В.В. Карпов и К.К. Логинов, Д.Н. Лапаев, Е.С. Митяков, А.Ю. Лагздин, В.В. Карпов, А.А. Кораблева);

— теоретико-игровые методы и исследование операций (В.В. Ивченко, Т.М. Шулькина, М.В. Бильчак, О.В. Комелина, Н.А. Фурсова, С.Г. Светуных и Т.С. Клебанова, В.В. Никитин);

— нейросетевые и нечетко-множественные методы и модели (О. В. Латута, А. Ф. Рогачев, В. В. Борисов, В. В. Круглов, А. С. Федулов, А. И. Галушкин);

— балансовый (О. Н. Чувилова и И. В. Романюта, Е. С. Янковская);

— комплексный (В. К. Сенчагов, А. И. Татаркин, Д. В. Третьяков, Д. А. Кузнецов и М. Н. Руденко, Т. Ю. Феонфилова, Т. Д. Ромашенко).

Анализ отдельных методов и подходов, представленных выше, применяемых в оценке ЭБР, проведен в работах [3; 4; 7—10].

Для всех подходов авторами данной статьи были выделены общие ограничения применения методик в оценке экономической безопасности приграничных регионов. Это отсутствие общепринятого перечня показателей в составе элементов экономической безопасности, обоснованность пороговых значений индикаторов, особенно для отдельных типов регионов; неочевидность выделения групп (классов) угроз и их идентификации для отдельных типов регионов; универсальный характер методики и подходов, не позволяющий учитывать специфику регионов, в том числе приграничных.

Принимая во внимание современное состояние методологии оценки экономической безопасности регионов, соблюдалась следующая логика исследования. Во-первых, изучены геополитический, социально-экономический и институциональный контексты, обуславливающие влияние фактора приграничности. Во-вторых, выделены критерии измерения экономической безопасности приграничных регионов. В-третьих, разработан алгоритм оценки экономической безопасности региона, учитывающий фактор приграничности.

Основная часть

Анализ отдельных специфических черт и особенностей влияния фактора приграничности в обеспечении ЭБР проведен с учетом геополитического, социально-экономического и инс-

титудинального контекстов (рис. 1) с использованием ранее проводимых исследований по изучению особенностей социально-экономического развития приграничных регионов [1; 5; 6].

Рис. 1. Специфические черты и особенности влияния фактора приграничности на ЭБР

Источник: собственные разработки авторов.

Выявлены следующие зависимости. Влияние геополитического контекста требует обеспечения безопасного уровня и баланса для приграничного региона в системе «производство — импорт/ввоз — экспорт/вывоз», причем как по отдельным секторам, рынкам, видам продукции, так и в целом для регионального хозяйства. Социально-экономический контекст фактора приграничности, выражающийся во влиянии на структуру регионального хозяйства, предполагает необходимость создания подсистемы (механизмов) поддержки производственно-экономических отношений субъектов. Это касается организационного и экономического механизмов, которые должны предусматривать сокращение дополнительных транзакционных издержек и стимулировать развитие различных форм межрегионального и приграничного сотрудничества. Институциональный контекст предполагает развитие межрегиональных связей за счет принципа сбалансированности и устойчивости.

Анализ влияния фактора приграничности позволил выявить наиболее важные критерии в оценке и измерении экономической безопасности приграничных регионов:

- 1) учет типов регионов и их специфики;
- 2) наличие оценок (показателей) для измерения различного класса угроз, в том числе внешнеэкономической компоненты с точки зрения влияния трансграничных связей;
- 3) оценка сбалансированности (дисбалансов), пропорциональности для различных типов регионов;
- 4) научная проработанность аналитического инструментария для измерения экономической безопасности (перечень индикаторов и их пороговые значения, возможности оценки текущей ситуации и ее прогнозирования, сравнения с другими регионами);
- 5) измерение ЭБР с позиции выявления кризисных импульсов, продуцирующих возникновение угроз, а также оценка уровня защиты и слабостей региональной системы.

С использованием функционального и системного подходов нами проведен анализ факторов и условий, влияющих на

состояние экономической безопасности приграничных регионов. Предложено все факторы и условия, имеющие как положительные, так и отрицательные эффекты, сгруппировать по критерию их значения и влияния на экономику приграничного региона:

— общие факторы и условия, определяющие аспекты экономической безопасности в национальном масштабе. Влияют на приграничный регион в рамках реализации единой социально-экономической политики государства в отношении регионов;

— специфические факторы и условия, влияющие на уровень экономической безопасности на региональном уровне, исходя из местоположения, специализации, развитости инфраструктуры и т. д. Выделяются две подгруппы: базовые (основные) и дополнительные (индивидуальные). Базовые (основные) факторы и условия влияют на все регионы независимо от их типа, дополнительные (индивидуальные) действуют применительно к их отдельным типам, например приграничным.

Отдельные факторы и условия, влияющие на экономическую безопасность приграничного региона, приведены в таблице. Традиционное деление факторов и условий на внешние и внутренние не рассматривается.

Отдельные факторы и условия экономической безопасности приграничного региона

Общие	Специфические	
	Базовые (основные)	Дополнительные (индивидуальные)
Демография	География (местоположение)	Периферийность и удаленность
Энергия и ресурсы (земля, вода, климат и др.)	Сектора и отрасли: потенциал и особенности производства	Международные связи и активность включение в трансграничные потоки
Наука и технологии	Национальные традиции и местные особенности	Переток части этнокультурного кода
Конъюнктура (цены, производители, экспорт/импорт)	Система товардвижения и материально-техническая база	Уровень социально-экономического развития соседних регионов

Окончание табл.

Общие	Специфические	
	Базовые (основные)	Дополнительные (индивидуальные)
Состояние и развитие мировой экономики	Межрегиональные связи и транспортные потоки	Соотношение и пропорция производства — импорта — экспорта
Глобализация, интеграция и регионализация	Запасы, ресурсы и снабжение (производство и население)	Институциональный баланс (интересы, функции, институты)
Структура производства и потребления	Доходы и платежеспособный спрос	Специальные механизмы поддержки развития
Торговая политика и регулирование рынков	Система правовых и нормативных актов	Барьеры и ограничения (таможня, бизнес и др.)
Устойчивость, безопасность и ресурсосбережение	Социальная ориентированность политики	Теневого сектор и нелегальная деятельность
Модели национальных систем экономической безопасности	Структура регионально-го хозяйства и уровень развития	Уровень интеграции в области управления приграничными процессами

Источник: собственные разработки авторов.

Представление о факторах и условиях позволит проводить типологию угроз экономической безопасности применительно к определенным типам регионов, например приграничным.

По результатам оценки факторов и условий разработаны принципиальные положения алгоритма для измерения экономической безопасности приграничного региона (рис. 2).

Отличия от известных подходов связаны с выделением групп (классов) угроз в соответствии с влиянием общих и специфических (базовых и дополнительных) факторов для проведения последующих измерений, их идентификации и на этой базе обоснования системы показателей оценки в составе общих, частных и специальных индикаторов. Общие индикаторы отражают уровень обеспечения защиты и экономической безопасности региона, соответствующих общенациональным интересам, частные индикаторы учитывают специфику отдельных территорий (субъектов), исходя из выявленных групп (классов) угроз.

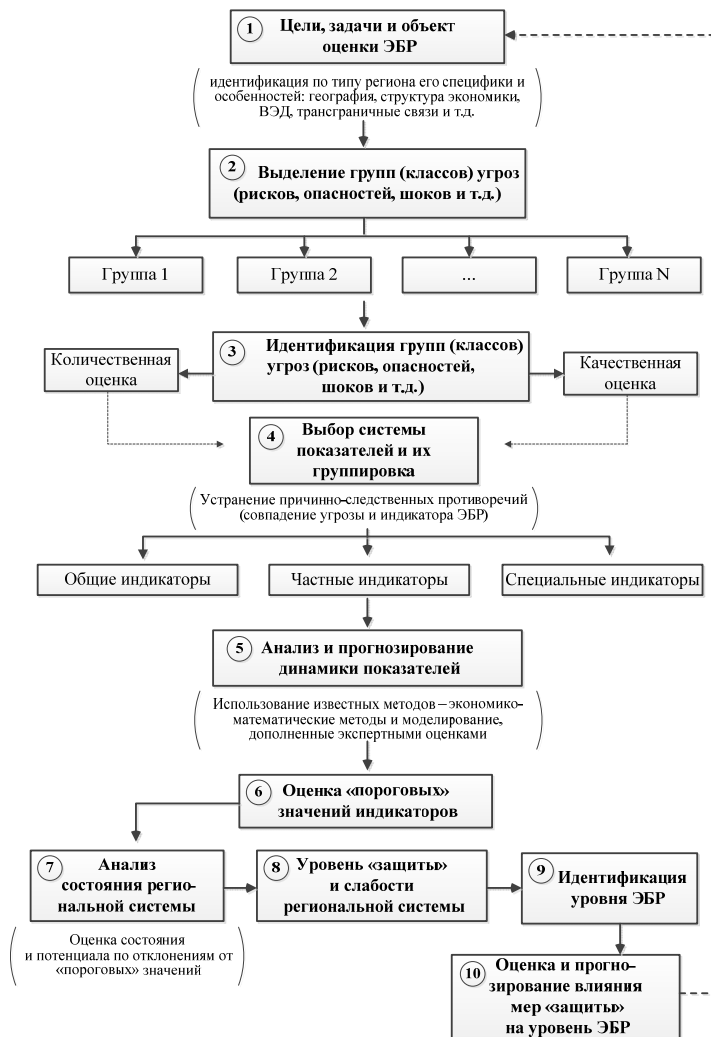

Рис. 2. Алгоритм оценки экономической безопасности приграничных регионов

Источник: собственные разработки авторов.

Специальные индикаторы применяются в измерениях по составным элементам экономической безопасности. Алгоритм дополнен отдельным блоком по оценке влияния мер обеспечения экономической безопасности и их эффективности, которая может проводиться с использованием разработанных и апробированных в БФУ им. И. Канта секторальных моделей [2]. Подобные оценки в регионах практически не проводятся, а вопросы эффективности мер обеспечения экономической безопасности и их влияния не получили должной методической поддержки.

Заключение

Методические особенности измерения экономической безопасности приграничных регионов по результатам работы могут быть сведены к следующим основным положениям. Во-первых, это требование учета геополитического, социально-экономического и институционального контекстов при выявлении факторов и условий, определяющих влияние приграничности.

Во-вторых, по результатам оценки влияния фактора приграничности необходимо выделять группы (классы) угроз, что позволяет учесть типы регионов. Здесь предполагается рассмотрение как приграничных типов регионов, так и их подтипов и видов. В-третьих, предлагается использовать систему показателей в составе общих, частных и специальных индикаторов, соответствующих факторам и условиям влияния приграничности и выделенным группам угроз и рисков. Предложенный алгоритм оценки экономической безопасности, дополненный возможностями не только диагностики, но и оценки эффективности мер ее обеспечения и прогнозирования уровня, существенно расширяет теоретико-методологические основы изучения экономической безопасности региона. Предложенный подход может быть рекомендован в изучении не только приграничных, но и других типов регионов. Конкретные методические положения получат дальнейшее применение

ние при разработке принципиальной модели экономической безопасности на примере регионов Западного порубежья Российской Федерации.

Благодарности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. *Безопасность* и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М. ; Волгоград, 2002.

2. *Волошенко К. Ю., Пономарев А. К.* Внедрение в практику регионального управления секторальных моделей: оценка влияния управляющих воздействий на экономику // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 93—113.

3. *Грачев А. В., Левченко Л. В.* Классификация подходов к определению экономической безопасности государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 126—129.

4. *Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований РФ. Ч. 1, 2 : Методические положения диагностики экономической безопасности территорий регионального уровня. Пороговые уровни индикаторов экономической безопасности территорий регионального уровня / А. И. Татаркин [и др.]. Екатеринбург, 2001.*

5. *Котилко В. В., Немирова Г. И., Пашенных Ф. С.* Конкурентоспособность и экономическая безопасность приграничных регионов: реалии и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 46 (235). С. 2—7.

6. *Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общ. ред. Ю. В. Савельева, О. В. Толстогузова.* Петрозаводск, 2014.

7. *Сенчагов В. К., Максимов Ю. М., Митяков С. Н., Митякова О. И.* Инновационные преобразования как императив экономической безопасности регионов: система индикаторов // Инновации. 2011. № 5 (151). С. 56—61.

8. *Теория* и практика оценки экономической безопасности (на примере регионов Сибирского федерального округа) / под общ. ред. В. В. Карпова, А. А. Кораблевой. Новосибирск, 2017.

9. *Третьяков Д. В.* О совершенствовании методики оценки экономической безопасности региона (на примере Тамбовской области) // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10 (032). С. 186—189.

10. *Экономическая* безопасность регионов России : монография / под ред. В. К. Сенчагова ; Министерство образования и науки Российской Федерации. Н. Новгород, 2012.

Об авторах

Волошенко Елена Витальевна, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EVoloshenko@kantiana.ru

Волошенко Ксения Юрьевна, кандидат экономических наук, директор Центра моделирования социально-экономического развития региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

The authors

Dr Elena V. Voloshenko, Associate Professor, Department of Geography, Natural Resources and Spatial Development, The Institute of Environmental Management, Urban Development and Spatial Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EVoloshenko@kantiana.ru

Dr Ksenia Yu. Voloshenko, Director of the Centre for Modeling of Socio-Economic Development of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

В. В. Горочная¹

¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

ТРАНСГРАНИЧНАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮГА РОССИИ

Статья посвящена проблеме экономической безопасности при- морских регионов Юго-Запада России, представленной в качестве способности экономической системы оперативно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Выявляется взаимосвязь между циклической динамикой геоэкономической турбулентности и кластерной самоорганизацией. В качестве эмпирического обоснования рассматриваются три поколения кластеров в экономике южнороссийских регионов, а также более продолжительный опыт кластеризации в других странах черноморского ареала (прежде всего в Турции и Румынии).

The article is devoted to the problem of economic security of the coastal regions of South-West Russia. Economic security is considered as the ability of an economic system to respond quickly to internal and external challenges. The interrelation between cyclic dynamics of geo-economic turbulence and cluster self-organization is revealed. The author provides empirical evidence and analyses three generations of clusters in southern regions of Russia. Another example is a longer experience of clustering in other countries of the Black Sea region, primarily in Turkey and Romania.

Ключевые слова: геоэкономическая турбулентность, кластер, экономическая безопасность, Черноморский регион.

Keywords: geo-economic turbulence, cluster, economic security, Black Sea region.

Категория экономической безопасности региона обретает актуальность в условиях геоэкономической турбулентности. В текущей российской ситуации это в большей мере относится к приграничным регионам, западному порубежью как непосредственной контактной зоне «Россия — Запад».

Современное понимание экономической безопасности (как в макро-, так и в микроэкономическом применении), наряду с механизмами сокращения существующих и потенциальных рисков, включает в себя способы их распознавания и прогнозирования, присущие объекту безопасности [1]. В отношении региона как объекта экономической безопасности данный аспект имеет значение, так как региональное сообщество является носителем собственных приоритетов развития. Традиционное деление угроз на внутренние и внешние позволяет включить в понятие экономической безопасности региона также сбалансированность циклической динамики воспроизводственного процесса, способную обеспечить региональное экономическое развитие и стабильность жизнедеятельности в условиях внешних изменений (как негативных, так и при прекращении действия положительных факторов и утрате дополнительных возможностей). В условиях нелинейной взаимообусловленности внутренних и внешних факторов и рисков оба аспекта действуют в неразрывной связи, что позволяет определить экономическую безопасность региона как способность региональной экономической системы своевременно и оперативно (с учетом прогностической погрешности и лаговых эффектов) реагировать на любые изменения, при этом предотвращая и минимизируя действие факторов, идентифицируемых региональным сообществом в качестве рискогенных.

Данный аспект особенно важен для безопасности приграничных регионов. Будучи составной частью национальной экономической системы и при этом входя в метарегиональные образования надгосударственного типа, приграничный регион формирует и оптимизирует собственную иерархию и пропорцию воспроизводственных процессов исходя из постоянного присутствия контактной зоны с внешним окружением. Риски

ограничений приводят в кратко- и среднесрочном периоде к диспропорциям регионального экономического развития с учетом лагового эффекта реакции региональной экономической системы, смены режима функционирования. Тем самым сохранение экономической безопасности обретает черты проблемы организационных и структурных условий, при которых возможно сочетание и баланс самодостаточности региона и реализации его возможностей внешнего сотрудничества.

Способы и механизмы непосредственного внешнеэкономического взаимодействия (а также контакта с инотерриториальным капиталом внутри национальной экономической системы), равно как и способность к сбалансированному протеканию воспроизводственных процессов в производственном, технологическом, кадровом, финансовом отношениях главным образом формируются на организационном уровне через деятельность хозяйствующих субъектов и их объединений.

Данное положение в особенности относится к приграничным регионам, представляющим стратегическую важность в качестве контактно-барьерной зоны и точек роста, опережающего развития. Практика внешнего взаимодействия предприятий, логистический контактный потенциал представляют собой ресурс для достижения опережающих темпов развития приграничных регионов, что в особенности проявляется в приморской зоне за счет возможностей интермодельного транспорта [2, с. 5]. Имеет место и быстрое накопление тацитного (скрытого) знания за счет смены деловых партнеров и условий деятельности, приобретения нового опыта. Тем самым в условиях геоэкономической турбулентности в отношении приграничных регионов действуют двойные угрозы: риск потери повышенных темпов роста, а также негативные эффекты вследствие отсутствия самодостаточности, высокой зависимости от внешних ресурсов из зарубежа.

В таких условиях региональная экономическая система адаптируется на организационном уровне, в первую очередь через стратегии самоорганизации предприятий, в том числе — через экономическую кластеризацию. Экономические класте-

ры в большей мере приспособлены к внешним изменениям благодаря таким качествам, как гибкость структуры, саморегуляция, аккумуляция тацитного знания, а также способность к увеличению организационной массы региона за счет внутреннего образования новых предприятий и смежных проектов на пересечении интересов экономических субъектов. Процесс относительно легкого и быстрого формирования новых фирм и их структурных подразделений (филиалов, отделов) жизненно важен для адаптации к любым внешним изменениям, так как позволяет аккумулировать организационные возможности, кадровый потенциал.

Прослеживая динамику кластерогенеза в приграничных регионах Юго-Запада России, можно отметить корреляцию между сменой геополитического вектора и активизацией кластерогенных тенденций. Так, три поколения кластеров Ростовской области отражают различные тенденции внутренней и внешней экономической ситуации. Насчитывающая уже два десятилетия история развития первого поколения профильных для региона кластеров в сфере агропроизводства обнаруживает на каждом этапе непосредственную взаимосвязь с логистическим комплексом и в особенности — с водным транспортом, вследствие чего происходит обоюдная диверсификация [6]. Такой путь развития обусловлен неоднократной сменой внешних условий: установлением деловых связей агропроизводителей через субъекты морской логистики при расширении контактного потенциала региона в благоприятной ситуации, сращиванием портово-логистической, судоремонтной сфер и агропроизводства в условиях повышенных рисков использования внешних услуг, переориентацией на местных поставщиков и объекты инфраструктуры. Тем самым кластеризация неоднократно послужила одним из факторов повышения внутренней стабильности региона, повысила как самодостаточность, так и возможности расширения внешних контактов.

Второе поколение, образованное в большей мере по инициативе административных структур (с целью поддержки и повышения эффективности, а также технико-технологической

модернизации базовых отраслей региона — машиностроения, легкой промышленности), изначально не обрело характер полноценных кластеров. Однако в ряде случаев данные начинания стали основой для дальнейшего кластерообразования. При недостатке региональной организационной массы и технологических условий кластерогенные тенденции вовлекли в оборот значительное количество международных связей, в результате чего происходило как освоение внешних рынков и производственная экспансия вовне (в частности, это относится к одному из опорных предприятий региона — «Ростсельмашу»), так и обратный процесс — приглашение инвесторов, импорт технологий и оборудования (результатом такого процесса стал проявивший себя уже в третьем поколении кластер станкостроения, образованный при участии европейских партнеров [6]).

Толчком к образованию третьего поколения кластеров, наряду с естественными процессами самоорганизации, стала внешнеэкономическая ситуация, повлекшая за собой множественные угрозы для экономической и инновационной безопасности региона. Потребность в кластеризации стала очевидной как для экономических субъектов через необходимость совместных инвестиций в инфраструктурные объекты, организационные и технологические площадки, так и для региональной администрации, осознавшей образование кластеров в качестве инструмента политики импортозамещения.

Необходимость в замещении продукции наукоемкого машиностроения способствовала конверсии технологий военной отрасли в гражданское производство, на основе чего были образованы сразу два кластера: узкий по профилю и небольшой по числу участников кластер «Морские системы», локализованный в г. Таганроге (производство эхолокационной рыбопоисковой техники) [6], а также широкий по текущему и потенциальному спектру продукции кластер «Южное созвездие» (производящий космическое и аэродинамическое оборудование, продукцию приборостроения и пр.) [7]. Потребность в оснащении регионального производства собственными инфор-

мационными и коммуникационными технологиями при угрозе экономических санкций использования импортного продукта способствовала сплочению производителей IT-сферы [6]. Образование кластера «Амилко» позволило существенно расширить ассортимент регионального производства биотехнологической продукции [6].

Относительно быстрое и эффективное решение проблем импортозамещения и повышения региональной экономической безопасности через кластеризацию в данном случае основывалось на организационном сплочении научно-образовательного и производственного потенциала предприятий, осознавших преимущества ситуации для завоевания внутреннего рынка с дальнейшей перспективой выхода на внешние при условии выстраивания цепочки добавленной стоимости, а также совместного позиционирования. Кластерная структура позволила быстро и относительно эффективно найти региональный технологический и производственный аналог импортируемой ранее продукции на основе местных производств, а также возможностей разработки новых технологий и их конверсии из сферы ВПК.

Показательно и то, что образование большинства кластеров происходило с приглашением зарубежных партнеров либо с установкой на дальнейшее внешнее сотрудничество при стабилизации внешнеэкономической обстановки. Тем самым при реализации политики импортозамещения контактный потенциал как таковой не был утрачен. Напротив, он обрел большие возможности за счет того, что региональная производственная цепочка включила в себя большее количество звеньев добавленной стоимости.

Прослеживая генезис кластеров первого и второго поколений в текущих условиях геоэкономической турбулентности, можно отметить аналогичные черты: переориентацию с внешнего на внутренний рынок, рост числа хозяйствующих субъектов внутри кластера, замещающих функции, ранее выполнявшиеся зарубежными контрагентами, концентрацию производственных мощностей преимущественно на территории регио-

на (так, для «Ростсельмаша» данный показатель уже достиг 70% [3, с. 62] после проводившейся в прошлом десятилетии политики широкой территориальной экспансии и размещения производства на Украине, в США, Канаде, Казахстане [4]), целенаправленное укрепление кластерного бренда. При невозможности выстраивать логистические цепи через украинские порты значение южнороссийских существенно повысилось, в результате сросшаяся сфера агропроизводства и портовой логистики даже в условиях внешнего давления и противоречивых внутригосударственных тенденций испытывает существенный подъем. Если обратиться к показателям мониторинга внешнеэкономической деятельности Ростовской области (по данным за январь — сентябрь 2016 г. в сравнении с аналогичным периодом 2015 г., то есть непосредственно в фазе выхода из усложнившейся геоэкономической ситуации [5]), то можно обнаружить рост морских перевозок, составивший 120,8%, наряду с общим ростом экспорта (116,4%) и умеренных темпах роста импорта (102,2%). В структурном разрезе отразилась деятельность вновь образованного третьего поколения кластеров, а также упрочившего свои позиции первого поколения: рост экспорта по сельскохозяйственной продукции составил 117,8%, по продукции машиностроения (составившей основное отраслевое направление экспортоориентированных кластеров) — 247,4%, по продукции химического комплекса (в том числе биохимического продукта кластеров) — 169,5%, в сфере легкой промышленности (где без специального организационно-правового оформления подверглись кластеризации производство одежды и обуви) — 331,1%, что существенно превышает темпы экспортного роста по другим отраслям.

Краснодарский край, развивающийся в большей мере не по кластерной, а по холдинговой модели со значительной ролью государства (в том числе — прямых интересов федерального центра в стратегических отраслях транспортировки энергоносителей и др.), в сложившейся ситуации испытывает тенденции, аналогичные тенденциям в Ростовской области. Так, кла-

стерная самоорганизация периодически проявляет себя в сфере туризма, а также в сферах производства мебели и строительных материалов, что отражает необходимость в импортозамещении и повышении качества регионального продукта.

Таким образом, для дальнейшей стабилизации обстановки и повышения региональной экономической безопасности необходима продуманная стратегия дальнейшего развития кластерных структур, исходя из отраслевой и территориально-производственной структуры, внешних контактных возможностей и накопившегося потенциала, а также приоритетов регионального развития. В связи с этим показательным является анализ зарубежного опыта кластеризации непосредственно в черноморском регионе, в рамках которого страны обнаруживают общность тенденций и исторических путей эволюции воспроизводственных систем приморских регионов.

На данный момент кластеризация в странах Черноморского региона представляет собой пеструю картину: от развитых кластеров Турции и Румынии, чей опыт насчитывает несколько десятилетий, до Болгарии и Грузии, где кластерная инициатива в большей мере исходит «сверху» как инструмент региональной экономической политики, только начавшей проявлять себя и давшей лишь первый опыт кластеризации. Особое положение занимают кластеры Украины, активно развивавшиеся (преимущественно при участии муниципалитетов, а не федерального или региональных центров), однако в настоящее время испытывающие общие кризисные тенденции геоэкономической турбуленции.

На примере наиболее продолжительного кластерного опыта Румынии и Турции прослеживаются общерегиональные черты, связанные с вектором международной интеграции в сочетании с повышением безопасности национальной экономики. Отправной точкой к кластерообразованию послужила экспортоориентированная политика, направленная на активизацию внешнего сотрудничества, постепенное завоевание международных рынков (прежде всего европейских стран) [9].

При этом первичной целью международного сотрудничества было обретение эффективной системы сбыта и адаптации национальной продукции к иным социокультурным условиям и целевой аудитории. Наряду с собственно производственно-технологическим сотрудничеством имел место импорт креативных маркетинговых технологий и дизайна. В настоящее время происходит постепенная аккумуляция тацитного знания и технологий в данных сферах в рамках самих черноморских стран, на организационном уровне оформляющаяся в появлении внутрикластерных структур маркетингового, информационно-технологического, креативного профиля. Тем самым постепенно происходит наращивание звеньев цепи добавленной стоимости в национальной экономике и повышение ее самодостаточности без потери возможностей внешних контактов. Что интересно, даже условия внешних конфликтов и тяжелых гуманитарных ситуаций способствовали кластеризации ряда секторов. В частности, таким образом сформировался трансграничный медицинский кластер Турции [8]; вовлечение румынских производителей в общеевропейские экономические кризисные фазы циклической динамики привело к кластерному сплочению регионального производства, переориентации на внутренний рынок [9].

Примечательно, что в процессе кластеризации в целом большую роль сыграли приморские регионы. Если в Румынии в меньшей мере проявилась тенденция талассоаттрактивности, то в Турции большинство кластеров локализованы в приморской зоне, став контактно-барьерным «буфером», способствующим адаптации инертных (в силу институциональных и социокультурных причин) структур национальной экономики к меняющемуся внешнему рынку и прочим условиям функционирования в пространстве мировой экономики.

Рассмотренный опыт позволяет сделать вывод о том, что упрочение позиций региональной экономики как во внутреннем, так и во внешнем пространстве, поддержание ее экономической безопасности является проблемой, решаемой через

призму самоорганизации экономических субъектов при условии продуманной стратегии регионального развития. Основным вектором региональной экономики должен быть направлен на поиск трансграничного сотрудничества в имеющихся условиях при сохранении как конкурентных, так и кооперационных отношений по обе стороны границы, а также на постепенный рост цепи добавленной стоимости за счет внутрикластерной аккумуляции тацитного знания и технологий. При этом в большинстве случаев имеет положительное значение сама циклическая динамика, задаваемая внутренними особенностями воспроизводственного цикла и внешнеэкономическими импульсами (как «сжимающими», «уплотняющими», «концентрирующими» организационное пространство, повышая его конкурентоустойчивость и накопленный опыт, так и дающая возможность для нового расширения в волне).

Экономический кластер выступает тем связующим звеном, которое позволяет не только не потерять, но и расширить контактные возможности за счет внешней открытости, сочетания кооперации и конкуренции, повысить самодостаточность благодаря образованию внутренних структур, способных перенять на себя функции внешних деловых партнеров в случае их утраты (однако при этом без потери возможности возобновления контактов в благоприятной геоэкономической обстановке).

Список литературы

1. *Анищенко А. А.* Экономическая безопасность регионов России. М., 2006.
2. *Дружинин А. Г., Горочная В. В.* Производственное комплексобразование и экономический кластерогенез: институциональная специфика приморских зон // Научная мысль Кавказа. 2016. №4.
3. *Кисин С.* Пахать на своих // Вестник агропромышленного комплекса. 2018. Май.
4. *Компания Ростсельмаш.* Официальный электронный ресурс. URL: <https://careers.rostselmash.com/> (дата обращения: 30.06.2018).
5. *Мониторинг* внешнеэкономической деятельности Ростовской области (январь — сентябрь 2016 года) / ГАУ РО «Региональный информационно-аналитический центр». Ростов н/Д, 2017.

6. *Трансграничное* кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистенциальные эффекты / под ред. А.Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2017.

7. *Южное* созвездие. Инновационно-технологический кластер Ростовской области. Официальный электронный ресурс. URL: <http://yuzhnoe-sozvezdie.ru/> (дата обращения: 30.06.2018).

8. *Health Cluster Bulletin* // Health Cluster Turkey Hub. 2007. URL: https://www.humanitarianresponse.info/system/files/documents/files/turkey_health_cluster_bulletin_september_2017.pdf (дата обращения: 30.06.2018).

9. *Pauna C. B., Chilian N. M.* Territorial Competitiveness in Romania // The Role of Economic Clusters. 52nd Congress of the European Regional Science Association: «Regions in Motion — Breaking the Path». 21—25 August 2012, Bratislava, Slovakia. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/120660/1/ERSA2012_0713.pdf (дата обращения: 30.06.2018).

Об авторе

Горочная Василиса Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

The author

Vasilisa V. Gorochnaya, PhD in Economics, Senior Researcher, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: tunduk@hotmail.com

Н. В. Гонтарь¹

¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

**ТРАЕКТОРИИ ТОРГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ
В ЧЕРНОМОРСКОМ БАССЕЙНЕ
В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ**

Рассматривается траектория внешнеторгового взаимодействия России и стран Черноморского бассейна как важного направления экспортных и импортных операций. Исследуются долгосрочные и краткосрочные факторы внешней торговли РФ, которые существенно трансформировали возможности и направления торговли, такие как внешнеполитические ограничения и взаимные санкции стран Запада и РФ. Анализируются тренды динамики экспорта и импорта РФ в разрезе стран Причерноморья и регионов Юга России, которые непосредственно реализуют внешнеторговую стратегию России на данном направлении.

The author explores Russia's foreign trade with the countries of the Black Sea basin. This is an important direction of Russia's export and import operations. The author describes long-term and short-term factors influencing the country's foreign trade. These factors have significantly changed the opportunities and directions of trade recently as a result of foreign policy restrictions and reciprocal sanctions imposed by western countries and Russia. The author demonstrates the prevailing trends in Russia's export and import operations with the countries of the Black Sea basin paying a special attention to the regions of southern Russia as the main actors implementing the foreign trade strategy of Russia in this direction.

Ключевые слова: Причерноморье, внешняя торговля, Юг России, экспорт, импорт.

Keywords: Black Sea region, foreign trade, South of Russia, export, import.

Введение

Позиционирование России на современной мировой арене во многом определяется ее потенциалом как экспортера, а также географией ее внешнеэкономических связей. Реализация торговой стратегии на различных рынках обеспечивает не только экономический эффект, но и является для России инструментом геополитического присутствия. В то же время именно эта двойственность обусловила в 2014 г. ограничения на внешних рынках как инструмент геополитического противостояния России и стран Запада. Основанием для решений такого рода послужили установление суверенитета РФ над Крымом в марте 2014 г. и начало вооруженного конфликта в Донбассе, на границе России и Украины, что вызвало ответную реакцию развитых стран в виде принятия экономических и торговых санкций в отношении РФ. В свою очередь, Россия приняла пакет «антисанкций». В совокупности принимавшиеся сторонами меры, которые сопровождались также падением цен на основные (сырьевые) товары российского экспорта в 2014 г. и значительным (двукратным в моменте) ослаблением курса рубля, имели следствием значимую коррекцию географии и объема внешних торговых связей России.

Западное порубежье России как ареал концентрации внешнеторгового оборота с ключевыми торговыми партнерами РФ (прежде всего с Европой) стало территорией, где объемы торговли и их пространственное распределение также значимо трансформировались, обозначив новые штрихи географии внешнеторгового взаимодействия. В статье на основе анализа факторов этого процесса и с использованием данных ФТС РФ исследуется характер трансформации внешнеторговых обменов в Черноморском секторе Европейской территории России.

Траектории и факторы внешнеторгового взаимодействия в Черноморском регионе

Современные позиции России в торговле со странами Черноморского региона достаточно прочны. Здесь пролегают два из наиболее значимых трубопровода, обеспечивающих поставки российского сырья на мировой рынок (КТК и «Голубой поток»), расположен ряд крупнейших в РФ торговых портов, обслуживающих внешнеторговые операции регионов России (в 2017 г. порты Черного и Азовского моря, среди которых — Новороссийск и Туапсе, обеспечили $\frac{1}{3}$ от оборота всех портов РФ), а также (в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области) — крупнейшие ареалы производства зерновых и масличных культур, составляющих предмет российского экспорта на мировой продовольственный рынок.

В исследуемый период (2014—2017) торговое взаимодействие России со странами Черноморского региона (где крупнейшими торговыми партнерами РФ являются Турция и Украина) сократилось в долларовом выражении, что стало следствием переоценки стоимости валюты РФ и трансформации самого объема торговли. В целом обмен России с восемью черноморскими странами (в том числе Азербайджаном как неотъемлемым элементом региона, связанным с ним инфраструктурно) сократился. Однако если по экспорту такое сокращение составило 28,9%, то по импорту — 43%, то есть импорт из черноморских стран существенно потерял свое значение (табл. 1). Собственно Черноморский регион при этом сохранил свою функцию как направление российского экспорта (доля в российском экспорте осталась на уровне выше 10%). Однако позиции стран Причерноморья в импорте в РФ упали весьма значительно — до 5,5%. Если уменьшение экспорта в страны бассейна точно соответствовало общему объему сокращения экспорта в РФ, то снижение импорта товаров в Россию составило лишь 21%, то есть было много меньшим, чем сокращение импорта из стран Причерноморья.

Таблица 1

Динамика значимости Причерноморья в ВЭД РФ

Товарооборот РФ, млрд дол.	Экспорт		Импорт	
	2014	2017	2014	2017
Со странами Причерноморья	51 386,3	36 551,3	21 792,5	12 425,9
Доля стран Причерноморья, %	10,3	10,2	7,6	5,5
Всего по РФ	497 833,7	357 766,8	286 669,1	227 464,3

Составлено по [4].

Следует отметить существенный восстановительный рост внешней торговли России, который в 2018 г. был задан повышением нефтяных цен и усилением позиций рубля.

Особенностью внешнеторгового взаимодействия России является отличие актуального спектра товаров, которые она поставляет на экспорт в страны дальнего зарубежья и в СНГ, а также соответствующие отличия в импорте (табл. 2).

Таблица 2

Товарная структура импорта РФ (январь — апрель 2018 г.), %

Товарная отрасль	Страны дальнего зарубежья	Страны СНГ
Машины, оборудование и транспорт	49,3	20,7
Продовольственные товары и сельхозсырье	12,3	20,4
Металлы и изделия из них	5,8	18,7
Продукция химической промышленности, каучук	19,5	14,7
Текстиль, текстильные изделия и обувь	6,1	7,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,5	2,3
Другие	3,9	3,2

Примечание. Указаны товарные отрасли, имеющие более 1% в структуре импорта.

Составлено по [4].

Так, не только традиционная продукция машиностроения, но и продовольствие, а также металлы и химическая продукция составляют немалую долю импорта РФ, несмотря на существенный объем как экспорта, так и добычи и переработки сырья для химического и металлургического производства в России. Отличием торговли со странами СНГ служат существенно меньшая доля импорта из этих стран машин и большая — продовольствия.

Топливо-энергетические товары составляют основу российского экспорта как в дальнее зарубежье, так и в СНГ (табл. 3).

Таблица 3

Товарная структура экспорта РФ (январь — апрель 2018 г.), %

Товарная отрасль	Страны дальнего зарубежья	Страны СНГ
Минеральные продукты	68,6	40,1
Топливо-энергетические товары	67,8	38,3
Продукция химической промышленности, каучук	5,0	13,2
Металлы и изделия из них	10,4	12,5
Продовольственные товары и сельхозсырье	4,8	9,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,0	4,3
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	3,0	0,4
Машины, оборудование и транспорт	4,2	15,8

Примечание. Указаны товарные отрасли, имеющие более 1% в структуре экспорта.

Составлено по [4].

В 2014 г. фактор колебания цен на продукты сырьевого экспорта вызвал падение курса рубля, что сочеталось с началом действия финансовых и торговых санкций в отношении

РФ и конфликтом с Турцией после того, как в конце 2015 г. в Турции был сбит российский бомбардировщик Су-24. Ответные меры РФ включали ограничение туристического потока из РФ в Турцию и импорта широкого круга товаров (включая продовольственные) из Турции.

В целом, однако, в исследуемый период действовала система факторов как долгосрочного, так и краткосрочного порядка, которые по-своему влияли на трансформацию объема и географии торговли РФ в Причерноморье.

Стратегические и краткосрочные факторы торгового взаимодействия РФ в Черноморском регионе

В Причерноморье существует формальная институциональная инфраструктура межгосударственного взаимодействия. Так, в 1992 г. Турция предложила проект ОЧЭС, который был официально запущен в июне 1999 г. ЕС также реализует в регионе Европейскую политику соседства (ENP) по отношению к восточным и южным соседям. Также большая часть стран региона — не членов ЕС — стремится к той или иной форме ассоциации с Европейским союзом. Помимо этого исторически в регионе развивается и двустороннее взаимодействие. Так, Турция предпочитала создание таких связей более тесной интеграции в рамках ОЧЭС [1]. ЕС до 2004 г. также сотрудничал со странами Черноморского региона в рамках двусторонних соглашений [2].

Иным фактором сохранения стратегической связности являются крупные инфраструктурные проекты: «Голубой поток» (газопровод Россия — Турция), КТК (Казахстан — Туапсе), нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан и ряд мелких трубопроводов регионального значения (Самсун — Джейхан, Киркук/Эрбиль — Джейхан), трансэкваториальные линии оптоволоконной связи по дну Черного моря, железная дорога Баку — Ахалкалаки — Карс. В 2018 г. введен в строй Транс-Анатолийский газопровод (TANAP), который будет транспор-

тировать природный газ из Азербайджана в Турцию, а оттуда в Европу в рамках продолжения разработки месторождения «Шах-Дениз».

Вместе с тем ряд факторов образует стратегические препятствия к наращиванию торговли РФ со странами бассейна. В частности, это малое экономическое значение целого ряда причерноморских стран, что не позволяет наращивать обмены. Так, вплоть до окончания цикла высоких цен на углеводороды в 2014 г. безусловным лидером среди исследуемых стран по объему ВВП оставалась Россия, которой более чем вдвое уступала Турция. Относительно высоким статусом отличались экономики Румынии и Украины. Последовавшее затем сокращение доходов от экспорта, обрушение валют стран региона снизило их показатели: для России в 2014—2016 гг. — на 43 %, для Азербайджана — вдвое. Для Украины схожий тренд был связан не столько с ценовыми факторами, сколько с утратой Крыма в связи с его переходом под контроль РФ в 2014 г. и конфликтом на востоке страны.

Параметры душевого ВВП указывают на отсутствие сегодня в регионе доминирующей экономики при наличии ряда лидеров (РФ, Турция, Румыния, Болгария, Азербайджан) [3].

Сырьевая модель, обуславливая межгосударственные связи, в то же время выступает и их ограничителем ввиду узости спектра товаров, которые страны могут предложить. В этой связи ориентированность самих стран Причерноморья друг на друга носит ограниченный характер. Так, Россия и Азербайджан имеют статус экспортеров сырья ($2/3$ в структуре экспорта для РФ и 90 % — для Азербайджана) и заинтересованы в поиске путей транспортировки нефти и газа. Существенная доля переработки в экспорте и ориентация на ЕС характерна для Турции и Румынии (доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности — 76 и 82 % соответственно).

Анализ данных ЮНКТАД [5] показывает, что в числе пяти приоритетных направлений экспорта лишь Грузия имеет че-

тыре страны из региона Причерноморья. Для Армении, Болгарии, Румынии и Украины таких стран лишь две. Для России и Азербайджана в числе лидирующих направлений экспорта — только Турция (для России это пятый по значимости рынок экспорта, для Азербайджана — первый). Для Турции и Румынии ни одна из черноморских стран не входит в пятерку их приоритетных экспортных направлений.

Исследование трансформации торговли РФ в обозначенный период со странами Причерноморья основывается на статистике ФТС РФ. За базовый год при этом принят 2013-й как год отсутствия курсовых колебаний, падения сырьевых цен и отсутствия геополитических конфликтов России со странами — торговыми партнерами (рис. 1, 2).

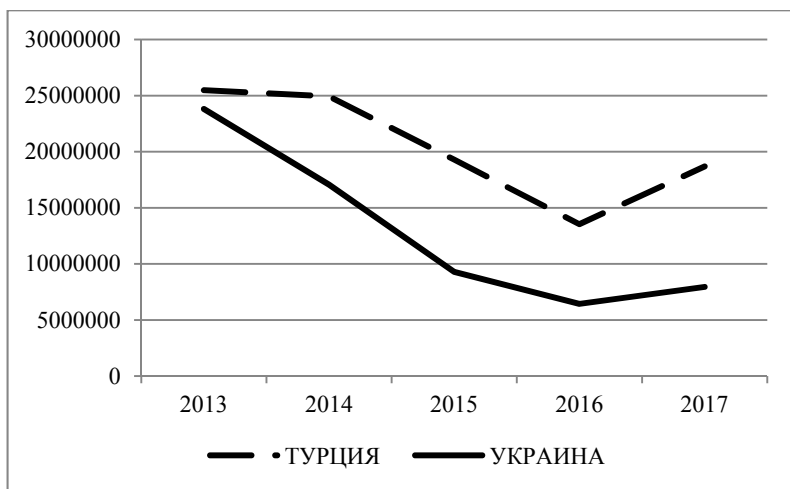

Рис. 1. Динамика экспорта РФ в страны — основные торговые партнеры в Причерноморском регионе (тыс. дол. США) в 2013—2017 гг.

Составлено по [4].

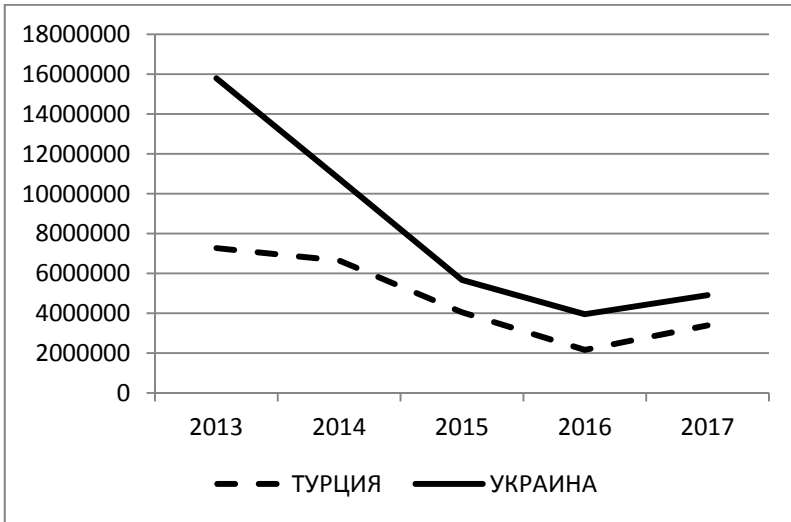

Рис. 2. Динамика импорта РФ в страны — основные торговые партнеры в Причерноморском регионе (тыс. дол. США) в 2013—2017 гг.

Составлено по [4].

Данные свидетельствуют о том, что в Причерноморье у РФ имеются два ключевых торговых партнера — Турция и Украина. Обмен с остальными странами весьма незначителен. С 2014 г. ввиду резкой смены курсов валют, развернувшегося конфликта на границе России и Украины и последовавших затем санкций в отношении РФ имело место непрерывное падение экспорта и импорта со странами Причерноморья вплоть до 2016 г., который стал нижним пиком сокращения товарооборота. С 2017 г., отчасти благодаря восстановлению курса рубля, происходит рост показателей. Этот же период характеризуется и снижением остроты конфликтов с Украиной и Турцией.

В целом из общего объема торговли РФ со странами Причерноморья на долю Турции приходилось в 2013 и в 2017 гг. 49 и 51 % экспорта соответственно, на долю Украины — 33 и 22 %. В структуре импорта РФ из Черноморского региона на Турцию в начале и конце периода приходилось по 27 %, на Украину — 58 и 40 %. Одновременно можно констатировать весьма небольшую долю в обмене с РФ остальных стран Причерноморья.

Следует отметить, что стоимостное сокращение товарооборота за исследуемый период было весьма существенным и его восстановления для основных торговых партнеров России в Причерноморье не произошло (табл. 4).

Таблица 4

**Динамика ВЭД РФ по странам Причерноморья
в 2013—2017 гг., %**

Страна	Коэффициент сокращения/прироста экспорта по отношению к 2013 г.	Коэффициент сокращения/прироста импорта по отношению к 2013 г.
Азербайджан	65,8	108,9
Армения	124,8	149,5
Болгария	130,8	78,2
Грузия	130,4	256,1
Молдова	65,4	84,5
Румыния	140,4	79,1
Турция	73,4	46,6
Украина	33,4	31,1

Составлено по [4].

Как следует из таблицы 4, экспорт России на Украину сократился за период после 2014 г. на $\frac{2}{3}$, в Турцию — на чет-

верть. Принимая во внимание современные условия (отсутствие решения кризиса в отношениях с Украиной и неровные отношения с Турцией), можно говорить об определенной утрате позиций на этих рынках. Взрывная динамика торговли с малыми экономиками не отменяет факта сокращения стоимостных параметров торговли с Причерноморьем после 2014 г. (что в случае импорта сочетается с явной утратой позиций импорта из региона в пространственной структуре импорта в РФ).

Внешнеторговая активность регионов Юга России

Юг России сегодня — своего рода ворота внешней торговли РФ на южном направлении. ФТС отражает деятельность компаний, непосредственно зарегистрированных на территории субъектов РФ, что, однако, не отменяет посреднические функции части из них. Не все регионы Юга России заметны во внешней торговле как по причине их положения, так и в силу отсутствия значимого объема товаров, отправляемого с их территории. В отношении Крыма и Севастополя действуют санкции, которые запрещают торговлю с полуостровом.

Товары, обрабатываемые портами Черноморского и Азовского побережья РФ, формировали грузооборот морских портов Азово-Черноморского бассейна в 2014 г. на уровне 209,1 млн т, в том числе объем перевалки грузов операторами морских терминалов порта Новороссийска был 121,4 млн т, Туапсе — 21,7 млн т, Кавказа — 26,0 млн т. Грузооборот морских портов Азово-Черноморского бассейна в 2017 г. составил 269,5 млн т (+10,4% к уровню 2016 г.). Увеличили объем перевалки грузов операторы морских терминалов порта Новороссийска до 147,4 млн т (+12,2%), Туапсе — до 26,6 млн т (+5,6%), Кавказа — до 35,3 млн т (+6,3%). Грузооборот морских портов России в целом при этом в 2017 г. увеличился на 9,0% — 786,97 млн т.

Обращаясь к данным о внешней торговле регионов Юга России в 2014—2017 гг., отметим, что здесь сдвиги обусловлены торговлей со странами не только Причерноморья, но и Европы, Азии и Африки.

Как демонстрирует таблица 5, в 2014 г. территория ЮФО концентрировала 4,1% экспорта РФ и 3,9% импорта. Наиболее существенный их объем формировали Краснодарский край и Волгоградская и Ростовская области (в сумме: 3,9% экспорта РФ и 3,6% импорта).

Таблица 5

**Итоги внешней торговли субъектов РФ в 2014 г.
по месту регистрации участников ВЭД, млн дол. США**

Регион	Экспорт	В % к итогу	Импорт	В % к итогу
ЮФО	20215,5	4,1	11047,6	3,9
Краснодарский край	10200,0	2,0	5288,9	1,8
Астраханская область	994,3	0,2	497,8	0,2
Волгоградская область	4276,1	0,9	1761,6	0,6
Ростовская область	4730,0	1,0	3407,2	1,2
<i>Всего по РФ</i>	497833,7	100,0	286669,1	100,0

Примечание. Указаны регионы с долей более 1% в общем объеме товарооборота РФ.

Составлено по [4].

К 2017 г. регионы Юга несколько нарастили долю отправляемого через их территорию экспорта — до 4,5%, однако сократили долю импорта — до 3,7% (табл. 6), что связано с отмеченным выше значимым сокращением импорта из стран Причерноморья — основных торговых партнеров РФ в регионе.

Таблица 6

**Итоги внешней торговли субъектов РФ в 2017 г.
по месту регистрации участников ВЭД, млн дол. США**

Регион	Экспорт	В % к итогу	Импорт	В % к итогу
ЮФО	16 192,2	4,5	8499,6	3,7
Астраханская область	720,1	0,2	159,6	0,1
Волгоградская область	1551,8	0,4	718,6	0,3
Краснодарский край	7001,0	2,0	4604,6	2,0
Ростовская область	6844,7	1,9	2889,5	1,3
<i>Всего РФ</i>	357 766,8	100,0	227 464,3	100,0

Примечание. Указаны регионы с долей более 1% в общем объеме товарооборота РФ.

Составлено по [4].

Здесь также можно говорить о значимости лишь нескольких регионов, а именно Ростовской области и Краснодарского края, которые принимают основной спектр импортных товаров, поступающих на Юг.

Заключение

В целом следует отметить, что период 2014—2017 гг. стал временем заметных сдвигов во внешней торговле РФ в Причерноморье, где до 2014 г. формировалась существенная доля ее внешнеторгового оборота. Ключевым следствием конфликта с Украиной, Турцией, странами Запада, которые ввели и неоднократно продлевали пакет экономических санкций против РФ, соответственно, падения обменного курса рубля, стало существенное сокращение стоимостных показателей экспорта и импорта РФ в обмене со странами Причерноморья. Причем, если снижение совокупной суммы экспорта в страны Причерноморья не сопровождалось изменением доли региона

в структуре направлений экспорта России, значимое падение доли импорта в страны Причерноморья напрямую связано с долгосрочным ухудшением торгового взаимодействия РФ с основными торговыми партнерами в регионе. При этом физический грузооборот морских портов Азово-Черноморского бассейна в 2014—2017 гг. вырос на 29 %, что объясняется их функцией обеспечения обменов не только со странами Причерноморья. Кроме того, свою роль здесь сыграло существенное увеличение поставок Россией продовольствия на мировой рынок, преимущественно за пределы Черноморского региона (так, экспорт зерна из РФ в 2017 г. достиг рекордных 43 млн т, а в 2018 г. ожидается, согласно прогнозу Минсельхоза, 45—47 млн т, тогда как в 2014 г. этот показатель составлял 30 млн т). Это согласуется и с ростом доли регионов Юга России в экспорте РФ, хотя доля импорта, принимаемая Югом России, сократилась, что, как можно предполагать, стало следствием именно ухудшения условий торговли в Причерноморском регионе.

Перспективы восстановления товарооборота здесь связаны прежде всего с геополитическим урегулированием конфликтов России и Украины. Вместе с тем Юг России продолжит иметь ключевое значение как внешнеторговая магистраль России, в том числе в силу сохранения большой роли его портов для внешней торговли страны в целом.

Список литературы

1. *Генч С.* Отношения между ГУАМ и Турцией // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3—4.
2. *Юго-Восточная Европа: между прошлым и будущим = South-Eastern Europe: between the past and the future / под ред. А. А. Язьковой.* М., 2013.
3. *Всемирный банк* : [сайт]. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 01.06.2018).
4. *Федеральная таможенная служба.* URL: <http://www.customs.ru/> (дата обращения: 01.06.2018).
5. *United nations conference on trade and development.* URL: <http://unctad.org/en/Pages/Home.aspx> (дата обращения: 01.06.2018).

Об авторе

Гонтарь Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: passat01@mail.ru

The author

Dr Nikolay V. Gontar, Leading Research Fellow, Southern Federal University, Russia.

E-mail: passat01@mail.ru

В. Н. Федорко¹

¹ Ташкент, Республика Узбекистан

ПРОЦЕССЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЙ ЭТАП

Рассматриваются географические предпосылки трансграничного взаимодействия государств Центральной Азии, основные проблемы их реализации на практике, а также положительные сдвиги в соответствующих региональных процессах, наметившиеся за последние два года. Показаны перспективные направления взаимовыгодного трансграничного сотрудничества стран региона.

The article examines the geographic prerequisites of the transboundary interaction of the Central Asian states, the main problems of their implementation as well as positive shifts in the relevant regional processes that have taken shape over the past two years. The author demonstrates the prospects of mutually beneficial cross-border cooperation between the countries of the region.

Ключевые слова: Центральная Азия, трансграничное сотрудничество, водно-энергетические ресурсы, единая энергосистема, дорожно-транспортная инфраструктура, трансграничный туризм.

Keywords: Central Asia, transboundary interaction, water and energy resources, unified energy system, road and transport infrastructure, transboundary tourism.

В пределах бывшего СССР границы между республиками, как известно, носили формальный характер, а между порубежными регионами соседних республик, как правило, устанавливались тесные социально-экономические связи, налаживалась интеграция производства, инфраструктуры и систем рас-

селения, происходили интенсивные маятниковые миграции, на основе которых протекало формирование межреспубликанских урбанизированных ареалов. Распад Союза, возникновение независимых государств, разделенных уже не формальными границами, а нередко и визовым режимом, значительно ослабили бывшие тесные связи в рамках межреспубликанских регионов, ставших в новых политико-географических условиях трансграничными территориями. Эти обстоятельства вызвали необходимость поиска оптимальных вариантов межгосударственного трансграничного сотрудничества с учетом насущных интересов каждой из сторон в целях получения суммарного положительного эффекта.

Центральная Азия представляет собой крупный регион на постсоветском пространстве, страны которого слиты в единое географическое пространство многообразными связями естественно-экологического, природно-ресурсного, социально-экономического, военно-политического и культурно-гуманитарного порядка. При этом Республика Узбекистан занимает узловое, срединное экономико-географическое и геополитическое положение в регионе, имея протяженные участки государственной границы со всеми другими странами Центральной Азии, а также с Афганистаном, который исторически и географически сопряжен со своими северными соседями. Для Узбекистана вопросы трансграничного взаимодействия с прилегающими регионами сопредельных стран имеют большое значение как источник потенциально мощного импульса интенсивного развития не только самих порубежных районов, но и всей национальной экономики.

Следует отметить, что приграничное и трансграничное сотрудничество в Центральной Азии имеет давние традиции. Этому способствовало общее в недавнем прошлом хозяйственно-инфраструктурное пространство Среднеазиатского экономического района бывшего Союза. В рамках единой транспортной, энергетической, ирригационной и расселенческой системы в странах региона интенсивно протекали процессы эффективного сотрудничества по совместному исполь-

зованию природных и трудовых ресурсов, производственной и социальной инфраструктуры, хозяйственной кооперации, сложилась система пространственного разделения труда главным образом между равнинными и предгорно-горными районами. Контрастность природно-хозяйственных условий равнин и горно-предгорных территорий создает многообразные предпосылки для территориального разделения труда между ними, для взаимодополняющей специализации экономики приграничных районов. Освоение рынков приграничных территорий соседних стран при этом открывает возможности для роста доходов предпринимателей. Перспективным и весьма выгодным представляется также развитие трансграничного туризма на базе использования общих рекреационно-туристских ресурсов.

Объективными географическими предпосылками пространственной интеграции регионов сопредельных стран Центральной Азии в рамках целостных трансграничных образований выступают:

1) общие водные ресурсы и единство ирригационной инфраструктуры (каналов, водохранилищ, коллекторно-дренажной сети);

2) единство дорожно-транспортных коммуникаций (железные и автомобильные дороги, трубопроводы);

3) целостность геоэкологического пространства, которая обеспечивается потоками вещества и энергии в бассейновых геосистемах, разделенных политико-административными границами;

4) контрастность природно-хозяйственных условий, формирующая предпосылки для территориального разделения труда в пределах трансграничных регионов, их взаимодополняющей специализации;

5) сочетание рекреационно-туристских ресурсов, использование которых может превратить некоторые районы Центральной Азии в крупные ареалы трансграничного международного туризма.

Можно выделить ряд крупных потенциально интеграционных регионов Узбекистана и сопредельных стран, которые обладают наиболее значительным потенциалом взаимовыгодного приграничного и трансграничного сотрудничества по широкому кругу направлений:

1) Ферганский, включающий Ферганскую, Андижанскую и Наманганскую (без Ахангаранского плато) области Узбекистана, Ошскую (без Алайской долины), Джалалабадскую и Баткенскую области Кыргызской Республики и Согдийскую область Таджикистана (без долины Горного Зарафшана, или Кухистана);

2) Среднесырдарьинский в составе Ташкентской, Сырдарьинской и северо-восточной (Голодностепской) части Джизакской области Узбекистана, северо-западной части Согдийской области Таджикистана, Келесской долины, Угамской долины и Мактааральского района Южно-Казахстанской области Казахстана, а также Чаткальской долины Кыргызской Республики;

3) Зарафшанский, наиболее тесно взаимодействующие пространственные элементы которого формируют Самаркандский и Каттакурганский оазисы Самаркандской области и долина Горного Зарафшана на территории Таджикистана;

4) Среднеамударьинский, включающий Бухара-Каракульский оазис и Каршинскую группу районов Узбекистана, а также прилегающие территории Лебапского ваята (в прежние годы — Чарджоуской области) Туркменистана, важнейшим интеграционным фактором которого выступает ирригационная инфраструктура (Аму-Бухарский и Каршинский машинные каналы, начинающиеся в пределах Туркменистана);

5) Нижнеамударьинский, образованный Хорезмской областью, приамударьинскими территориями Республики Каракалпакстан и соседнего Дашогузского ваята Туркменистана;

6) Верхнеамударьинский, потенциально способный интегрировать Сурхандарьинскую область Узбекистана, Гиссарскую долину и Хатлонскую область Таджикистана, восточные районы Лебапского ваята Туркменистана (Керкинская и Гаурдакская группа районов), а также Северный Афганистан.

Трансграничные регионы Узбекистана и сопредельных стран характеризуются количественными и качественными особенностями историко-географических условий, потенциальных возможностей и актуальных проблем межгосударственного сотрудничества, что является следствием объективных особенностей их географического положения по отношению к важнейшим линиям, центрам и ареалам социально-экономического развития Центральной Азии в целом, а также местных физико-географических, хозяйственных, социокультурных и геоэкологических факторов.

Среди важнейших направлений экономической интеграции трансграничных региональных структур центральноазиатских государств выделяются:

— рациональное, согласованное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек в разрезе иерархической совокупности гидрографических бассейнов от макро-региона Аральского бассейна до бассейнов малых водотоков;

— объединение и взаимная адаптация энергетических систем стран региона на основе рационального использования топливных и гидроэнергетических ресурсов;

— совместная эксплуатация общей дорожно-транспортной инфраструктуры (железнодорожных и автомобильных магистралей, трубопроводов);

— сотрудничество в сфере международной транзитной торговли, партнерство в использовании и развитии логистических центров;

— формирование межгосударственного и межрайонного разделения труда, особенно в аграрно-промышленном комплексе на основе эффективного использования контрастов агроприродных условий равнинных и горных территорий;

— совместное использование пустынных и горных пастбищ в отгонном животноводстве;

— интенсификация приграничного и трансграничного туризма, ориентированного как на внешний, так и на внутренний рынок.

В числе наиболее значимых социальных векторов приграничной и трансграничной интеграции в регионе нами особо выделяются:

— локальные трудовые миграции, прежде всего в зоне притяжения крупных городов на территории сопредельных стран, пространственное расширение хинтерланда последних;

— использование здравоохранительных и курортно-рекреационных услуг на территории соседних государств;

— партнерство в сфере образования и подготовки профессиональных кадров, особенно в технической, естественно-научной, медицинской и экологической сфере в рамках среднего специального и высшего образования, способствование дальнейшему развитию многоязычного школьного обучения в полиэтнических районах;

— поддержка семейно-родственных и иных контактов социально-гуманитарного характера между гражданами стран региона;

— паломничество к святым местам на территории прилегающих районов порубежных государств;

— международные научно-исследовательские экспедиции, что имеет неопределимое значение для дальнейшего развития географических исследований в Центральноазиатском регионе.

Можно выделить и другие направления межгосударственного трансграничного сотрудничества в странах Центральной Азии, например многообразные цели и задачи военно-политического (борьба с терроризмом, наркоторговлей, торговлей людьми) и экологического (мониторинг природной среды, международные эколого-географические экспертизы производственно-технических проектов) характера.

Однако новые социально-экономические и геополитические условия постсоветского периода, объективные трудности, порожденные кризисом прежней социально-экономической системы и распадом территориально-хозяйственных связей, так же, как и в других частях бывшего Союза, отрицательно сказались на интеграционных процессах в регионе. Эти социально-экономические процессы по большому счету пришлось

строить заново, на принципиально иной основе. При этом перестройка принципов трансграничного сотрудничества между государствами Центральной Азии в новых геополитических обстоятельствах происходила весьма непросто. Барьерная функция государственных границ в регионе зачастую стала проявляться в большей мере, чем контактная и даже транзитная функции.

Проблемы трансграничного сотрудничества в Центральной Азии многогранны. В качестве наиболее актуальных можно выделить следующие:

— нерациональное и несогласованное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек, выраженное в отсутствии взаимной увязки режимов энергетического водопользования и оросительного водопотребления между верховьями (территория Кыргызской Республики и Таджикистана) и низовьями рек (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан), а также недостаточной модернизации общей ирригационной инфраструктуры: каналов, водохранилищ, коллекторно-дренажной сети;

— нестабильное функционирование единой транспортно-коммуникационной инфраструктуры, особенно железных дорог, в наибольшей степени утративших свой транспортно-экономический потенциал в порубежных районах стран региона;

— дезинтеграция регионально-хозяйственных систем, значительное ослабление территориально-производственных связей и торгово-экономических контактов, постепенное разрушение формировавшейся в течение длительного времени системы внутрирегионального разделения труда;

— трудности во внешних связях эксклавных территорий Ферганской долины, в особенной степени ощущающиеся в сравнительно крупных эксклавах Узбекистана Сох и Шахмардан, окруженных территорией Кыргызской Республики;

— отсутствие скоординированной борьбы пограничных государств с природными стихийными бедствиями, в первую очередь паводками и селями;

— трансграничное загрязнение поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха;

— слабое использование богатого потенциала развития трансграничного туризма.

Между тем за последние два года (с конца 2016 г.) в Центральной Азии наметились отчетливые положительные сдвиги в налаживании взаимовыгодного трансграничного сотрудничества, определенный прогресс в решении накопившихся в данной сфере проблем. Эти обстоятельства обусловлены главным образом конструктивными и прагматичными геополитическими и внешнеэкономическими инициативами нового руководства Узбекистана во главе с президентом республики Ш. М. Мирзиёевым. Целый ряд государственных визитов главы Узбекистана в соседние страны, совершенных за сравнительно короткое время, в частности первые за многие годы официальные визиты в Кыргызстан и Таджикистан (отношения Ташкента и Душанбе были особенно напряженными в 2010—2016 гг.), показал твердую заинтересованность и политическую волю нового руководства страны в налаживании конструктивных взаимоотношений с соседними государствами. Вкратце рассмотрим важнейшие на сегодняшний день направления «перезагрузки» трансграничного взаимодействия стран Центральной Азии, протекающей в ходе реализации обновленной внешнеполитической стратегии Узбекистана.

В первую очередь считаем целесообразным отметить очевидный прогресс в межгосударственном сотрудничестве в транспортной сфере. В странах Центральной Азии в постсоветский период приоритетное внимание уделялось укреплению транспортной целостности национальных железнодорожных сетей путем строительства новых путей в сложных горных и пустынных природно-хозяйственных условиях, тогда как использование давно существующих трансграничных магистралей, проходящих в удобных и более безопасных равнинных условиях, стало минимизироваться. Так, например, вследствие ввода в эксплуатацию в Туркменистане Транскара-

кумской железной дороги, соединившей Ашгабат и Дашогуз, и строительства в Узбекистане железной дороги Учкудук — Мискин — Нукус трансграничные железнодорожные магистрали Туркменабат — Кунград и Ургенч — Дашогуз практически перестали использоваться. Открытие в 2014 г. железнодорожного коридора Казахстан — Туркменистан — Иран в Прикаспийской зоне и вовсе минимизировало некогда стратегически важный транспортно-географический потенциал железных дорог, связывающих Туркменистан и Узбекистан.

Коренной «перекройке» подвергся транспортно-географический каркас юга Центральной Азии за счет прекращения железнодорожного сообщения по направлению Термез — Курган — Тюбе (с 2018 г. — Бохтар) и строительства железной дороги Ташгузар — Байсун — Кумкурган, соединившей соседствующие Кашкадарьинскую и Сурхандарьинскую области Узбекистана. Последнее привело к тому, что магистраль Термез — Керки — Карши, соединяющая Сурхандарьинскую и Кашкадарьинскую области через территорию соседнего Туркменистана, стала использоваться только для прохода поездов Душанбе — Москва.

В Ферганской долине, расположенной в пределах трех государств — Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, из-за ухудшения трансграничного железнодорожного сообщения осложнилось экономико-географическое положение многих городов и промышленно-транспортных узлов и пунктов во всех (киргизской, узбекской, таджикской) частях региона. При этом заметную трансформацию в транспортно-географическую систему Ферганской долины внесло открытие сообщения по железной дороге Ангрэн — Пап, непосредственно связавшей Ташкентскую область с Ферганской долиной.

Однако в самое последнее время были реализованы многие значимые шаги на пути укрепления взаимной интеграции транспортно-коммуникационных систем сопредельных государств региона. В частности, накануне государственного визита президента Узбекистана Ш. М. Мирзиёева в Таджикистан в марте 2018 г. была полностью восстановлена железная дорога

Галаба — Амузанг, соединяющая Хатлонскую область Таджикистана с Сурхандарьинской областью Узбекистана. Это способствует улучшению экономико-географического положения Хатлонской области Таджикистана, в частности ее крупнейших городов Бохтара и Куляба, усиливает транзитный потенциал Сурхандарьинской области, которая относительно основной части Узбекистана занимает периферийное экономико-географическое положение, способствует интенсификации торгово-транспортных отношений между соседними странами. Открыта автомобильная магистраль Пенджикент — Самарканд, связывающая долину горного Зарафшана (Таджикистан) с густонаселенным Самаркандским оазисом Узбекистана. Было восстановлено авиасообщение между Ташкентом и Душанбе, прекращенное на заре постсоветского периода, в 1992 г. Восстановление транспортных коммуникаций, открытие более десяти КПП на узбекско-таджикской границе на фоне отмены визового режима между Узбекистаном и Таджикистаном способствовали росту товарооборота между ними более чем в 10 раз и многократному увеличению трансграничных туристских потоков.

Большие сдвиги произошли в транспортном сообщении между Узбекистаном и Кыргызстаном. Так, в Ферганской долине было налажено регулярное автобусное сообщение эксклавов Сох и Шахимардан с основной частью Ферганской области, запущены автобусные маршруты Ош — Андижан и Ош — Фергана, открыт для движения автомобильного транспорта ряд КПП по периметру узбекско-киргизской границы в регионе. Эти меры в совокупности с послаблением визового режима привели к интенсификации торговых и миграционных связей порубежных районов узбекской и киргизской частей Ферганской долины. Также было открыто авиасообщение между Ташкентом и Ошем, пущен железнодорожный маршрут Ташкент — Балыкчи, связавший столицу Узбекистана с побережьем Иссык-Куля, являющимся одной из крупнейших туристско-рекреационных зон во всей Центральной Азии.

Вторым магистральным направлением «перезагрузки» интеграционных процессов в регионе стала интенсификация сотрудничества в энергетической и водохозяйственной сферах, тесно связанных в технологическом и экономическом отношениях. В силу особенностей природно-ресурсного потенциала горных и равнинных территорий Центральной Азии электроэнергетика Кыргызстана и Таджикистана базируется на ГЭС, а в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане электроэнергия вырабатывается преимущественно на ТЭС. В прошлом энергоснабжение Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Южно-Казахстанской (ныне — Туркестанской) области Казахстана осуществлялось в рамках единой энергосистемы Средней Азии и Южного Казахстана. При этом в летний период основная нагрузка падала на ГЭС Таджикистана и Кыргызстана, за счет чего равнинные оазисы соседних республик получали в поливной сезон достаточное количество воды, сбрасываемой из горных водохранилищ. В зимние месяцы основная роль в энергоснабжении региона переходила к ТЭС Узбекистана и Туркменистана, тогда как ГЭС горных республик региона работали на минимальном уровне. Благодаря такой энергосистеме во всех частях региона был достаточный уровень энергообеспеченности в течение года, а в сезон активного орошения полей равнинные и межгорно-котловинные оазисы не испытывали дефицита в водоснабжении. Кроме того, Таджикистан и Кыргызстан снабжали природным газом из Узбекистана.

В постсоветский период, в новых геополитических условиях по мере роста политико-экономических противоречий между горными и равнинными странами региона единая энергосистема Средней Азии и Южного Казахстана постепенно прекратила функционировать, а поставки газа из Узбекистана в Кыргызстан и Таджикистан по льготным ценам были прекращены. Это привело к тому, что такие крупные водохранилища с многолетним регулированием стока, как Токтогульское на Нарыне, Кайраккумское (ныне — Бахри Таджик, то есть Таджикское море) на Сырдарье, Нурекское на Вахше стали

эксплуатироваться Кыргызстаном и Таджикистаном преимущественно в энергетическом режиме, то есть с максимальными попусками воды в зимние месяцы, когда потребности в электроэнергии достигают максимума. При этом в летние месяцы сброс воды из этих водохранилищ резко сократился, что стало приводить к дефициту поливной воды в районах интенсивного орошаемого земледелия в жаркий и засушливый летний период. Ввод в строй Таджикистаном Сангтудинского каскада ГЭС, планы властей соседних Таджикистана и Кыргызстана по ускорению строительства Рогунской ГЭС на Вахше и каскада Камбаратинских ГЭС на Нарыне привели к обострению противоречий в узбекско-таджикских и узбекско-киргизских взаимоотношениях, интенсивность и продуктивность которых снизилась в первой половине текущего десятилетия до минимального уровня.

Однако на настоящем этапе, характеризуемом конструктивной перестройкой внешних связей Узбекистана с Таджикистаном и Кыргызстаном, наметилась тенденция к восстановлению прагматического межгосударственного партнерства в топливно-энергетической и водохозяйственной сферах. В частности, по достигнутой между Узбекистаном и Кыргызстаном договоренности с июня 2017 г. до начала 2018 г. из Кыргызстана в пограничные районы Ферганской долины Узбекистана было поставлено 1,25 млрд киловатт-часов электроэнергии, выработанной на Токтогульской ГЭС [2]. Поставки электроэнергии из Кыргызстана в Узбекистан продолжают осуществляться и в 2018 г. Это не только способствует улучшению энергоснабжения приграничных предгорно-горных районов Ферганской долины, для которых характерен дефицит электроэнергии, особенно в зимний период, но и обеспечивает устойчивость попусков воды ниже Токтогульского водохранилища, что имеет огромное значение для ирригационных систем Ферганской долины.

После нескольких лет перерыва в начале апреля 2018 г. Таджикистан возобновил поставки электроэнергии в Сурхандарьинскую область Узбекистана, а Узбекистан вновь стал по-

ставлять в соседнюю республику природный газ по сниженной цене, основным потребителем которого является стратегически важное для Таджикистана промышленное предприятие — Таджикский алюминиевый завод в городе Турсунзаде. Таджикистан на основании достигнутых межгосударственных договоренностей поставит в южные районы Узбекистана до конца 2018 г. 1,5 млрд киловатт-часов электроэнергии [1].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что не только в транспортно-коммуникационной, но и в топливно-энергетической и ирригационной сферах постепенно восстанавливаются механизмы конструктивного трансграничного партнерства стран Центральной Азии. Это имеет немаловажное значение для экспортоориентированного развития гидроэнергетики Таджикистана и Кыргызстана в перспективе, для улучшения энерго- и водоснабжения приграничных районов Узбекистана, роста их промышленного и аграрного потенциала. В конечном итоге соответствующие совместные действия стран региона укрепляют основы трансграничного взаимодействия между ними, узловыми аспектами которого являются именно транспортный, водный и энергетический вопросы.

Отрадно, что наметившиеся положительные тренды в межгосударственном сотрудничестве стран Центральной Азии закрепляются на самом высоком политическом уровне. Свидетельством этому является принятая 24 июня 2018 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе», проект которой был разработан Узбекистаном и соседними странами Центральной Азии, преимущественно по инициативе узбекской стороны. В частности, в этой резолюции подчеркивается важность развития двустороннего и многостороннего сотрудничества в области укрепления безопасности, рационального и комплексного использования водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии, смягчения экологических и социально-экономических последствий высыхания Аральского моря, создания современной транспортной и

транзитной системы в регионе. В этом контексте в рассматриваемом документе приветствуется формирование, при ведущей инициативе президента Узбекистана Ш. Мирзиёева, такой площадки для обсуждения и продвижения перспективных региональных и международных инициатив, как саммит глав государств Центральной Азии, первый из которых успешно прошел 15 марта 2018 г. в Астане.

В целом нам представляется обоснованным утверждать, что наблюдаемое ныне возрождение богатого опыта эффективного многопланового сотрудничества между государствами Центральной Азии, происходящее во многом на базе конструктивных и прагматичных внешнеполитических инициатив нового руководства Республики Узбекистан, знаменует новый этап развития процессов, систем и механизмов трансграничного взаимодействия в регионе.

Список литературы

1. *Спустя* шесть лет: Узбекистан возобновил поставки газа в Таджикистан. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/main/20180408/1025244645/uzbekistan-nachal-postavki-gaza-tadjikistan.html> (дата обращения: 01.07.2018).

2. *Экспорт* электричества и сбросы воды на Токтогулке — не пожалеем ли зимой? URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20170717/1034320232/eksport-elektroenergii-i-sbrosy-vody-na-toktogulke-ne-pozhaleyem-li-zimoy.html> (дата обращения: 01.07.2018).

Об авторе

Федорко Виктор Николаевич, доктор философии (PhD) по географическим наукам, Ташкент, Республика Узбекистан.

E-mail: viktor-f89@mail.ru

The author

Dr Viktor N. Fedorko, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

E-mail: viktor-f89@mail.ru

Д. А. Вольхин¹

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым, Россия)

**ИНФОРМАЦИОННО-ИМИДЖЕВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ВДОЛЬ ЗАПАДНОГО ПОГРАНИЧЬЯ РОССИИ**

Приведены результаты географического исследования информационно-имиджевой составляющей приграничного сотрудничества вдоль западной границы России и выявлена региональная специфика этого явления. Выявленные особенности информационно-имиджевой составляющей трансграничного сотрудничества вдоль западного пограничья России во многом коррелируют с функциями западных границ России. В информационном пространстве приграничных субъектов РФ проявлены трансформационные процессы в сфере их трансграничного сотрудничества с западными иностранными соседями, которые происходят в рамках общего тренда внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности России в условиях современной геополитической турбулентности.

This paper gives an overview of the results of a geographical survey of the information and image component of cross-border cooperation of Russia's western regions. The author aims to show the regional specificity of cross-border cooperation and reveals the main features of the information and image component of cross-border cooperation along the western border of Russia. In many respects, the identified characteristics correlate with the functions of the western borders of Russia. The information space of the border regions of the Russian Federation reflects all transformation processes in cross-border cooperation with western foreign neighbours thus following the general trend of Russia's foreign economic and foreign policy given the current geopolitical turbulence.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, информационное пространство, имидж, приграничные регионы России.

Keywords: cross-border cooperation, information space, image, border regions of Russia.

Введение

Трансграничное взаимодействие приграничных регионов — явление многоаспектное: оно имеет геополитическую, геоэкономическую, социокультурную и другие проекции. В современном информационном обществе важным элементом трансграничного сотрудничества территорий стала информационно-имиджевая составляющая — проявленность и позиционирование этого процесса в информационной сфере. Инфосфера в данном контексте выполняет важные коммуникативные функции: она связывает различные территории информационными потоками, многие операции трансграничного сотрудничества вынесены в виртуальную информационную среду, что позволяет экономить время и капитал. Информационное взаимодействие приграничных территорий государства может выступать альтернативой или единственным способом обеспечения их связей с изолированными, закрытыми, враждебными и другими территориями соседних стран, границы которых имеют барьерный характер.

Средства массовой информации как наиболее динамичная и влиятельная часть инфосферы могут выступать маркерами трансграничных связей, их количественных и качественных характеристик, которые сложно идентифицировать в официальных статистических данных. С одной стороны, информационная проявленность позитивных экономических, политических и культурных связей между приграничными регионами различных стран является благоприятным фактором, информационно-имиджевой основой развития трансграничного сотрудничества. С другой — СМИ способны выступать резонаторами конфликтных ситуаций в приграничных районах, что может оказывать негативное влияние на систему трансграничных отношений с соседними государствами.

Трансграничное сотрудничество регионов западного приграничья России с регионами соседних государств испытывает трансформацию в условиях современной геополитической тур-

булентности [1], что находит свое отражение в региональном, национальном и международном информационных пространствах. В этой связи уточнение и географическая интерпретация степени и типологических особенностей информационной проявленности трансграничного взаимодействия вдоль Западного пограничья России является актуальной научной проблемой.

Методика исследования

В качестве методической основы выбраны разработки зарубежных и отечественных ученых по исследованию совместного упоминания территорий в различных источниках массовой информации: Д. Брунна [2], И. Самсона и Т. Маматова [3], Н. Ю. Замятиной и К. М. Арутюняна [4].

Для уточнения информационно-имиджевой составляющей трансграничного взаимодействия вдоль Западного пограничья России был осуществлен анализ совместных упоминаний приграничных субъектов РФ и соседних государств в текстах ведущих информационных агентств Мурманской области, Республики Карелии, Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга, Псковской, Калининградской, Смоленской, Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской областей и Республики Крым, всего 12 информагентств. Для анализа были выбраны региональные информационные агентства, обладающие наивысшей позицией в рейтингах по числу пользователей, которые регулярно составляет компания «Медialogия» [5]. Каждая статья информационного агентства, содержащая упоминание о трансграничном взаимодействии приграничных субъектов России с государствами-соседями, подвергалась контент-анализу. В результате была создана база данных об информационной проявленности изучаемых связей, в которой содержалась следующая атрибутивная информация: временная привязка сообщения, географическая привязка события (субъект РФ — государство-сосед), тематика сообщения как маркер отрасли взаимодействия («политика», «экономика», «граница и миграция», «образование, наука, технологии»,

«культура, спорт» и «другое»), контекст события (нейтральный, проблемный, конструктивный). Временными рамками исследования послужил период 2014—2017 гг., поскольку в 2014 г. усилился процесс реформирования транснациональных, трансграничных связей России со странами Запада [6].

В ходе географической интерпретации полученных данных были выделены типы государств-соседей по информационной проявленности трансграничного взаимодействия вдоль Западного пограничья России в 2014—2017 гг. Типологическими признаками были выбраны следующие характеристики: степень информационной востребованности трансграничного сотрудничества в анализируемых информационных агентствах (низкая, средняя, высокая), степень доминирования тематики сообщений (без доминирования, доминирование нескольких тематик или одной тематики), динамика и контекст сообщений.

Трансграничное взаимодействие вдоль Западного пограничья России в «зеркале» региональных СМИ

С 2014 по 2017 г. на страницах ведущих региональных информационных агентств субъектов Западного приграничья России было выявлено более 5,5 тыс. сообщений об их различных трансграничных связях с территориями соседних государств. В среднем за месяц на сайтах двенадцати информгентств (ИА) сообщалось о 100 различных контактах жителей или организаций приграничных регионов России с иностранными соседями, что в несколько раз превышает аналогичные показатели для внутренних регионов страны. Таким образом, специфика географического положения и стратегическое значение трансграничного сотрудничества для приграничных субъектов РФ отражены в контенте их информационного пространства.

В динамике числа выделенных сообщений наметился отрицательный тренд практически для всех западных приграничных субъектов России. Количество сообщений трансгра-

ничной тематики в 2017 г. (1036) составило лишь 61 % от аналогичного показателя в 2014 г. (1704), что указывает на снижение информационной востребованности в региональных СМИ трансграничного сотрудничества изучаемых территорий.

Среди всех видов трансграничного взаимодействия вдоль западного побережья России наибольшей степенью информационной проявленности характеризовались события, происходящие на государственных границах: перемещение людей, товаров, режим границ, таможенное дело и др. За исследуемый четырехлетний период удельный вес таких сообщений в новостном контенте ИА о трансграничном взаимодействии западных приграничных субъектов РФ составил 36,7%, с максимальной отметкой в 2015 г. (40,1%) и минимальной — в 2017-м (28,9%). Наиболее резонансными событиями, о которых региональные ИА чаще всего сообщали в новостях, стали незаконное пересечение государственной границы (нелегальная миграция, контрабанда товаров), изменение таможенного режима (например, отмена режима местного приграничного перемещения (МПП)), сезонные увеличения миграционных потоков (туристских, трудовых и пр.), поток беженцев, контакты по совместному регулированию государственной границы, военные учения у государственных границ со стороны стран НАТО и России и некоторые другие.

Следующими важными направлениями трансграничного взаимодействия, которые были проявлены в информационном пространстве приграничных регионов РФ, стали политика (20% всех сообщений), культура и спорт (18%). Среди политических событий, получивших наибольшую информационную поддержку, можно выделить зарубежные визиты представителей власти и изменения во внешнеполитических ориентирах государств-соседей. Участие жителей приграничных регионов России и государств-соседей в различных культурных и спортивных мероприятиях, особенно организованных совместными усилиями, также находилось в фокусе внимания ИА, причем до 2014 г. эта сторона трансграничного сотрудни-

чества лидировала по информационной востребованности в СМИ. На фоне этого сотрудничество в области экономики, образования, науки и техники получило относительно слабое отражение в региональном информационном пространстве — не более 17 % всех анализируемых сообщений для каждой тематической категории.

В целом в информационном пространстве западных приграничных субъектов РФ за период 2014—2017 гг. по сравнению с предыдущими годами произошла перестройка риторики и контекста сообщений о трансграничных контактах с соседними государствами в сторону доминирования проблемных имиджевых конструкторов. Данная трансформация корреспондирует с геополитическими и геоэкономическими изменениями, негативные эффекты которых в наибольшей степени отразились на пространстве Западного пограничья России.

Региональная специфика информационной проявленности трансграничного сотрудничества вдоль Западного пограничья России

Несмотря на существование общих трендов в информационной проявленности трансграничного сотрудничества вдоль Западного пограничья России, каждый приграничный субъект РФ и соседние государства имеют свою специфику изучаемого явления, его количественных и качественных параметров.

По степени информационной востребованности трансграничного сотрудничества вдоль Западного пограничья России в ведущих региональных ИА приграничные субъекты можно разделить на три группы (рис.):

— *регионы с высоким значением показателя*: Республика Крым, Псковская и Калининградская области;

— *регионы со средним значением показателя*: Республика Карелия, Брянская, Мурманская, Ростовская области, Ленинградская область с г. Санкт-Петербургом;

— *регионы с низким значением показателя*: Белгородская, Воронежская, Курская и Смоленская области.

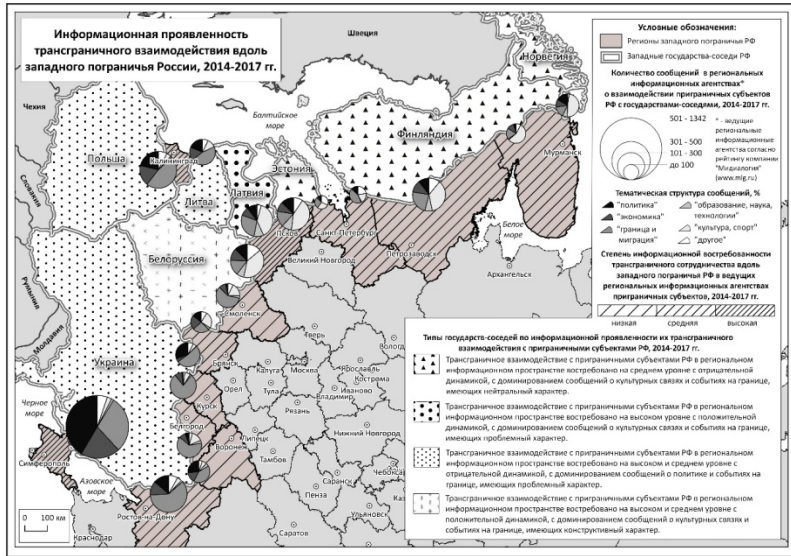

Рис. Информационная проявленность трансграничного взаимодействия вдоль Западного пограничья РФ, 2014—2017 гг.

Составлено автором.

Лидерство Республики Крым (более 1300 сообщений) связано с его геополитическим положением относительно Украины и конфликтным характером крымско-украинской границы [7], которая в 2014 г. трансформировалась из межрегиональной в межстрановую. Отличительной чертой крымско-украинского трансграничного взаимодействия является его проблемный, часто конфликтный характер, абсолютное доминирование политической составляющей и локализация этих отношений в узкой приграничной полосе. Наиболее проявленными контактами Республики Крым и Украины стали транспортная, энергетическая и водная блокады полуострова, введение санк-

ций, подача российского газа с территории Крыма в Генический район Херсонской области Украины, контакты, в том числе военные, в приграничной сухопутной зоне и в акватории Азовского моря.

Псковская область характеризуется наиболее разнообразным новостным контентом о ее трансграничных связях, поскольку среди всех западных приграничных субъектов РФ она имеет наибольшее число зарубежных соседей (Эстония, Латвия и Беларусь). В информационном пространстве ведущего ИА области в большей степени проявлены ее культурные и спортивные контакты с соседними зарубежными территориями на фоне повышенной доли сообщений о событиях на границе. Эти информационные поводы имели различный контекст: в отношениях с Эстонией — чаще нейтральный характер, с Латвией — проблемный и с Беларусью — конструктивный.

Среди важнейших тем о трансграничном сотрудничестве Псковской области в Балтийском регионе на страницах ведущего регионального ИА можно выделить следующие: мероприятия в рамках реализации проекта приграничного сотрудничества «Эстония — Латвия — Россия», инвестиционные бизнес-форумы и совместные программы по природопользованию в районе Чудского озера и межгосударственная мобильность студентов.

Информационная поддержка российско-белорусских отношений в пределах *Псковской и Смоленской областей* заключалась в генерации новостей об упрощении таможенного режима, совместном регулировании внешнеэкономических связей и чрезвычайно разнообразном социокультурном взаимодействии жителей приграничных районов.

В информационном пространстве *Калининградской области* можно обнаружить риторику ведущего ИА о стратегической важности трансграничных контактов области с Польшей и Литвой. В 2014—2017 гг. информационную поддержку получали позитивные и проблемные стороны реализации программ приграничного сотрудничества с соседними государст-

вами. Наиболее резонансными темами в этот период стали ужесточение таможенного режима польско-калининградской границы, прекращение действия программы МПП, резкое снижение внешнеэкономической деятельности в польском и литовском направлениях, а также контрабандный ввоз и вывоз подакцизных товаров (табачных и алкогольных изделий).

Регионы *российско-украинского пограничья* (Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская области) отличаются низкой и средней степенью информационной проявленности их трансграничного взаимодействия. В 2014—2017 гг. из общего числа сообщений о контактах вдоль российско-украинского пограничья на страницах ведущих ИА российских регионов 30—70% сообщений приходилось на новости о событиях, происходящих на границе (прежде всего проблемные ситуации), и миграционных процессах. В фокусе постоянного внимания СМИ этих регионов находились конфликт на Востоке Украины и участие российской стороны в решении возникающих в связи с этим проблем: прием, расселение и трудоустройство беженцев, обеспечение жителей Донецкой и Луганской областей гуманитарной помощью, устранение угроз и последствий вооруженных действий в приграничных районах. Перечисленные явления и события получили максимальную информационную поддержку со стороны ведущего ИА Ростовской области, что подчеркивает «прифронтовое» положение области. Другой информационно проявленной стороной российско-украинских трансграничных контактов стало ужесточение таможенного контроля в отношении ввозимых товаров — регулярные сообщения о задержании запрещенных или несоответствующих требованиям российского законодательства товаров. Таким образом, в региональном информационном пространстве российских регионов преобладали негативные (конфликтные) имиджевые конструкты российско-украинского трансграничного взаимодействия, дополненные информационной поддержкой стремления российской стороны разрешить этот конфликт.

Учет выявленных региональных особенностей позволил составить следующую типологию государств-соседей по информационной проявленности их трансграничного взаимодействия с приграничными субъектами России в 2014—2017 гг. (см. рис.):

— *Норвегия, Финляндия и Эстония* относятся к типу государств, чье трансграничное взаимодействие с приграничными субъектами РФ в региональном информационном пространстве востребовано на среднем уровне с отрицательной динамикой, с доминированием сообщений о культурных связях и событиях на границе, имеющих нейтральный характер;

— *Латвия* относится к типу государств, чье трансграничное взаимодействие с приграничными субъектами РФ в региональном информационном пространстве востребовано на высоком уровне с положительной динамикой, с доминированием сообщений о культурных связях и событиях на границе, имеющих проблемный характер;

— *Литва, Польша, Украина* сгруппированы в тип государств с трансграничным взаимодействием с приграничными субъектами РФ, которое в региональном информационном пространстве востребовано на высоком уровне с отрицательной динамикой, с доминированием сообщений о политике и событиях на границе, имеющих проблемный характер;

— *Беларусь* выделена в тип государств с трансграничным взаимодействием с приграничными субъектами РФ, которое в региональном информационном пространстве востребовано на высоком уровне с положительной динамикой, с доминированием сообщений о культурных связях и событиях на границе, имеющих конструктивный характер.

Выводы

Выявленные особенности информационно-имиджевой составляющей трансграничного сотрудничества вдоль Западного пограничья России во многом коррелируют с функциями за-

падных границ России. В информационном пространстве приграничных субъектов РФ проявлены трансформационные процессы в сфере их трансграничного сотрудничества с западными иностранными соседями, которые происходят в рамках общего тренда внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности России в условиях современной геополитической турбулентности.

С одной стороны, анализируемое информационное поле выступает не только маркером тренда снижения масштабов и сворачивания многих программ трансграничного сотрудничества вдоль Западного российского порубежья, но и резонатором этих проблем. В результате регионы западного пограничья России в информационном пространстве страны имеют противоречивые, часто негативные имиджевые характеристики. С другой стороны, новостной контент ведущих региональных информационных агентств отражает контрасты в пространстве трансграничных связей вдоль Западного пограничья России и транслирует целый комплекс проблем в этой сфере деятельности государства, указывая на необходимость реализации многовекторной внешней политики России по отношению к своим западным соседям.

Решение проблем трансграничного сотрудничества российских регионов необходимо снабдить информационной поддержкой конкурентных преимуществ и возможностей экономического, демографического и военно-силового потенциала приграничных субъектов России. Наибольший эффект даст создание позитивного информационного контента и внедрение его в глобальное и региональные информационные пространства через систему влиятельных транснациональных СМИ, которые необходимо создавать России.

Благодарности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. Осмоловская Л.Г. Типология российских приграничных регионов по степени развития трансграничных связей // Региональные исследования. 2016. № 1 (51). С. 126—135.
2. Brunn S.D., Saad T., House J. The Weakest Links: A Hyperlink Index Map of Country to Country Internet linkages // Foreign Policy. 2002. № 101. November/December.
3. Matatov T., Samson I. Metropolisation and enlargement of European Union: an analysis by the hyperlinks with filters // CREPPEM — ERSА. 2009. P. 16.
4. Замятина Н.Ю., Арутюнян К.М. Взаимосвязи образов стран Европы в прессе (по материалам газет «Таймс» и «Нью-Йорк Таймс») // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2005. № 5. С. 60—65.
5. Рейтинги региональных СМИ России. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения: 20.05.2018).
6. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистенческие эффекты / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2017.
7. Швец А.Б. Изменение функций социокультурных рубежей Крыма // Материалы II международной научно-практической конференции «Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации». Курск, 2015. С. 226—233.

Об авторе

Вольхин Денис Антонович, ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия.

E-mail: lomden@mail.ru

The author

Denis A. Volkhin, Assistant Professor, the Department of Economic and Social Geography and Territorial Management, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia.

E-mail: lomden@mail.ru

В. А. Эфендиев¹, С. К. Нагиев¹, Р. Ю. Гусейинов¹

¹ Бакинский государственный университет (Баку, Азербайджан)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНО-ГРУЗИНСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Приграничные территории Азербайджана с Грузией должны иметь четкое функциональное зонирование, с выделением свободных экономических зон и особо охраняемых природных территорий различного статуса. Функциональное зонирование позволит определить территориальные границы различных видов региональной политики, более рационально использовать площади, учесть интересы национальной безопасности.

The border territories of Azerbaijan with Georgia should have a clear functional zoning. The authors argue that free economic zones and protected nature reserves having a special status should be set up. Functional zoning will make it possible to determine territorial boundaries of the regional development policy, its individual directions and to use border territories of the country more rationally taking into account the interests of national security.

Ключевые слова: демографическая обстановка, естественный прирост, миграция, приграничные территории.

Keywords: demographic situation, natural growth, migration, border areas.

Государственные границы, появившиеся на политической карте в начале 1990-х гг., оказывают все большее влияние на окружающую территорию и населяющих ее жителей. Изменяется географический рисунок расселения, трансформируется

демографическая ситуация. Одним из таких рубежей стала грузинско-азербайджанская граница. В частности, нами исследована полоса, протянувшаяся от стыка границ Грузии и Армении до России (рис. 1).

Рис. 1. Приграничные районы Азербайджана и Грузии

Изучение изменений в географии населения по обе стороны грузинско-азербайджанской границы позволило сравнить наблюдаемые процессы, определить закономерности развития территорий с разными природными и социально-экономическими условиями.

Приграничные районы — стратегически важная часть страны с точки зрения экономического и геополитического потенциала. Кроме ресурсного потенциала, возможно, более важное значение имеет геополитическое положение этих территорий. Сегодня приграничные районы являются форпостом

на северо-западных границах Азербайджана. Геополитические процессы, выраженные противостоянием Грузии и России по поводу территориальной целостности, накаляют и без того сложную обстановку в регионе. Наличие протяженной границы с густонаселенной страной — Грузией, неурегулированный спор с Арменией по поводу Карабаха требуют от азербайджанских властей повышенной готовности к возможным геополитическим вызовам и угрозам.

Данные по естественному движению населения представлены в таблице. В последние годы из-за изменения возрастной структуры населения, а также в результате реализуемых мер по поддержке рождаемости и снижению смертности в приграничных районах в 2017 г. был зафиксирован небольшой положительный естественный прирост.

Распад Советского Союза негативным образом сказался на демографических тенденциях Азербайджана в целом, а в еще большей степени — в его северо-западной части. С 2005—2017 гг. численность населения приграничных районов Азербайджана росла очень медленно, увеличившись на 21,2 тыс. человек. Приграничные районы, наиболее важные с геополитической точки зрения, имеют положительную динамику численности населения, несмотря на то, что в некоторых из них в 2017 г. был зафиксирован низкий положительный естественный прирост.

В данной статье, во-первых, предложено содержание понятий «граница» и «приграничное пространство», адекватное целям работ такого типа. Разработана методика определения глубины этногеографического приграничного пространства, которая апробирована на примере грузинско-азербайджанского приграничья. При этом принимались во внимание исторические особенности освоения и заселения территории, повлиявшие на ее современное состояние. Тем более что следы существования «прошлого» приграничья сохранились до сих пор, иногда проявляя поразительную устойчивость.

**Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста (на 1000 человек)
в приграничных районах Азербайджана с Грузией**

Административная территория	2005				2010				2017			
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Численность населения	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Численность населения	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Численность населения
Актафинской	15,6	8,0	7,6	7,8	18,6	7,7	10,9	81,4	20	7,4	12,6	84,6
Газакский	17,5	8,3	9,2	86,6	19,5	8,5	11,0	90,1	16,3	7,6	9,3	93,7
Товузский	20,1	7,3	12,8	152,1	18,6	7,7	10,9	81,4	20,3	7,4	12,9	168,4
Самухский	14,7	7,2	7,5	54,6	16,7	6,5	10,2	54,6	19,4	7,6	11,8	55,6
Гянджа-Газахский экономический район	16,9	7,7	9,2	371,3	19,1	7,6	10,7	307,5	19,1	7,5	11,6	403,3
Балаянский	13,8	6,7	7,1	87,9	15	6,9	8,1	91,1	14	6,4	10,6	94,9
Гахский	14,8	7,6	7,2	52,5	17,4	8,4	9,0	53,9	16,4	7,9	8,5	55,2
Загатальский	15,2	6,7	8,5	114,4	16,3	6,3	10,0	120,3	17,1	6,4	10,6	94,9
Шеки-Загатальский экономический район	14,6	7,0	7,6	254,8	16,2	7,2	9,0	265,3	15,8	6,7	9,9	245
В целом	15,7	7,3	8,4	626,1	17,6	7,4	9,8	572,8	17,4	7,1	10,7	647,3

Источник. Показатели естественного прироста ГСК за 2005—2017 г.

Можно говорить об этногеографической дифференциации азербайджано-грузинского приграничного пространства.

Во-вторых, выявлены особенности эволюции населенности и заселенности территории азербайджано-грузинского приграничья. По тенденции изменения численности населения проведена группировка населенных пунктов:

— демографические «оазисы», сумевшие не только сохранить, но и увеличить численность населения за весь 20-летний период;

— лидеры ушедшей эпохи, набравшие население до 1989 г., а затем начавшие его терять;

— новые лидеры, которые выдвинулись в эпоху перемен;

— населенные пункты-«аутсайдеры», численность населения которых в течение всего периода снижалась (в том числе населенные пункты, исчезнувшие с карты республики за рассматриваемый период).

В-третьих, определено значение естественного движения в формировании современного населения. Результатом исследования естественного воспроизводства населения азербайджано-грузинского приграничья стало проведение типологии административных районов по этому показателю. Наиболее благоприятная ситуация существует в тех районах, где естественный прирост за рассматриваемый период практически мало изменился. Доля таких районов в азербайджано-грузинском приграничье составляет 46%. Вторым по степени напряженности естественного воспроизводства определен тип, в котором естественный прирост не изменился преимущественно за счет стабильности рождаемости. Таких районов в приграничье 41%. Территория, на которой естественный прирост снизился за счет повышения уровня смертности, включает небольшое количество районов (13%).

В-четвертых, рассмотрена роль миграций в изменении населенности приграничья. Построены и проанализированы карты интенсивности, эффективности и результативности миграций, а также типов траекторий изменения величин сальдо

миграции. Большое разнообразие вариантов было сведено в два основных типа: районы с повышением и районы с понижением сальдо миграции.

В-пятых, определено соотношение основных компонентов изменения численности населения азербайджано-грузинского приграничья. Проведена территориальная дифференциация типов динамики населения городов и сельских административных районов.

В-шестых, в качестве показателя, отражающего основные последствия изменения воспроизводственной ситуации, выбрана трансформация возрастной структуры населения. Выявлены основные типы этой трансформации. Например, в приграничье наиболее распространенным является изменение возрастной структуры населения за счет повышения доли детей и подростков (более 50 % районов). Основной причиной формирования этого типа служит высокая рождаемость.

Повышение доли лиц трудоспособных возрастов характерно для 34 % районов азербайджано-грузинского приграничья. Такая ситуация оценивается как временная, использующая потенциал предшествующего периода демографического благоприятствования.

В-седьмых, определено влияние государственной границы на тенденции расселения в приграничье. В отличие от административной границы, которая, как правило, только формально разделяла земли, государственная граница с момента ее появления становится стержневой линией территории, укрепленной пограничными и таможенными постами.

Отметим все возрастающую роль границы в изменении численности и состава населения окружающей ее территории. В некоторых местах приграничья, особенно там, где границу пересекают крупные дороги и на небольшом удалении от границы расположены города, начинают зарождаться пока еще немногочисленные «точки роста». Поэтому одним из дальнейших направлений исследования является характеристика урбанистического приграничного пространства, представленного пре-

имущественно сельской местностью. Для этого необходимо оценить роль городов разного ранга и профиля, а также необходимость и возможность трансформации их функциональной структуры.

Изучение населенных пунктов, отличающихся более благоприятной демографической ситуацией, можно углубить путем оценки качества населения. В настоящее время возникла возможность повышения качества населения благодаря улучшению здоровья, повышению продолжительности жизни, понижающим явлениям социальной патологии, что сказывается на генетическом фонде нации. В непосредственной близости от государственной границы наблюдается концентрация ареалов с более высокой плотностью населения и их влияние, при благоприятном стечении обстоятельств, может быть распространено на все приграничное пространство. Перспективные направления дальнейшего изучения приграничных территорий связываются с выявлением взаимовлияния и взаимодействия населения и расселения через рассмотрение образа жизни, менталитета, ценностных ориентаций. Таким образом, можно отметить, что азербайджано-грузинское приграничное пространство неоднородно, пока еще слабо обустроено, но в нем постепенно формируются тенденции, превращающие его в важный узел межнационального взаимодействия.

Список литературы

1. *Гаджиев К. С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010. С. 260.
2. *Кристалинский Л. Б.* Пограничное пространство Российской Федерации: связь этнических особенностей регионов с государственной безопасностью // *Власть*. 2014. № 1. С. 12—16.
3. *Нагиев С. К.* Малые и средние города в системе расселения Азербайджана // *Известия Русского географического общества*. 2009. Т. 141, № 3. С. 76—79.
4. *Нагиев С. К.* Региональные особенности территориальной подвижности населения Азербайджана // *Труды ГО Азербайджана*. 2009. Т. 14. С. 230—234.

5. *Эфендиев В. А., Нагиев С. К.* Расселение населения Азербайджана в прибрежных районах Каспийского моря // Народы прикаспийского региона: Диалог культур : матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященные 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста, 2009. С. 94—96.

6. *Эфендиев В. А., Нагиев С. К.* Этногенная безопасность и геополитические интересы Азербайджана в регионе Каспийского моря // Труды ГО Азербайджана. 2010. Т. 14. С. 241—245.

7. *Регионы Азербайджана.* ГСК 2005—2017.

Об авторах

Эфендиев Вусат Амир оглы, заслуженный деятель науки, профессор, доктор географических наук заведующий кафедрой географии Азербайджана и методики преподавания географии, Бакинский государственный университет, Азербайджан.

Нагиев Салех Касум оглы, доцент, кандидат географических наук, Бакинский государственный университет, Азербайджан.

E-mail: naqiyevsaleh@mail.ru; azerbqeo@rambler.ru

Гусейинов Р. Ю., кафедра географии Азербайджана и методики преподавания географии, Бакинский государственный университет, Азербайджан.

The authors

Prof. Efandiyev Vusat Amir oglu, Head of the Department "Geography of Azerbaijan and methods of teaching geography", Baku State University, Azerbaijan.

Dr Salekh Nagiyev Kasum oglu, Associate Professor, Department "Geography of Azerbaijan and methods of teaching geography" Baku State University, Azerbaijan.

E-mail: naqiyevsaleh@mail.ru; azerbqeo@rambler.ru

Guseinov R. Yu., Department "Geography of Azerbaijan and methods of teaching geography" Baku State University, Azerbaijan.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

УДК 911.5/.9

Г. М. Федоров¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Развитие эксклавной Калининградской области сильно зависит от ее внешнеэкономических связей, особенно внешней торговли. Доля области во внешнеторговом обороте России (в частности, в экспорте) намного превышает ее удельный вес в численности населения. Но иностранные инвестиции невелики. Интенсивность и географические направления внешнеэкономических связей имеют высокую волатильность из-за частой реструктуризации экономики, сильно зависящей от изменений внешних факторов. В статье с помощью экономико-статистических методов анализируется развитие внешнеэкономических связей Калининградской области в постсоветский период. Показано, какую роль в их динамике играют изменения внешней среды — экономические кризисы, институциональные изменения (в том числе касающиеся закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области»), политические отношения с соседними странами. Высказаны некоторые мнения о совершенствовании внешнеэкономических связей региона в координации с его экономическим развитием.

The development of the exclave Kaliningrad region is highly dependent on its foreign economic relations, especially foreign trade. The re-

---

© Федоров Г. М., 2018

gion's share in Russia's foreign trade turnover (particularly, in export) exceeds its share in the population. Yet, foreign investment is low. The intensity and geographical directions of foreign economic relations are highly volatile due to the frequent restructuring of the regional economy, which is highly dependent on external factors. Using methods of economic and statistical analyses, the author explores the development of foreign economic relations of the Kaliningrad region in the post-Soviet period. The author argues that changes in the external environment play a role in the dynamics of economic crises, institutional changes (especially those relating to the law "On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region") and the development of political relations with the neighbouring countries. The author offers his opinion on improving the region's foreign economic relations and achieving a higher rate of economic development.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, иностранные инвестиции, внешняя торговля, Калининградская область, Россия.

Keywords: foreign economic relations, foreign investment, foreign trade, Kaliningrad region, Russia.

Введение

Приморское приграничное географическое положение Калининградской области предполагает активную внешнеэкономическую деятельность. Однако ее сдерживает эксклавность, территориальная изолированность области от других регионов страны. Действие этого фактора ослабевает при благоприятных политических отношениях с соседними странами и усиливается при их свертывании.

Динамика внешнеэкономической деятельности региона в более остром виде отражает проблемы, с которыми сталкиваются многие субъекты Российской Федерации, особенно расположенные в Западном порубежье России. Они требуют детального изучения. Сравнительно активно исследуются по отдельности прямые иностранные инвестиции (в том числе в

рамках инвестиционной деятельности в целом) [4; 6; 11; 13; 17] и внешняя торговля [2; 3] Калининградской области, но однозначная оценка их состояния и перспектив отсутствует.

В данной статье рассматриваются уровень и динамика иностранных инвестиций и внешней торговли Калининградской области в постсоветский период. Их ретроспективный экономико-статистический анализ и оценка современного состояния, на наш взгляд, могут быть полезны при совершенствовании стратегии социально-экономического развития региона и осуществлении федеральной политики по отношению к Калининградской области, а также, в определенной степени, к другим приграничным регионам на Западе России.

Иностранные инвестиции

Несмотря на территориальную близость экономически развитых стран и непосредственное соседство государств — членов Европейского союза, а также большое количество хозяйствующих субъектов, находящихся в иностранной или совместной российско-иностранной собственности, объемы иностранных инвестиций в экономику Калининградской области невелики. Иностранные инвестиции в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) составили в 2015 г. 3,1 % всех прямых инвестиций в экономику области, а в 2016 г. — 3,3 % [5].

Рисунок 1 отражает динамику поступления прямых иностранных инвестиций в регион. Можно заметить, что на фоне последующего восьмилетнего периода, когда объем иностранных инвестиций был очень мал, выделяется 1996 г. — первый, по которому мы располагаем данными об иностранных инвестициях в Калининградскую область. Дело в том, что как раз до 1996 г. в рамках Положения о Свободной экономической зоне «Янтарь» действовал льготный режим для совместных

предприятий и происходило их интенсивное создание (в том числе путем реорганизации отечественных хозяйствующих субъектов), что предусматривало внесение определенных (небольших) сумм в уставной капитал.

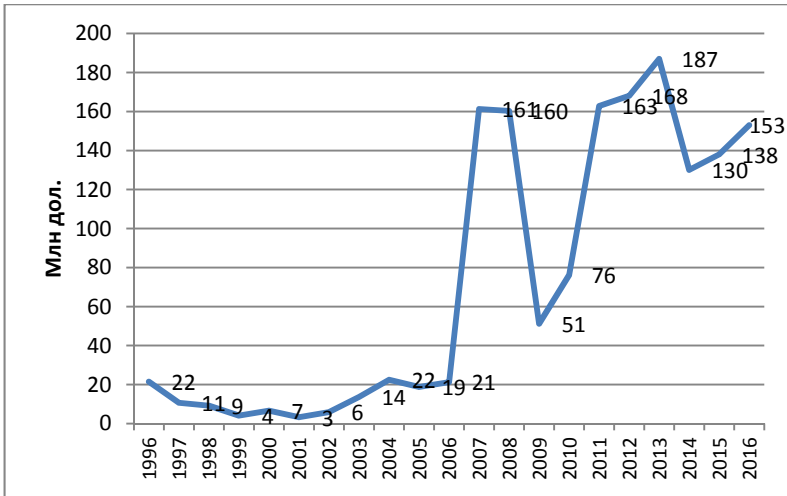

Рис. 1. Динамика прямых иностранных инвестиций в экономику Калининградской области, 1996—2016 гг., млн дол.

Составлено на основе данных [18].

Положением о СЭЗ «Янтарь» было предусмотрено помимо прочего:

- «— льготное налогообложение предприятий-резидентов ОЭЗ, в особенности совместных и иностранных предприятий;
- регистрация предприятий с участием иностранных инвестиций в размере до 75 млн рублей непосредственно Комитетом по развитию СЭЗ "Янтарь";
- свободный вывоз прибыли иностранными инвесторами;

— гарантии иностранных инвестиций в виде залога имущества Калининградской области» [10] (хотя, как отмечают исследователи, по поводу залога «соответствующие правила не были разработаны, и потому этот порядок фактически не применялся» [12]).

Но вскоре размеры иностранных инвестиций сократились, поскольку инвестиционная привлекательность региона была невелика, и хозяйствующие субъекты, реорганизованные в совместные предприятия, за небольшим исключением основывались в своей деятельности в основном на использовании уже имевшихся производственных фондов.

В 1996 г. Положение о СЭЗ «Янтарь» было заменено федеральным законом «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», в котором указанные выше правила не предусматривались. Среди требований режима свободной таможенной зоны главное внимание уделялось доле созданной в области добавленной стоимости при вывозе в другие регионы страны продукции, произведенной с использованием беспошлинного ввезенного сырья и полуфабрикатов [7].

Иностранные инвестиции стали возрастать после изменения содержания Закона об ОЭЗ в 2006 г. (который помимо стимулирования крупных инвестиций сохранил на десятилетний период режима ОЭЗ 1996 г. для предприятий, ставших ранее резидентами ОЭЗ) [8]. Размеры инвестиций в расчете на душу населения в 2007—2008 гг. стали сопоставимы со среднероссийским уровнем (в 2011 г. даже превысив его — рис. 2).

В условиях начавшегося в 2008 г. глобального кризиса иностранные инвестиции в 2009 г. сильно сократились (как и в России в целом), восстановив уровень 2008 г. в 2010 г. и значительно превысив его в 2011-м. Но уже начиная с 2012 г. иностранные инвестиции стали резко снижаться, вернувшись к уровню 1997—2007 гг. При доле в численности населения страны в 0,66—0,68 % их удельный вес стал составлять лишь 0,09—0,11 % от общероссийского уровня.

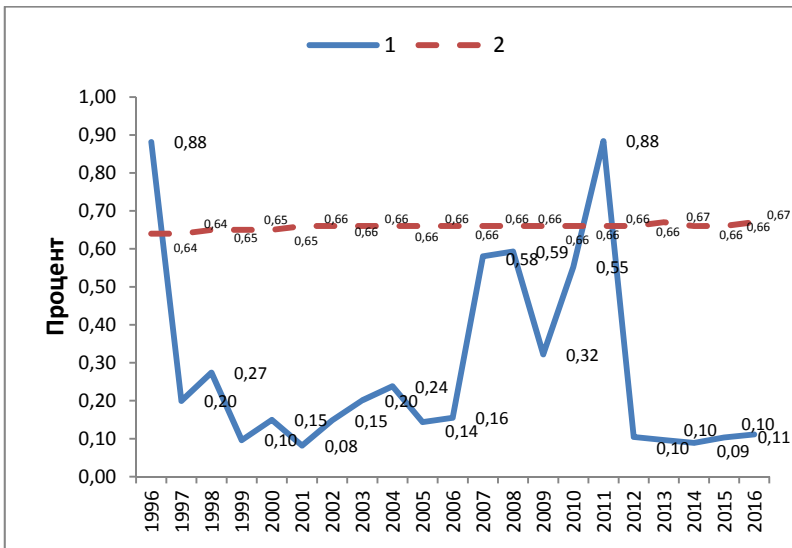

Рис. 2. Изменение доли Калининградской области в объеме прямых иностранных инвестиций в Россию, 1996—2016 гг., %:

1 — доля Калининградской области в общем объеме прямых иностранных инвестиций, поступивших в Россию; 2 — доля Калининградской области в численности населения России

Составлено на основе данных [18].

По данным Центрального банка России, на начало 2018 г. накоплено 475 млн дол. прямых инвестиций. Это составляет всего 0,09% от общероссийского уровня. Их распределение по странам-инвесторам представлено в таблице 1. Первые три места занимают Нидерланды, Казахстан и Кипр. Из соседей по Балтийскому региону выделяются Литва и Германия (четвертое и пятое места), а в целом на страны Балтийского региона приходится 18,8% прямых иностранных инвестиций. Отме-

тим, что значительный удельный вес приходится на страны — бывшие республики СССР. Наибольшее количество инвестиций направлено в сферу услуг, на обрабатывающие производства — только 49 млн дол. накопленных прямых инвестиций. Часть инвестиций (например, поступивших из Кипра) являются псевдоиностранными, то есть средствами, переведенными за рубеж российскими частными лицами.

Таблица 1

Распределение накопленных прямых инвестиций в экономику Калининградской области по странам-инвесторам на начало 2018 г.

Страна	Млн дол.	%
Нидерланды	99	20,8
Казахстан	79	16,7
Кипр	45	9,4
Литва	32	6,8
Германия	25	5,3
Украина	20	4,1
Беларусь	17	3,7
Узбекистан	13	2,8
Дания	11	2,3
Киргизия	10	2,1
Латвия	9	1,9
Эстония	9	1,9
Другие	26	5,5
Не распределены: Западная Европа	26	5,5
Не распределены: Северная Европа	54	11,4
<i>Всего</i>	475	100,0

Составлено на основе данных [18].

Из 269 млн дол. остатка долговых инструментов три четверти приходилось (в порядке убывания) на Нидерланды, Кипр, Литву, Германию, Швейцарию и США. На страны Бал-

тийского региона приходится 27,6% — не слишком большая величина с учетом потенциальных возможностей инвестирования в российские регионы расположенных здесь стран.

В Калининградской области осуществляется правительственная политика привлечения иностранных инвесторов. В 2005 г. образована Ассоциация иностранных инвесторов, в состав которой входит 31 хозяйствующий субъект. Ассоциация включает крупные предприятия пищевой промышленности («Продукты питания», «Калининградский деликатес», «Вичюнай Русь» и др.), автосборочный холдинг «Автотор», предприятия агропромышленного комплекса, добывающей промышленности, субъекты транспорта, банковской сферы, гостиничного хозяйства. В качестве основной цели декларируется «содействие созданию благоприятного инвестиционного климата на территории Калининградской области и формированию имиджа области как территории безопасной и привлекательной для долгосрочных капиталовложений» [1]. Взаимодействуя с правительством региона, Ассоциация вносит вклад в повышение инвестиционной привлекательности региона за рубежом.

Внешнеторговые связи

Становление и развитие внешней торговли Калининградской области в 1992—2007 гг. подробно рассмотрены Ю.М. Зверевым [3]. К основным направлениям совершенствования внешней торговли Калининградской области он относит:

«— усиление экспортной ориентации производства за счет увеличения экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости;

— более полное использование возможностей региона как одного из главных каналов импортных поставок на общероссийский рынок;

— повышение значения области в обслуживании внешних связей государств СНГ, прежде всего Беларуси и Казахстана;

— дальнейшую диверсификацию внешнеторговых связей области с усилением внимания к таким направлениям, как США, Латинская Америка, Африка, Юго-Восточная Азия» [3].

По этим направлениям и развивалась в 2008—2017 гг. внешняя торговля региона; они остались актуальными и в 2018 г. (за исключением, по известным причинам, одного из указанных выше географических направлений развития — США и с добавлением Восточной Азии — Китая, Республики Кореи, Японии).

Кривая динамика экспорта и импорта Калининградской области (рис. 3) имеет сходство с кривой динамики иностранных инвестиций (см. рис. 2, с. 139), что неудивительно, поскольку эти два компонента внешнеэкономической деятельности развиваются в сходных условиях. И главными из них является специфика динамики и отраслевых направлений экономического развития региона. Пока экономика области и особенно промышленность, развитие которой определяется небольшим количеством крупных предприятий машиностроения и пищевых производств, сильно зависит от конъюнктуры мирового рынка. Между хозяйствующими субъектами кооперационные связи представлены слабо. В таких условиях на экономическое развитие наиболее сильно влияют внешние факторы, и кривые экспорта и импорта на рисунке 3 легко увязываются с кризисными явлениями в мировой экономике и институциональными изменениями (режима ОЭЗ, уровня финансирования Федеральной целевой программы развития области).

С целью обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития, предполагающих и более стабильные внешнеэкономические связи, требуется формирование межотраслевых региональных кластеров и комплексов (отличающихся повышенной ролью вертикальных связей, имеющих общие органы управления). Производство товаров и услуг в большей мере, чем сейчас, должно ориентироваться на внутренние при-родные, трудовые, инновационные ресурсы региона.

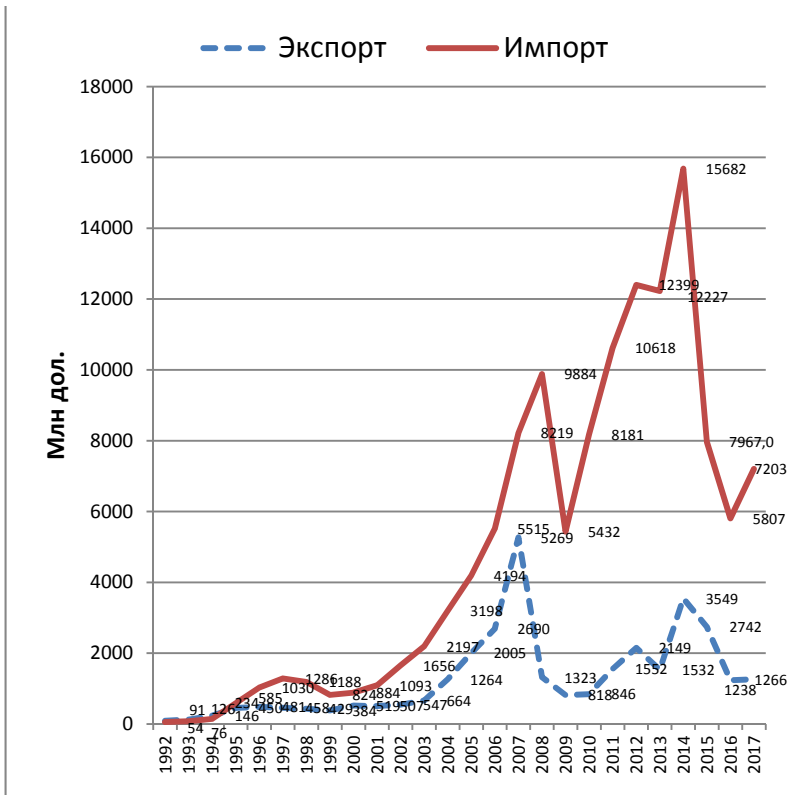

Рис. 3. Динамика экспорта и импорта Калининградской области, 1992—2017 гг.

Составлено на основе данных [15].

К 2018 г. в области сформировалась обрабатывающая промышленность, сильно зависящая от внешнеторговых связей. Доля области во внешнеторговом обороте и импорте РФ в 1996—2017 гг. превосходила ее удельный вес в численности населения России (возросший с 0,64% в 1996 г. до 0,67—0,68% в 2015—2017 гг.), но в экспорте это имело место лишь в отдельные годы (рис. 4).

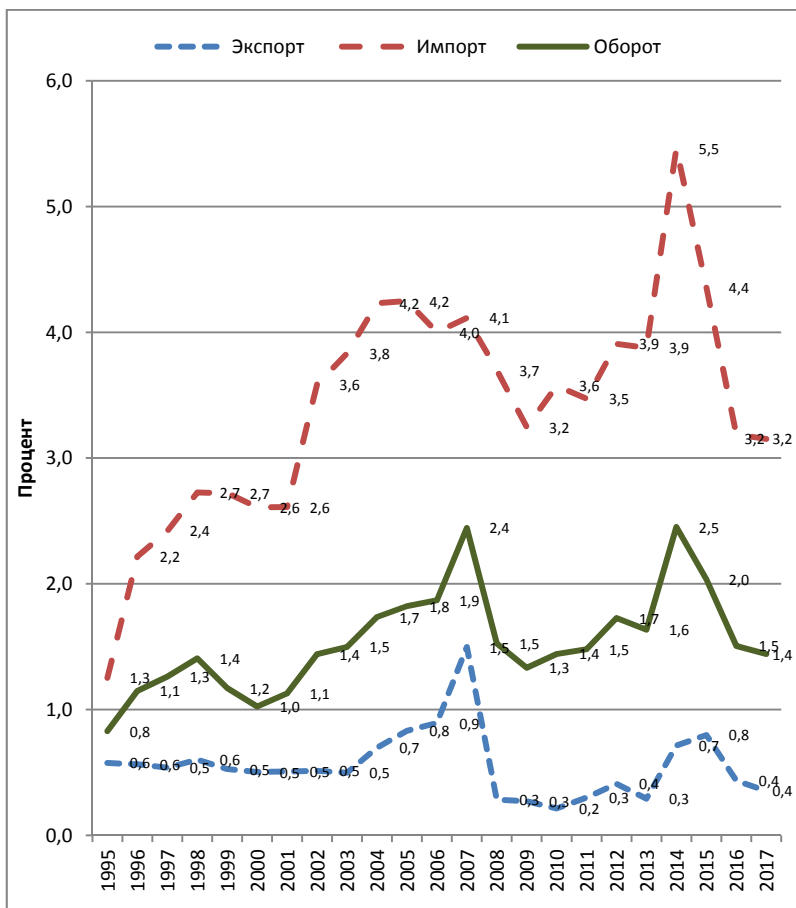

Рис. 4. Динамика удельного веса Калининградской области во внешней торговле России, 1995—2017 гг.

Составлено на основе данных [14].

Сильно изменилась товарная структура экспорта и в особенности импорта (табл. 2). Основу экспорта стали составлять

поставки за рубеж значительных объемов растительных масел, которые с 2007 г. на импортном сырье во все больших количествах производит ЗАО «Содружество-Соя». Поставки соевых бобов занимают солидный удельный вес и в структуре импорта. Другой крупнейший импортер — холдинг «Автотор», определяющий большие объемы импорта комплектующих для сборки автомобилей, поставляемых в другие регионы страны.

Таблица 2

**Изменение товарной структуры экспорта и импорта
Калининградской области, 2001—2017 гг., %**

Товары	2001		2007		2017	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	12,9	33,0	18,4	16,3	68,8	27,5
Топливо-энергетические	33,8	1,3	15,0	0,1	3,6	0,2
Продукция химической промышленности, каучук	9,2	7,9	4,0	6,1	2,8	7,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	13,3	4,3	15,9	3,0	3,0	2,1
Металлы и изделия из них	5,5	5,0	9,2	5,7	6,2	5,6
Машины, оборудование и транспортные средства	14,5	34,1	23,0	59,1	5,5	48,5
Другие	10,8	14,4	14,7	9,7	10,1	9,1
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено на основе данных [15].

Кардинально изменилась географическая картина экспортно-импортных операций. Если в 1997 г. среди первых 10 стран по объемам торгового оборота с Калининградской областью 8 были европейскими, то в 2017 г. — лишь 4, причем 2 (Слова-

кия и Чехия) — новые для списка (табл. 3). Из бывших в числе лидеров в 1997 г. стран Европы в списке остались только 2, при этом Германия с первого места опустилась на пятое, Польша — со второго на седьмое. В объемах торговли стали преобладать страны Азии и Америки.

Таблица 3

**Первые 10 стран по объему товарооборота
с Калининградской областью в 1997, 2014, 2016 и 2017 гг.**

1997	2014	2016	2017
Германия 21,7 %	Китай 19,4 %	Китай 10,9 %	Республика Корея 15,5 %
Польша 20,2 %	Республика Корея 10,4 %	Германия 8,9 %	Китай 10,4 %
<i>Литва</i> 14,8 %	Германия 10,3 %	Республика Корея 8,9 %	Бразилия 9,0 %
Великобритания 3,6 %	Великобритания 7,5 %	Бразилия 8,8 %	Турция 8,8 %
Нидерланды 3,5 %	Словакия 6,9 %	Парагвай 6,4 %	Германия 8,7 %
Бельгия 3,0 %	США 4,8 %	Словакия 6,4 %	Словакия 8,5 %
США 2,8 %	Польша 4,6 %	Польша 6,0 %	Польша 5,4 %
Республика Корея 2,8 %	Бразилия 4,3 %	США 5,7 %	США 4,9 %
Италия 2,3 %	Парагвай 3,6 %	Тайвань (Китай) 2,8 %	Парагвай 4,1 %
Беларусь 2,1 %	Эстония 3,5 %	<i>Литва</i> 2,7 %	Чехия 3,0 %

Условные обозначения: *Литва* — страны, не входящие в 2017 г. в число первых десяти по объему товарооборота с Калининградской областью; **Чехия** — страны, не входившие в число первых десяти в 1997 г., но входящие в 2017 г.

Примечание. Рядом с названием страны указан ее удельный вес в товарообороте с Калининградской областью.

Составлено на основе данных [15].

Заключение

Экономика области, хотя и с трудностями, но адаптируется к изменениям среды и сравнительно успешно развивается за счет отечественных капиталовложений при малой роли иностранных инвестиций. Можно констатировать гибкость федеральной политики по отношению к Калининградской области, поддержку эксклавного региона, вынужденного приспосабливаться к меняющимся внешним условиям, экономическим и политическим. Важную роль играют закон об ОЭЗ и Федеральная целевая программа развития области.

Изменения структуры экономики и состава преобладающих обрабатывающих производств приводят к диверсификации и географическим сменам источников получения иностранных инвестиций и наименований экспортных и импортных товаров. В ближайший период хозяйствующие субъекты и инвесторы должны учесть возможности измененного в конце 2017 г. Закона об ОЭЗ [9], так что можно ожидать перемен во внешнеэкономической деятельности региона.

Взаимовыгодным является развитие экономических связей со странами Балтийского региона. Здесь возможна производственная кооперация, формирование цепочек добавленной стоимости, отраслевых и межотраслевых международных кластеров, для чего необходимы отечественные и иностранные инвестиции. Но для этого должна измениться внешняя политика стран ЕС по отношению к России, чему будут способствовать интересы конкурентной борьбы в мировом геоэкономическом пространстве. Вероятность такого развития событий имеется, хотя ее степень оценить сложно. Так что имеет смысл разрабатывать несколько сценариев социально-экономического развития региона, более активно включая в их состав разделы внешнеэкономической деятельности.

Благодарности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. Ассоциация иностранных инвесторов Калининградской области. URL: <https://www.fias-kaliningrad.ru/> (дата обращения: 20.07.2018).
2. Бородавкина Н. Ю. О тенденциях развития внешнеэкономической деятельности Калининградской области в 1992—2010 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2012. №3. С. 52—59.
3. Зверев Ю. М. Внешняя торговля Калининградской области: основные тенденции // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 3. С. 70—74.
4. Иностранные инвестиции в Калининградской области: диагностика состояния, меры поддержки и влияние на инвестиционный климат в регионе // Экономический бюллетень №3. Проект «Поддержка развития Калининградской области». Europe Aid/114287/CV/RU. URL: <http://kaliningrad-rda.org/publikacii/ekonomicheskij-byul-leten-no3-inostrannye-investicii-v-kaliningradskoy-oblasti-diagnostika> (дата обращения: 03.07.2018).
5. Калининградская область в цифрах. 2017. Калининград, 2017. Т. 2. С. 186—187.
6. Контева Е. В., Тукач В. С. Иностранные инвестиции в экономике Калининградской области // Молодой ученый. 2015. №10.2. С. 121—124. URL: <https://moluch.ru/archive/90/19049/> (дата обращения: 18.07.2018).
7. Об Особой экономической зоне в Калининградской области : федер. закон Рос. Федерации от 22 января 1996 г. №13-ФЗ // Российская газета. 1996. 30 янв.
8. Об Особой экономической зоне в Калининградской области : федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2006 г. №16-ФЗ // Российская газета. 2006. 19 янв.
9. Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (с изменениями на 5 декабря 2017 года) (редакция, действующая с 5 января 2018 года) // Российская газета. 2017. 8 дек. URL: <https://rg.ru/2017/12/06/fz393-site-dok.html> (дата обращения: 18.07.2018).
10. Положение о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь») // Организационные и экономико-правовые основы деятельности предприятий в СЭЗ «Янтарь». Калининград, 1992. С. 25—30.

11. Прохорова О.В. Прямые иностранные инвестиции в северо-западных регионах России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 3. С. 118—123.
12. Стратегии развития Калининградской области / под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау. Калининград, 2007.
13. Тарасенко М.А. Современное состояние и особенности инвестиционной привлекательности Калининградской области в условиях Особой экономической зоны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №1 (39). С. 126—130.
14. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).
15. Федеральная таможенная служба. Калининградская областная таможня. URL: http://koblt.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=19367:-2014-&catid=124:-2014-&Itemid=153 (дата обращения: 01.07.2018).
16. Федеральная целевая программа Развития Калининградской области на период до 2020 года // Министерство развития инфраструктуры Калининградской области. URL: <http://infrastruktura39.ru/documentation/programs/index2.php> (дата обращения: 18.07.2018).
17. Харин А.Г., Усанов А.Н. О некоторых тенденциях и особенностях инвестиционной деятельности в Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2. С. 75—85.
18. Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs> (дата обращения: 20.07.2018).

Об авторе

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

The author

Prof. Gennady M. Fedorov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

В. Л. Бабурин¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

РЕАКЦИЯ ЭКОНОМИК СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА НА ЦИКЛЫ КОНЪЮКТУРЫ

Рассматриваются проблемы влияния мировых циклов конъюнктуры на страны Балтийского региона и прилегающие области России. По степени чувствительности к глобальной цикличности выделяются страны/регионы особо чувствительные, чувствительные, слабо чувствительные и нечувствительные. Анализ осуществляется на основе сравнения ежегодных приростов ВВП (ВРП) стран/регионов рассматриваемого района с цикличностью ВВП США и ЕС как основных центров капиталистической мощи. Для понимания причинной составляющей этих процессов на страновом и региональном уровнях рассматривалась структура валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности. По результатам проведена типология рассматриваемых территорий по выделенным признакам.

The author investigates the influence of the global cycles of economic development on that of the countries of the Baltic Sea region and the adjacent regions of Russia. According to the degree of sensitivity to the global cycles, the author identifies extremely sensitive, sensitive, relatively sensitive and insensitive regions or territories. The analysis is based on a comparison of the annual GDP growth (GRP) of the countries/regions of the Baltic Sea region with the GDP of the US and the EU since they are the main centres of world economic power. To understand the causal component of these processes at the national and regional levels, the author explores the structure of gross value added according to types of economic activity. The author offers a typology of the territories based on the results of the analysis.

Ключевые слова: циклы конъюнктуры, динамика ВВП (ВРП), устойчивость, чувствительность.

Keywords: cycles of economic development, dynamics of GDP (GRP), stability, sensitivity.

Введение

Динамика мировой конъюнктуры за последние 30 лет демонстрирует достаточно четко выраженную цикличность с разной реакцией видов экономической деятельности и регионов на темпы роста мирового ВВП. Эти процессы стали неотъемлемой частью функционирования современных глобальных рынков. Это особенно существенно для Балтийского региона¹, где сформировавшееся в социалистический период территориальное разделение труда и производные от него специализация регионов и межрайонный обмен оказываются в ситуации повышенной неустойчивости. Последнее определяется как разнонаправленностью векторов развития новых государств, так и влиянием трансграничных эффектов на прилегающие российские регионы.

В рамках циклично-генетической динамики [2; 12; 18] как составной части эволюционной парадигмы региональные специализации находятся под перманентным воздействием социально-экономического полициклизма (циклы Броделя, Кондратьева — Шумпетера, Кузнеца, Жуглара — Маркса и т. д.).

В отечественной географии влияние конъюнктурных рисков на территориальную организацию общества — слабо разработанная тема в исследованиях, посвященных территориальному разделению труда. Фактически только П. Я. Бакланов в теории линейно-узловых структур предложил категорию «плавающего оптимума», косвенно отражающую изменение значимости факторов размещения, многие из которых чувствительны к конъюнктуре рынка [5].

В этой ситуации становятся актуальными исследования устойчивости территориальных социально-экономических систем региона к динамике глобальных процессов в экономике и

---

¹ В данной статье понятие Балтийский регион отнесено к бывшим республикам Прибалтики, пограничным с ними регионам России, а также к Польше.

обществе. В предварительном плане можно выдвинуть гипотезу, что в зависимости от благоприятности факторов размещения производства и сложившейся специализации можно выделить страны/регионы особо чувствительные, чувствительные, слабо чувствительные и нечувствительные к циклам конъюнктуры.

В свою очередь, моделирование описанных процессов и выделение территориальных комплексов специализаций, обеспечивающих максимизацию совокупной устойчивости региональных экономик, является новым направлением для районной школы в экономической и социальной географии России.

Проблемам специализации и факторам размещения производства посвящено большое количество исследований в отечественной географии, что отражено в многочисленных публикациях [5; 6; 9; 15—17 и др.]. Значительный вклад в моделирование процессов формирования территориальных производственных комплексов внесли региональные экономисты [4; 7; 10 и др.].

Основные мировые центры исследования циклических процессов в экономике — ECRI (Economic Cycle Research Institute) и EABCN (The Euro Area Business Cycle Network), а с 2016 г. издается отдельный журнал, посвященный изучению циклических процессов в экономике, — *Journal of Business Cycle Research*.

Среди зарубежных авторов можно выделить работы П. Кругмана [26—28], М. Фуджита [23], Б. Баласса [20], Дж. Карлино [21], Р. Киннона [32] и др. В ряде исследований [29] показано, что эффективность монетарной политики ЕС неоднозначна в течение 80-х и 90-х гг. XX в. Разница в колебании международной специализации стран Евросоюза уменьшилась, но в отдельных частях либо не изменилась, либо увеличилась, что особенно заметно в странах Балтийского региона. Здесь как нигде видно, что степень синхронизации фаз экономических циклов регионов во многом зависит от естественноисторических и социокультурных предпосылок. Интересна работа по анализу специализации воеводств Польши и

их реакции на циклы конъюнктуры [38]. Регионы с чрезвычайно высокой степенью специализации, демонстрировали устойчивость к колебаниям — таковы некоторые воеводства с развитым сельским хозяйством или горнодобывающей промышленностью. В ряде работ показано, что разность фаз муниципалитетов ближе к разности фаз тех регионов, в которые они входят, чем к разности фаз государства в целом. Урбанизированные регионы ближе в характере своих колебаний друг к другу, чем сельские. Также было выявлено, что менее развитые страны Еврозоны имеют большую разность фаз, чем более развитые. Страны, имеющие тесные торговые связи, существенно синхронизируют свои циклы. Часть работ посвящена изучению величины вклада разных факторов. Вклад общей политики считается более сильным, но для индустриально развитых стран фактор связей становится преобладающим.

В 1980-е гг. возникли новые модели торговли, которые дополнили неоклассическую теорию, объяснив внутриотраслевую торговлю. Главное их предположение — все большая ценность новых затрат, дифференциация товаров и несовершенная (монополистическая) конкуренция. В частности, П. Кругман [26] и Э. Венаблс [37] указали на то, что географическое преимущество будет самым большим при умеренных издержках торговли, то есть связь между ценой перевозок и размещением производства напоминает перевернутую U. Когда торговые преграды и цена перевозки достаточно малы, географическое преимущество районов с легким доступом к рынку теряет значение, и предприятия возвращаются на старую периферию.

В более поздней работе П. Кругман вместе с Э. Венаблсом [37] ввели в модель производственную цепочку: разным производителям выгодно скопление в одном месте благодаря удешевлению поставок.

На основе анализа имеющихся работ по проблематике, затрагиваемой в данной статье, можно сделать вывод, что исследования в сфере территориального разделения труда и его составных частей (специализация и обмен), а также циклических процессов в экономике достаточно обширны и в целом

тематика хорошо исследована. Однако практически отсутствуют исследования, в которых анализируется влияние циклов конъюнктуры на устойчивость региональных специализаций.

В данной статье выдвигается гипотеза о том, что различными стадиям циклов конъюнктуры должны соответствовать различные состояния устойчивости региональных специализаций. В частности, речь идет прежде всего об устойчивости к циклическим кризисам с 5—7-летней периодичностью. Под наиболее устойчивыми понимаются такие специализации, которые вообще не реагируют на ухудшающуюся конъюнктуру рынка в силу минимальной для данного товара/услуги совокупности издержек. Слабо реагирующие на кризис специализации будем называть устойчивыми. Тогда неустойчивыми называются специализации, чья динамика фактически копирует общеэкономическую ценовую динамику, а чрезвычайно неустойчивыми — такие специализации, которые локализируются в регионе только при крайне благоприятной конъюнктуре или реагируют на кризис существенно сильнее среднего уровня.

Разрешение этой задачи возможно на базе совокупности методов, позволяющих, с одной стороны, рассмотреть дельту между регионально обусловленными дополнительными издержками (со знаком плюс/минус), среднеотраслевыми издержками и меняющимся спросом на продукцию региональных отраслей специализации, а с другой — вычислить оптимальные промежутки времени, позволяющие эффективно функционировать тем или иным специализациям в условиях меняющейся конъюнктуры. Однако такой подход сложно обеспечить необходимой информацией.

Особенностью экономико-географического подхода является концентрация внимания на характере реакции регионов с различным набором отраслей специализации на циклы конъюнктуры. Это предполагает реализацию методов анализа взаимосвязи устойчивости специализации экономики регионов с разнообразием отраслевой структуры, общемировой (макрорегиональной) динамикой ВВП/ВРП и общемирового отраслевого выпуска.

Рассмотрим динамику ВВП России, США и ЕС (последние как главные центры, задающие ритмику мировых кризисов) (рис. 1).

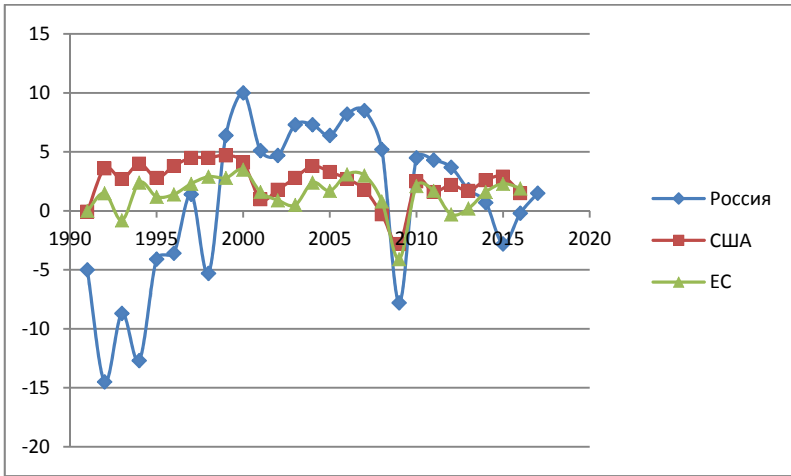

Рис. 1. Динамика ВВП России, США и ЕС 1991—2017 гг., %

На рисунке 1 хорошо видно, что за минувшие четверть века экономика США и ЕС шли в едином ритме (кризисы 1989—1991, 2001—2003, 2008—2009 и 2015—2016 гг.), что связано со сходством их отраслевой структуры. При этом ЕС был более чувствительным к кризисам, чем американская экономика. В качестве гипотезы можно выбрать утверждение, что американская экономика более тесно интегрирована с китайской, которая фактически не чувствительна к мировым кризисам. Нетрудно заметить и более раннее начало кризисных циклов в США по сравнению с ЕС. Хорошо подтверждающаяся 5—7-летняя цикличность динамики экономики позволяет с высокой вероятностью утверждать, что следующий кризис будет развиваться в 2021—2024 гг.

Российская экономика, которая также прошла четыре 5—7-летних цикла Жуглара — Маркса (1997—1998 гг. — регио-

нальный кризис, 2001—2002 гг. — азиатский региональный, 2008—2009 гг. — общемировой, 2015—2016 гг. — региональный), оказалась намного более чувствительной к последним двум кризисам. Азиатский кризис 2001—2002 гг. она практически не заметила, так как была крайне слабо интегрирована в мировую экономику. Примечательно, что отрицательная «аритмия» экономики 1990-х гг. почти никак не коррелировала с мировыми циклами в силу процесса ее принудительного «разваливания».

Можно предположить, что чувствительность региональных экономик будет зависеть от отраслевой структуры их ВВП (ВРП), то есть чем выше доля чувствительных к кризисам отраслей, тем сильнее воздействие конъюнктурных циклов на экономики стран и регионов (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение типов специализаций регионов и их устойчивости к кризисным фазам циклов конъюнктуры

Тип реакции	Структура ВВП						
	Добывающие производства	Обрабатывающие производства	Производство электроэнергии, тепла и воды	Сельское хозяйство	Строительство и транспорт	Услуги	Госуслуги
Наиболее устойчивый			+	+			+
Относительно устойчивый	+				+		
Неустойчивый		+			+	+	
Чрезвычайно неустойчивый		+				+	

Прежде чем переходить к анализу, рассмотрим реакцию видов экономической деятельности и промышленности как основного (до недавнего времени) сегмента экономик стран Балтийского региона (рис. 2).

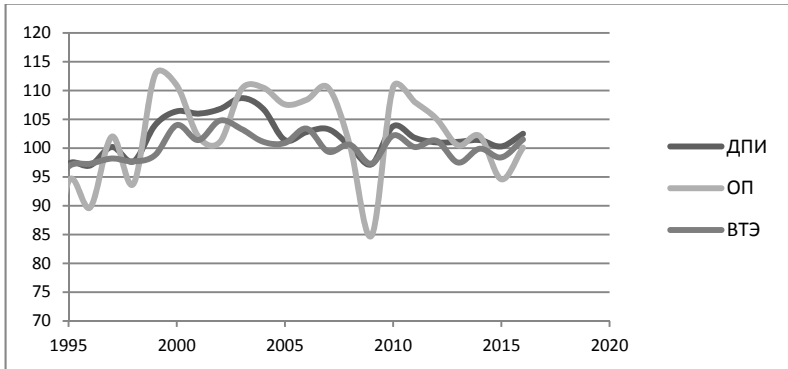

Рис. 2. Динамика валового выпуска в промышленности России по видам деятельности:

ДПИ — добывающая промышленность;

ОП — обрабатывающая промышленность;

ВТЭ — производство электроэнергии, тепла и горячей воды

На рисунке 2 нетрудно видеть, что на производство электроэнергии, тепла и воды практически не влияли кризисы, отрасли добывающей промышленности уже существенно более чувствительны к ним. А вот отрасли обрабатывающих производств, напротив, на протяжении всего рассматриваемого периода были чрезвычайно неустойчивыми. Из этого нетрудно сделать вывод, что и рассматриваемые территории Балтийского региона в остроте своей реакции на мировые кризисы будут зависеть от структуры их экономики (как от структуры их промышленности, так и от ее доли в ВВП стран и ВРП регионов).

Как же реагировали страны Балтийского региона и прибалтийских субъектов РФ на кризисные фазы общемировых циклов конъюнктуры?

Из рисунка 3 следует, что Калининградская, Псковская, Ленинградская области и г. Санкт-Петербург образуют единый тип реакции на меняющуюся конъюнктуру рынка. При этом Калининградская и Псковская области относятся к неустойчивым, а Ленинградская область и Санкт-Петербург к относительно устойчивым. Новгородская область идет совершенно по иному сценарию, что связано с преобладанием в структуре ее экономики экспортно-ориентированных отраслей. При этом конъюнктурные колебания ВВП происходят по наиболее устойчивой модели.

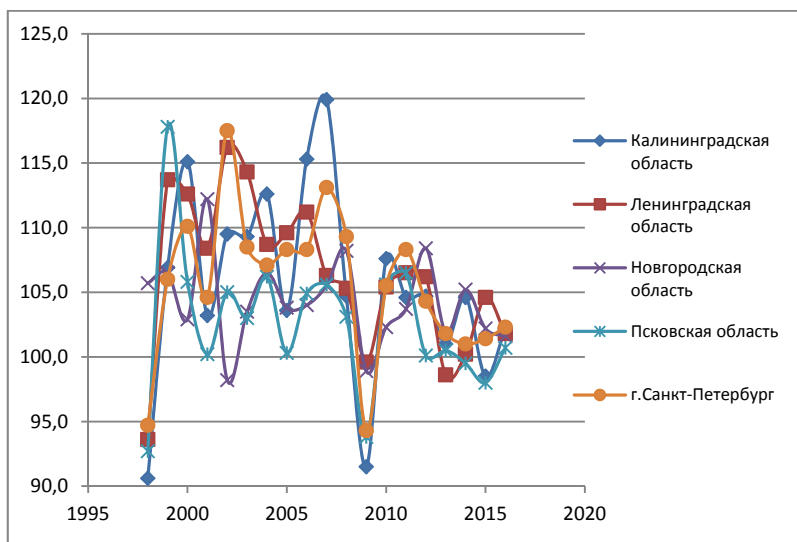

Рис. 3. Динамика ВВП по Калининградской области и другим примыкающим субъектам РФ, входящим в Балтийский регион

По характеру реакции на конъюнктурные флуктуации «аритмии» экономики Эстонии, Латвии и Литвы наиболее близки к экономикам Калининградской и Псковской областей,

но уровень их чувствительности намного выше (рис. 4.). Для Эстонии и Латвии он беспрецедентен (тип — чрезвычайно неустойчивый).

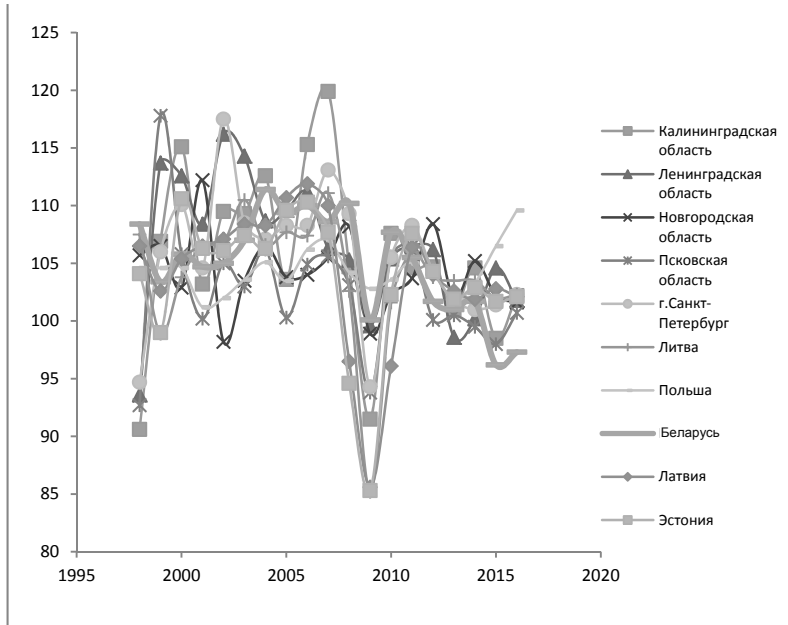

Рис. 4. Динамика ВВП по странам и ВРП по Калининградской области и другим примыкающим субъектам РФ, входящим в Балтийский регион

Для сравнения был проведен анализ реакции на колебания конъюнктуры мирового рынка экономик Польши и Беларуси, которые развиваются в существенно иных условиях. Польша получила огромные финансовые вливания со стороны ЕС, а Беларусь вплоть до последнего времени развивалась при достаточно жестком государственном регулировании экономики.

Беларусь воспринимала кризисы крайне слабо, вплоть до последнего (2015—2016), не опускаясь в динамике ВВП ниже уровня 100%. Однако общий тренд экономической динамики

был нисходящий. Польша также практически не реагировала на кризисы, при этом не только сохраняла нейтральный тренд, но и в последние годы изменила его на восходящий. Обе эти страны могут быть отнесены к типу наиболее устойчивых.

Проведенный на основе заявленного подхода анализ динамики ВРП позволил провести типологию регионов по различным основаниям.

В таблице 2 на основе анализа динамики ВВП стран Балтийского региона и ВРП пограничных регионов РФ за период прохождения трех кризисов (2002—2003, 2008—2009 и 2015—2016) представлены типы регионов по интегральной устойчивости их экономик к кризисам.

Таблица 2

Типология стран и областей Балтийского региона по типам реакции на конъюнктурные флуктуации и типам структур экономики

Тип реакции	Страны и регионы с преобладающими в структуре экономики сектором услуг и/или обрабатывающей промышленностью	Страны и регионы с преобладающей в структуре экономики экспортно-ориентированной промышленностью при малой доле сектора услуг
Наиболее устойчивый	Польша	Беларусь, Новгородская область
Относительно устойчивый	Санкт-Петербург	Ленинградская область
Неустойчивый	Литва	Калининградская и Псковская области
Чрезвычайно неустойчивый	Эстония, Латвия	—

Заключение

Проведенное исследование показало эффективность предложенного подхода для анализа реакции региональных экономик (устойчивости специализаций) к циклам конъюнктуры в

зависимости от структуры национальной экономики. Проведенная апробация на примере территорий Балтийского региона продемонстрировала наличие более и менее чувствительных к конъюнктурным флуктуациям сегментов экономики. Именно от удельного веса сектора услуг и обрабатывающих производств в структуре добавленной стоимости в первую очередь зависит устойчивость региональных экономик. Чем выше доля этих сегментов, тем выше неустойчивость экономической динамики.

По результатам анализа была установлена типология территорий Балтийского региона. Наиболее неустойчивыми оказались экономики Эстонии и Латвии, в область неустойчивости попали Литва и непосредственно граничащие с Прибалтикой Калининградская и Псковская области. Санкт-Петербург и Ленинградская область как ядро Северо-Запада России — относительно устойчивые, а Беларусь, Польша и Новгородская область в силу разных причин — наиболее устойчивые.

Благодарности.

Статья подготовлена при поддержке гранта проекту РФФИ №18-05-01106 А «Устойчивость специализации регионов и индустриальных центров России к циклам конъюнктуры».

Список литературы

1. *Бабурин В.Л.* Взаимосвязь расселения и размещения производства // Региональные исследования. 2014. №4 (46). С. 5—16.
2. *Бабурин В.Л.* Инновационные циклы в российской экономике. 4-е изд., испр. и доп. М., 2010.
3. *Бабурин В.Л.* Развитие территориальных природно-хозяйственных систем как основы экономики // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2012. №5. С. 5—13.
4. *Бандман М.К.* Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск, 1980.
5. *Бакланов П. Я.* Линейно-узловые системы промышленности (структурные особенности и возможности учета в планировании и управлении). Владивосток, 1983.

6. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Основы региональной политики. СПб., 1998.
7. *Гранберг А. Н.* Динамические модели народного хозяйства. М., 1985.
8. *Земцов С. П., Бабурин В. Л.* Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 2, № 1. С. 117—138.
9. *Мошков А. В.* Структурные изменения в региональных территориально-отраслевых системах российского Дальнего Востока. Владивосток, 2008.
10. *Пробст А. Е.* Проблемы размещения социалистической промышленности. М., 1982.
11. *Ростислав К. В.* География постмодерна // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : сб. науч. ст. / отв. ред. А. П. Катровский, В. Е. Шувалов, Т. И. Яськова. Смоленск, 2016.
12. *Субетто А. И.* Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие М., 1994.
13. *Улин Б.* Межрегиональная и международная торговля. М., 2004.
14. *Хекшер Э. Ф.* Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли. Международная экономика. М., 2006. С. 154—173.
15. *Чистобаев А. И.* Развитие экономических районов: Теория и методы исследования. Л., 1980.
16. *Шаблій О. И.* Межотраслевые территориальные системы (проблемы методологии и теории). Львов, 1976.
17. *Шарыгин М. Д.* Современные проблемы территориальной организации общества // Изв. РГО. 2007. Т. 139, вып. 1. С. 30—36.
18. *Яковец Ю. В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999.
19. *Baburin V. L., Zemtsov S. P., Kidyayeva V. M.* Methodology of evaluating the potential of the economic-geographical position of Russia's towns // Vestnik Moskovskogo Unviersiteta. Ser. Geografiya. 2016. № 1. С. 39—45.
20. *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. L., 1962.
21. *Carlino G., Sill K.* The Cyclical Behavior of Regional Per Capita Income in the Post War Period. Federal Reserve Bank of Philadelphia, 1998.

22. *Frankel J., Rose A.* Endogeneity of optimal currency zone criteria // *Economic Journal*. 1998. №108. P. 1009—1025.
23. *Fujita M., Krugman P.* The New economic geography: Past, present and the future // *Papers in Regional Science*. 2004. Vol. 83. P. 139—164.
24. *Gianelle C., Montinari L., Salotti S.* Interregional Trade, Specialization, and the Business Cycle: Policy Implications for the EMU // *Journal of Business Cycle Research*. 2017. Vol. 13 (1). P. 1—27.
25. *Imbs J.* Trade, Finance, Specialization, and Synchronization // *Review of Economics and Economics Statistics*. 2004. №86 (3). P. 723—734.
26. *Krugman P.* *Geography and Trade*. Cambridge, MA, 1991.
27. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99, №3. P. 483—499.
28. *Krugman P. R.* The Role of Geography in Development // *International Regional Science Review*. 1999. Vol. 22, №2. P. 142—161.
29. *Montoya L. A., Haan J. de.* Regional business cycle synchronization in Europe? // *International Economics and Economic Policy*. 2007. Vol. 5 (1). P. 123—137.
30. *Lucas R.* Understanding business cycles // *Stabilization of the Domestic and International Economy* / ed. K. Brunner, A. Meltzer. Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. Vol. 5. Amsterdam, 1977.
31. *Martin R.* A Study on the Factors of Regional Competitiveness. 2004. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/3cr/competitiveness.pdf (дата обращения: 07.06.2018).
32. *Mc Kinnon R.I.* Portfolio Balance and International Payments Adjustment // *Monetary Problems of the International Economy* / ed. by R. A. Mundell, A. Swoboda. Chicago, 1969.
33. *Prasad E., Rogoff K., Wei S., Kose M. A.* The Effects of Financial Globalization on Developing Countries: Some Empirical Evidence. Washington, 2003.
34. *Rosamond B.* *Theories of European Integration*. L., 2000.
35. *Salas V., Saurina J.* Credit risk in two institutional regimes: Spanish commercial and savings banks // *Journal of Financial Services Research*. 2002. №22 (3). P. 203—224.
36. *Stock J. H., Watson M. W.* Estimating Turning Points Using Large Data Sets // *Journal of Econometrics*. 2014. Vol. 178, №2. P. 368—381.
37. *Venables A. J.* Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries // *International Economic Review*. 1996. Vol. 37, №2. P. 341—359.

38. *Wiatrak A.P.* Problemy rozwoju regionalnego w Polsce: wybrane zagadnienia // *Rozwój gospodarczy i zmiany strukturalne w ujęciu regionalnym*. Białystok, 1997. Т. 1.

39. *Zemtsov S.P., Baburin V.L.* How to assess advantages of economic-geographical position for Russian regions? // *R-Economy*. 2016. Т. 2, №3. С. 385—401.

Об авторе

Бабурин Вячеслав Леонидович, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии географического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: vbaburin@yandex.ru

The author

Prof. Vyacheslav L. Baburin, Department of Economic and Social Geography, Faculty of Geography, Moscow State University. M. V. Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: vbaburin@yandex.ru

В. И. Часовский¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Балтийский регион стал важной частью глобальных процессов интеграции. Государства Балтийского региона сформировали многосторонние форматы регионального сотрудничества, что значительно ускорило процесс регионализации. Процессы локализации нашли свое отражение в проектах приграничного сотрудничества и программах устойчивого развития зоны Балтийского моря. Особое внимание в статье уделено процессам формирования и функционирования международных организаций региона, в том числе дается оценка особенностям современного этапа процесса интеграции. Вокруг Балтийского моря развиваются новые пространственные формы международного инвестиционного и производственного сотрудничества. Опыт развивающихся на Балтике транснациональных и трансграничных связей активно изучается, в том числе для возможного использования в других регионах мира.

The Baltic region has become an important part of global integration processes. The states of the Baltic region formed multilateral formats for regional cooperation, which significantly accelerated the process of regionalization. The processes of localization are reflected in cross-border cooperation projects and sustainable development programs for the Baltic Sea zone. Particular attention is paid to the formation and functioning processes of international organizations in the region, which includes the features assessment of the current stage of the integration process. Around the Baltic Sea, new spatial forms of international investment and production cooperation are developing. The experience of transnational and cross-border communications developing in the Baltic is being actively studied, including possible use in other regions of the world.

Ключевые слова: Балтийский регион, промышленность, международное сотрудничество, приграничное сотрудничество, внутренняя структура региона, развитие экономического сотрудничества.

Keywords: Baltic sea region, industry, international cooperation, cross-border cooperation, internal structure of region, economic cooperation development.

Балтийский регион рассматривается как один из наиболее сформировавшихся транснациональных регионов. Он включает в себя приморские территории России, Германии и Польши, а также целиком Швецию, Данию, Финляндию, Литву, Латвию и Эстонию. В широкой трактовке принято говорить об одиннадцати странах, являющихся членами образованного в 1992 г. Совета государств Балтийского моря (СГБМ). Помимо уже перечисленных девяти стран в СГБМ входят также Норвегия — с самого основания Совета, и Исландия — с 1995 г. [3].

В Балтийском регионе на территории площадью в 1321 тыс. км² по состоянию на начало 2018 г. проживает более 46 млн человек. При этом большая часть населения сосредоточена в Германии, России и Польше, а наименьшая — в Прибалтийских странах [17].

В то же время на этот регион приходится 2% мирового валового внутреннего продукта. Лидирующие позиции по ВВП (по ППС) занимают Германия и РФ, аутсайдерами являются Прибалтийские страны [17]. Производство ВВП на душу населения здесь в среднем в 3 раза выше среднемирового уровня, а плотность населения — в 1,6 раза ниже (2016) [17].

Страны региона сильно отличаются по объемам внешней торговли и ее роли в экономике. Лидерами по экспорту выступают Германия, Россия, Норвегия, Польша, аутсайдерами — Латвия, Финляндия, Эстония, Литва. Больше всего импортируют Эстония, Литва и Латвия, а меньше всего — Германия, Норвегия, Финляндия, Швеция [15].

Среди стран-участниц Балтийского региона промышленно наиболее развиты Германия, Швеция, Норвегия, они представ-

ляют собой своего рода локомотивы роста, а наименее развиты Прибалтийские страны, Польша и Россия. Таким образом, следует отметить, что в разрезе отдельных показателей все страны сильно отличаются, в том числе и на уровне развития государств, что является причиной для дальнейшего сотрудничества стран региона [8; 10; 11].

В число главных структур экономического и других видов партнерства в Балтийском регионе входят:

1) «Балтийский форум развития» (БДФ), который считается неправительственной общесетевой системой, в нее вступают участники состоявшихся фирм, городов и бизнес-ассоциаций района Балтийского моря;

2) «Балтика-21» — экспертная ассоциация Совета стран Балтийского моря по устойчивому развитию. В настоящий период собирается сконцентрировать действия в четырех стратегических сферах партнерства: стойкое формирование муниципальных и аграрных областей, изменение климата, устойчивое расходование и изготовление, инновации и обучение с целью стабильного формирования. Воплощенный командой флагманский план «ЭкоРегион», предполагающий мероприятия по обеспечению стабильного формирования с поддержкой повторяющейся схемы менеджмента процессов, делал особый упор на Северо-Запад России;

3) «VASAB» — межправительственная сеть, базирующаяся в регионе с 1992 г. с целью содействовать совместной работе в области пространственного планирования в государствах района Балтийского моря;

4) «ХЕЛКОМ» (Хельсинская госкомиссия), представляющая собой интернациональную организацию, которая занимается исследованием и охраной акватории Балтийского моря [19];

5) Еврорегионы, предполагающие собой форму интеграции, основанную на сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований, находящихся в приграничных районах соседствующих стран Европы. Формат еврорегиона раз-

решает его участникам создавать общие финансовые структуры, развивать приграничную торговлю, реализовывать всевозможные планы в области туризма, экологии, спорта и культуры.

В настоящее время российские приграничные территории входят в состав таких еврорегионов, как «Неман», «Балтика», «Карелия», «Псков — Ливония», «Сауле». При этом потенциал данных еврорегионов российской стороной используется крайне слабо.

В регионе Балтийского моря существуют различные программы приграничного сотрудничества: «Латвия — Эстония — Россия» (бюджет программы 47 млн евро), «Литва — Польша — Россия» (132 млн евро), «Юго-Восточная Финляндия — Россия» (36 млн евро), «Карелия» (23 млн евро), «Латвия — Литва — Беларусь» (41 млн евро). Территория региона Балтийского моря также интегрирована в организацию Северного измерения, которое рассматривается Стратегией ЕС для РБМ в качестве площадки для становления сотрудничества с третьими государствами, в первую очередь с Российской Федерацией. Все программы нацелены на социально-экономическое развитие, увеличение конкурентоспособности и привлекательности административных субъектов стран, а также на реализацию решений общих приграничных проблем [19; 20].

Одной из форм трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе является внешняя, в том числе приграничная торговля. На государства региона приходится 13,7% мировой торговли. Между тем во внешнеторговом обороте стран возрастает пока только роль взаимной торговли экономически развитых государств (Германия, Швеция, Дания, Финляндия), а вот для других государств, прежде всего для России, данная особенность не характерна.

Страны Балтийского региона имеют очень развитые внешнеэкономические связи. Но при этом 60% совместного размера торговли государств региона сосредоточивает Германия. Россия занимает второе место — 13,9%. Например, внешняя торговля с государствами Балтийского региона играет важ-

нейшую роль для Северо-Западного федерального округа (СЗФО) России. Объем внешней торговли СЗФО с балтийскими странами равен практически одной четвертой от всех денежных отношений СЗФО. Товарооборот складывается большей частью за счет таких секторов экономики, как обрабатывающая промышленность, в особенности машиностроение. Довольно развита внутриотраслевая торговля, которая отображает как процесс интернациональной кооперации, так и развитие производства в рамках конкурентных отношений [16].

Германия имеет сравнительно малый удельный вес в своей внешней торговле с балтийскими странами, но в абсолютном выражении занимает первое место в региональных торговых связях, сосредоточивая 31% от общего размера региональной торговли (713,6 млрд дол.). За ней следуют Швеция (14,6%), Россия (14,1%) и Польша (13,4%). Значительно уступают им Дания (10,2%) и Финляндия (10,1%).

В Прибалтийских государствах с самого начала доля внутрирегиональной торговли была существенной (от 60% в Литве до 72% в Эстонии), и становление экономики данных стран требовало диверсификации внешнеторговых связей. Между тем доля государств Прибалтики в балтийской торговле остается очень малой: у Литвы — 2,7%, у Эстонии — 2,1%, у Латвии — 1,5%. Прибалтийские государства пока мало преуспели в попытках организации единого общего рынка [14].

При анализе сотрудничества стран Балтийского региона необходимо также рассмотреть его наиболее активные кластеры. В целом, по сведениям европейской Платформы по кластерному сотрудничеству, на 2013 г. в Балтийском ареале насчитывалось 369 кластеров, при этом среди международных — всего 8%. Их относительно малый удельный вес говорит о трудностях образования и развития данной формы экономической интеграции [18].

Между тем, например, Дания и Швеция принимают участие в 19 интернациональных кластерах в Балтийском регионе, Германия — в 10, Норвегия и Финляндия — в 6, Польша и Литва — в 2.

В государствах Скандинавии доля международных кластеров от совместного количества кластеров составляет около 20%. Для государств Прибалтики и Польши этот показатель намного ниже — около 7%. Лидером среди всех государств Балтийского региона является Швеция, так как практически третья часть от всех ее кластеров — международные. Доля Германии в международных кластерах региона немного ниже, чем в Скандинавских государствах. Это объясняется тем, что в рамках изучения были рассмотрены только северные германские земли и мегаполисы Гамбург и Берлин. В целом же в Германии больше 300 санкционированных кластеров [18].

Из 28 международных кластеров в Балтийском регионе 75% относятся к трансграничным и 25% — к транснациональным. Более активную роль в кластерах обоих типов показывают Дания и Швеция. Ярчайшими примерами сотрудничества двух государств можно назвать международные кластеры «Медиконовая долина» и «Кластер 55» [18].

Участвует в процессе региональной кластеризации и Россия. Например, на приграничной территории Финляндии (губернии Южное Саво, Северное Саво, Южная Карелия, Кюменлааксо, Уусимаа и Пяйят-Хяме) и России (Ленинградская область, включая Санкт-Петербург, и Республика Карелия) намечен процесс создания интернациональных кластеров. Ведущими направлениями формирования международных кластеров выступают экотехнологии, науки о жизни, НИОКР и нанотехнологии. Российская Федерация вовлечена в международные кластерные инициативы по 13 разным направлениям в рамках трансграничного сотрудничества с Латвией, Финляндией и Эстонией. Но при этом сформированных международных кластеров с участием РФ пока нет.

Итоги сравнительного анализа областей специализации интернациональных кластеров и инициатив показывают на ряд закономерностей.

Во-первых, приоритетные направления создания кластерных инициатив в Балтийском регионе совпадают со специализацией уже имеющих место интернациональных кластеров в области экотехнологий, науках о жизни, НИОКР и нанотехнологиях. Это объясняется тем, что Северные государства и Германия желают создавать международные кластеры на базе имеющихся компетенций, в то время как государства Прибалтики, Польша и Российская Федерация исходят из перспективности конкретной отрасли и ее привлекательности для развитых государств региона.

Во-вторых, лидерами в большинстве международных кластеров являются государства Скандинавии и Германия, это говорит о трудности формирования системы интернациональных кластерных взаимодействий и предъявлении высоких требований к странам-участницам.

В-третьих, для государств Прибалтики, Польши и России могут быть выделены вспомогательные многообещающие направления сотрудничества, включающие сельское и лесное хозяйство, отрасли обрабатывающей промышленности [18].

Как известно, политика интеграции в странах ЕС осуществляется в двух направлениях — «сверху» (общеевропейские программы ЕС) и «снизу» (в виде программ, разработанных на региональном уровне). При этом интеграционная политика «снизу» выражается в разнообразных формах [4; 6; 7; 10].

Важнейшим элементом интеграционной политики в промышленности являются также прямые иностранные инвестиции и производственная кооперация в рамках приграничного сотрудничества. В процессе интернационализации бизнеса большинство инвесторов стремятся развивать свой капитал на соседних приграничных территориях, учитывая наличие тесных экономических и социокультурных связей [3; 9; 12; 13].

Анализируя данные ЮНКТАД, можно сделать вывод, что крупнейшими инвесторами на территории Балтийского региона являются Германия, Финляндия, Швеция, Дания и Польша.

Причины лидерства этих стран очевидны: развитая промышленность, наличие крупных ТНК, прочные интеграционные связи с другими странами ЕС. Присутствие Польши в данном списке определяется поступательным ростом ее экономики и наличием крупных инвестиционных проектов на собственной территории.

Так называемый эффект соседства наиболее ярко выражен в трансграничном инвестиционном сотрудничестве треугольника Литва — Эстония — Латвия, совместное развитие промышленности которых во многом было определено специализацией в рамках еще плановой экономики СССР. Еще одним фактором для экономической и промышленной интеграции служит технологическая специфика промышленного производства этих стран [1; 9].

В целом в Балтийском регионе политика кооперации и инвестирования в основном сконцентрирована в Швеции, Дании и Финляндии. Причем данные процессы определяются стремлением к формированию крупного межгосударственного рынка. В современных реалиях экономической интеграции и глобализации частный капитал Северной Балтики контролируется в большей степени именно шведскими инвесторами. Политика Швеции и Финляндии по расширению рынка сбыта своей продукции привела к совместным капиталовложениям в Литву, Латвию и Эстонию.

Следует отметить, что в Балтийском регионе перечень механизмов интеграции и кооперации на этом не исчерпан [1; 2; 5; 6]. Еще одним успешным механизмом сотрудничества является установление контроля над региональными ТНК посредством создания дочерних структур и их продажи.

Экономический кризис 2008—2009 гг. отразился на экономической политике стран Балтийского региона — возросла безработица, снизилась инвестиционная привлекательность стран Прибалтики. При этом крупнейшие ТНК Германии, Швеции, Дании и Финляндии стремятся генерировать иннова-

ции на территории своих стран в головных предприятиях и создавать свои дочерние производства в азиатских странах, где рабочая сила дешевле, чем в Прибалтике, а также есть растущий рынок сбыта промышленной продукции.

Между тем успешным примером долгосрочного внутрирегионального сотрудничества являются совместные проекты Германии и стран Скандинавии. Приток взаимных инвестиций между Германией, Данией, Швецией продолжается с 1970-х гг. Это способствовало экономическому и промышленному развитию приграничных территорий этих стран [9; 10].

Самым успешным примером интеграционной промышленной и экономической политики в странах Восточной Балтии является Польша. Крупный и емкий внутренний рынок, наличие относительно дешевой, по сравнению со странами Скандинавии, рабочей силы, а также стабильное законодательство позволили привлечь крупных инвесторов, создать зоны приграничного сотрудничества на своей территории. Сама Польша расширяет свой рынок за счет сотрудничества со странами постсоциалистического пространства, в частности с Литвой [9].

Корпоративная интеграция российских фирм в Балтийском регионе определяется тремя характеристиками: 1) преобладанием транзитных и энергетических проектов; 2) низкой конкурентоспособностью большинства отраслей российской промышленности по сравнению с развитыми странами Балтийского региона; 3) институциональными недоработками в сфере диалога между ЕС и Российской Федерацией [6].

Таким образом, обобщая вышесказанное, отметим, что к настоящему времени страны Балтийского региона сформировали многосторонние форматы регионального сотрудничества, что значительно ускорило процесс регионализации. Балтийский регион стал важной частью глобальных процессов международной интеграции.

Процессы локализации нашли свое отражение в проектах приграничного сотрудничества и программах устойчивого

развития зоны Балтийского моря. Вокруг Балтийского моря развиваются новые пространственные формы международного торгового, кластерного, инвестиционного и производственного сотрудничества. Опыт развивающихся на Балтике транснациональных и трансграничных связей активно изучается, в том числе для возможного использования в других регионах мира.

Список литературы

1. Ахутина Д. В., Воронцова С. Д., Лазовский С. В. и др. Балтийское море: от координации стратегий к процветанию макрорегиона. 2-е изд. / Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». СПб., 2013.
2. Баранова Ю. В. О международном сотрудничестве Северо-Запада России в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. 2012. № 4 (14). С. 150—166.
3. Балтийское соседство. Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX—XXI вв. / РАН, Институт всеобщей истории; отв. ред. А. А. Комаров. М., 2014.
4. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. «Северное измерение» и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37—47.
5. Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю., Осмоловская Л. Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 97—117.
6. Евченко Н. Н. Приграничное сотрудничество России: законодательная база и направления ее совершенствования // Региональная экономика. Юг России. 2012. № 13. С. 18—25.
7. Косов Ю. В., Грибанов Г. И. Стратегия ЕС для Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 48—66.
8. Межевич Н. М., Крестинин Г. В., Фёдоров Г. М. К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 3. С. 15—29.
9. Паньшин И. В., Ярьес О. Б., Земскова М. С. Интеграционное развитие приграничных российских регионов в рамках таможенного союза: ресурсообеспеченность и экономический рост // Актуальные проблемы экономики. 2014. № 8 (158). С. 204—214.

10. *Сологуб А.П.* Особенности подхода Европейского союза к поддержке международных проектов в регионе Балтийского моря // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. 2015. №7 (57). Ч. 2. С. 161—164.

11. *Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю.* Трансграничный регион: понятие, сущность, форма : монография. Владивосток, 2010.

12. *Федоров Г.М., Волошенко Е.В., Михайлова А.А. и др.* Территориальные различия инновационного развития Швеции, Финляндии и Северо-Западного федерального округа РФ // Балтийский регион. 2012. №3. С. 87—102.

13. *Rietveld P.* Barrier Effects of Borders: Implications for Border-Crossing Infrastructures // EJTIR. 2012. № 12 (2). P. 150—166.

14. *Гусарова В.Н.* Анализ уровня экономического развития государств региона Балтийского моря. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-urovnya-ekonomicheskogo-razvitiya-gosudarstv-regiona-baltiyskogo-morya> (дата обращения: 10.05.2018).

15. *ЕМИСС.* Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/> (дата обращения: 10.06.2018).

16. *Королева А.В.* Внешнеторговая деятельность Северо-Западного федерального округа со странами региона Балтийского моря. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnetorgovaya-deyatelnost-severo-zapadnogo-federalnogo-okruga-so-stranami-regiona-baltiyskogo-morya> (дата обращения: 10.06.2018).

17. *Межевич Н.М.* Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010—2014 годов. URL: <http://cyberleninka.ru/http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-gosudarstv-pribaltiki-i-krupnye-infrastrukturnye-proekty-2010-2014-godov> (дата обращения: 10.06.2018).

18. *Михайлов А.С.* География международных кластеров в Балтийском регионе. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/geografiya-mezhdunarodnyh-klasterov-v-baltiyskom-regione> (дата обращения: 10.06.2018).

19. *Промежуточный отчет о проведении исследования «Регион Балтийского моря в фокусе стратегий развития ЕС и РФ».* URL: http://www.n-west.ru/wp-content/uploads/2000/02/Promezhutochnyy-otchyot-issledovaniya_21.03.2012.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

20. *Страны Балтии* URL: <http://www.geograf-stud.ru/shpargalki-po-ekonomicheskoy-geografii/218-strany-baltii.html> (дата обращения: 26.05.2018).

Об авторе

Часовский Владимир Иванович, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, природопользования и пространственного развития Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: chassovsky@rambler.ru

The author

Prof. Vladimir I. Chasovskiy, Associate Professor, Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: chassovsky@rambler.ru

Ю. М. Зверев¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И НАТО В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Рассматриваются отношения России и НАТО в Балтийском регионе. Сделан вывод, что их ухудшение и наращивание войск и вооружений НАТО у российских границ формируют негативный фон для трансграничного сотрудничества и препятствуют его развитию. Но, несмотря на это, трансграничное сотрудничество необходимо развивать, поскольку оно способствует диалогу и снижению напряженности и создает почву для налаживания диалога на более высоких уровнях.

The article discusses Russia-NATO relations in the Baltic Sea region. The author holds that their deterioration and the build-up of NATO troops and weapons near the Russian borders have created a negative background for cross-border cooperation and hampers its further development. Despite these negative tendencies, cross-border cooperation needs to be developed as it promotes a mutually beneficial dialogue, reduces tension and sets the stage for discussion at a higher level.

Ключевые слова: Россия, НАТО, расширение НАТО, наращивание войск и вооружений, Балтийский регион, Калининградская область, трансграничное сотрудничество.

Keywords: Russia, NATO, NATO enlargement, build-up of troops and armaments, the Baltic Sea region, the Kaliningrad region, cross-border cooperation.

Характер отношений России и Организации Североатлантического региона (НАТО) существенным образом определяют политический климат в Балтийском регионе и состояние

сотрудничества России со странами, входящими в эту военно-политическую организацию. Это, разумеется, относится и к трансграничному сотрудничеству между регионами России и регионами стран, ныне входящих в НАТО, которое осуществляется с первой половины 1990-х гг. (см. подробнее: [1]).

Во время холодной войны Балтийский регион был одной из передовых линий противостояния НАТО и Организации Варшавского договора (ОВД). Окончание «холодной войны», прекращение существования ОВД, распад СССР, смена политических режимов в бывших социалистических странах радикально изменили геополитическую обстановку в Балтийском регионе. Более того, некоторые авторы (например Д. А. Ланко [2, с. 6]) считают, что именно эти процессы и привели к формированию самого Балтийского региона как новой уже геополитической, а не просто географической реальности.

Вокруг Балтийского моря появилось множество организаций и сетей, координирующих сотрудничество в самых разных сферах. Ведущую роль среди них стал играть основанный в 1992 г. Совет государств Балтийского моря (СГБМ). Именно в этот период стало активно развиваться трансграничное сотрудничество с участием регионов бывших социалистических и постсоветских государств региона (включая Россию). Стали создаваться еврорегионы с участием регионов России. Важную роль в координации и развитии трансграничного сотрудничества на Балтике начал играть Европейский союз, в состав которого в 1995 г. вошли Швеция и Финляндия, а в 2004 г. — Польша, Литва, Латвия и Эстония.

Проблемы военной безопасности на какое-то время отошли на второй план. Российские войска в 1993—1994 гг. были выведены из Германии, Польши и прибалтийских государств. Начало сокращаться американское военное присутствие в Европе, в том числе в Германии. Существенно сократились вооруженные силы всех государств Балтийского региона.

В новых условиях открылась возможность формирования новой архитектуры безопасности в Балтийском регионе и на европейском континенте в целом. В частности, обсуждалась

возможность создания в Центральной и Восточной Европе «нейтрального пояса» государств, разделяющего НАТО и Россию. Рассматривалась и идея формирования в Балтийском регионе региональной системы безопасности при сохранении внеблокового статуса Литвы, Латвии, Эстонии. Однако в конечном итоге ситуация стала развиваться в направлении расширения НАТО на восток. То, что произошло дальше, лучше всего описывается известным французским крылатым выражением «C'est pire qu'un crime, c'est une faute» («Это больше, чем преступление, это ошибка»). Патриарх американской внешней политики Джордж Кеннан пророчески писал: «Расширение НАТО станет самой роковой ошибкой американской политики за весь период после холодной войны. Такое решение может породить националистические, антизападные и милитаристские тенденции в российском общественном мнении. Оно окажет негативное воздействие на развитие демократии в России, возродит дух холодной войны в отношениях между Востоком и Западом, а также направит внешнюю политику этой страны в неприемлемое для нас русло» (цит. по: [3]). Именно так в итоге и произошло.

Расширение НАТО, начавшееся 12 марта 1999 г. с принятием в Альянс Польши, Чешской Республики и Венгрии, неблагоприятно сказалось и на геополитической ситуации в Балтийском регионе. Стали возрождаться старые разделительные линии, причем они сдвинулись на восток. Причем это расширение происходило на фоне бомбардировок Югославии силами НАТО, начавшихся 24 марта без санкции ООН. Эти первые после Второй мировой войны бомбардировки европейских городов были восприняты большинством российского населения как прямая угроза для безопасности России и резко ухудшили отношение россиян к США и НАТО. Причем решение о вхождении в НАТО новых членов воспринималось болезненно во многом еще и потому, что оно принято вопреки позиции России. Создающаяся общественная атмосфера вряд ли способствовала развитию сотрудничества, в том числе и трансграничного.

Отметим, что для расширения НАТО не было разумных военных оснований. В Балтийском регионе оно происходило на фоне сокращения российских вооруженных сил на Северо-Западе, в частности в Калининградской области. Так в 1990-х гг. были отведены от границы с Польшей и Литвой части дислоцировавшейся в области 11-й отдельной гвардейской армии. До этого почти треть воинских частей армии, прежде всего танковых и артиллерийских, размещалась как бы на нейтральной полосе, примерно в 200—300 метрах от границы (а в некоторых случаях до государственной границы было всего 10 метров) [4, с. 334]. А 1 декабря 1997 г. 11-я гвардейская армия была ликвидирована и преобразована в сухопутные и береговые войска Балтийского флота [5, с. 129]. Из четырех дивизий бывшей армии к 1 января 1999 г. остались только две, включая одну кадрировочную (остальные были преобразованы сначала в базы вооружения и военной техники) [4, с. 329; 5, с. 132]. В 2002 г. обе дивизии были сокращены до мотострелковых бригад, а в 2009 г. одна из бригад — до мотострелкового полка [6; 7]. В 2008 г. из области было выведено около 800 из 880 базировавшихся там в то время танков [8]. Существенно сократилась авиационная группировка на территории Калининградской области [9] и корабельный состав Балтийского флота. Значительные сокращения войск и вооружений произошли и в других регионах российского Северо-Запада. И в НАТО все это было прекрасно известно, в том числе благодаря обмену данными и инспекциям российских воинских частей в рамках Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г.

Важно отметить и то, что в тот период, когда Польша и страны Прибалтики находились вне Североатлантического альянса, Россия ни разу не угрожала применением по отношению к ним военной силы и тем более не предпринимала попыток такого рода. Ярким свидетельством того, что РФ уже к концу 1990-х гг. оставила надежды на возвращение Прибалтики хотя бы в зону своего экономического влияния (если тако-

вые вообще существовали) стал указ президента Российской Федерации № 554 от 6 июня 1997 г. «Об обеспечении транзита грузов через прибрежные территории Финского залива», согласно которому началось строительство портов Приморск, Усть-Луга и порта в бухте Батарейная (последний так и не был построен) [10].

Регионы Северо-Запада в 1990-е гг. начали активно развивать трансграничное сотрудничество с регионами соседних государств. Правительство России 22 мая 1992 г. заключило соглашение с Правительством Польши о сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и северо-восточных воеводств Республики Польша [11]. Аналогичное соглашение о долгосрочном сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и регионов Литовской Республики было заключено с Литвой 26 июня 1999 г. [12]. Двадцатого июля 1992 г. было подписано Соглашение между Правительством Финляндской Республики и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области [13]. С участием российских регионов на Балтике и в ее окрестностях до расширения НАТО в 2004 г. были образованы еврорегионы «Балтика» (1998), «Сауле» (1999), «Карелия» (2000), «Неман» (Россия присоединилась в 2002 г.), «Лына — Лава» (2003). «Псков — Ливония» (2003). Активно развивались различные проекты трансграничного сотрудничества с участием российских регионов. То есть никаких формальных поводов для принятия в НАТО Польши и стран Прибалтики, заключающихся в нарастании внешних угроз их безопасности, попросту не существовало.

Те же на Западе, кто считал расширение НАТО страховкой на тот случай, если Россия будет проводить реваншистский и антизападный внешнеполитический курс, на самом деле способствовали движению событий именно в этом направлении. Возможно, вполне сознательно, ибо военному блоку, каковым при всей его политической составляющей остается НАТО, не-

обходим куда более «солидный» враг, чем международный терроризм. В конечном счете противостояние более сильному противнику (реальному или потенциальному) влечет за собой и совсем другой уровень военных контрактов для военно-промышленных комплексов стран НАТО, прежде всего США.

Превращение границ российских регионов со странами НАТО в потенциальную линию фронта существенно осложняет трансграничное сотрудничество. Так, например, приостановление (а фактически прекращение) действия по инициативе Польши с 4 июля 2016 г. режима Местного приграничного передвижения (МПП) с Калининградской областью, существовавшего с 27 июля 2012 г., было явно связано с прошедшим вскоре (8—9 июля) саммитом НАТО в Варшаве. На нем, в частности, было принято решение разместить в зоне действия соглашения с польской стороны многонациональную боевую группу усиленного передового присутствия НАТО во главе с США. Первые американские военнослужащие, входящие в состав группы, прибыли на место своей дислокации 30 марта 2017 г. По состоянию на 1 февраля 2018 г. боевая группа НАТО в Ожише (Бемово-Писке) (примерно 57 км от российской границы) насчитывала более 1100 военнослужащих из США (около 800), Великобритании, Румынии и Хорватии [14]. Еще три боевые группы НАТО, возглавляемые Германией, Канадой и Великобританией соответственно, были дислоцированы в Литве, Латвии и Эстонии. Группа в Литве размещается в Рукле и насчитывает более 1400 военнослужащих из Германии (около 700), Франции, Нидерландов, Хорватии и Норвегии [14].

Четвертого июля 2017 г. в Эльблонге был открыт штаб многонациональной дивизии НАТО «Северо-Восток» (MND-NE), которой подчинены все четыре боевые группы НАТО в Польше и Прибалтике [15].

Идет перевооружение польских воинских частей у границы Калининградской области (они, кстати, в отличие от российских от общей границы отведены не были). В 2015 г. заяв-

лено, что будет увеличено число солдат и боевой техники и у границы с Калининградской областью. В 2014 г. 9-я бронекавалерийская бригада 16-й Поморской механизированной дивизии имени короля Казимежа Ягеллончика в Бранево получила новые польские танки PT-91 Twardy. В 11-й Мазурский артиллерийский полк в Венгожево поступают самоходные гаубицы Krab с дальностью стрельбы до 40 километров. Там же планируют разместить новые реактивные системы залпового огня HOMAR с дальностью стрельбы до 300 км [16].

Учебный центр сухопутных войск Польши Ожиш в Бемово-Писке площадью около 17 000 га активно используется для проведения учений с участием других стран НАТО [17]. Так, например, в ноябре 2015 г. там тренировались немецкие танки Leopard 2A6 [18]. А во время многонациональных учений Saber Strike 18, проведенных Командованием сухопутных войск (армии) США в Европе в июне 2018 г., там были размещены реактивные установки залпового огня HIMARS Сухопутных войск национальной гвардии штата Кентукки, способные стрелять на дальность 30—100 км (тактической ракетой Advanced Tactical Missile System (ATACMS) — до 300 км) [19].

Польское Министерство внутренних дел утверждает, что причиной отмены МПП является «растущая милитаризация» Калининградской области, а также «повышенная активность специальных служб и других российских подразделений». Кроме того, как утверждает польское МВД, «нужно обратить внимание на возможные опасные действия гибридного характера, основанные на разведке, провокациях, кибератаках и экономическом давлении» [20]. Можно поспорить как по существу этих обвинений, так и о том, что являлось причиной, а что следствием. Так, определенное и вполне адекватное меняющейся военно-политической ситуации укрепление военной группировки в Калининградской области (в частности, размещение в ней оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер-М») произошло уже после отмены режима МПП и принятия решения о дислокации в Польше и Прибалтике бое-

вых групп НАТО [21; 22]. При этом постоянное размещение тех же «Искандеров» в Калининградской области Россия оттягивала до последнего — местная ракетная бригада стала предпоследней из всех российских бригад, перевооруженных на этот ОТРК, причем с момента первого объявления о возможном постоянном размещении в Калининградской области «Искандеров» до того, как оно действительно состоялось, прошло девять лет [21].

Нынешние отношения России и НАТО (в том числе в Балтийском регионе) создают негативный фон для развития трансграничного сотрудничества, препятствуя контактам и кооперации. Крайне сложно одновременно готовиться к военным действиям в пограничных зонах и пытаться реализовывать там же проекты сотрудничества. Если эти отношения продолжат ухудшаться, то рано или поздно (как уже произошло с МПП) правильно или ложно трактуемые соображения безопасности, переходящие в шпиономанию, начнут ставить шлагбаумы на пути взаимовыгодных проектов.

В то же время сохранение связей и реализация пусть локальных проектов на муниципальном и региональном уровнях даже в этих условиях остаются одним из важных способов поддержания диалога и восстановления доверия. Это в конечном счете может стимулировать диалог и поиск точек соприкосновения и на более высоких уровнях. И поэтому трансграничное сотрудничество необходимо продолжать развивать, несмотря на все препятствия.

Благодарности.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности».

Список литературы

1. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Россия на Балтике: 1990—2012 годы : монография. 2-е изд., доп. и перераб. Калининград, 2013.

2. Ланко Д. А. Процессы глобализации, регионализации и локализации вокруг Балтийского моря. СПб., 2008.
3. *Dave Majumdar*. The Rise of Russia's Military // The National Interest. 2018. June 19. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-rise-russias-military-26339?page=show> (дата обращения: 05.07.2018).
4. Макаров Н. Е. На службе России. М., 2017.
5. Егоров В. Г. Вахту сдал исправно. Калининград, 2008. Кн. 1.
6. *1st Guards Proletarskaya Moskovsko-Minskaya order of Lenin twice Red Banner order of Suvorov and Kutuzov Motorised Rifle Division // Soviet Armed Forces 1945—1991*. Organisation and order of battle. URL: <http://www.wv2.dk/new/army/msd/1gvmsd.htm> (дата обращения: 05.07.2018).
7. *18th Guards Insterburgskaya Red Banner order of Suvorov Motorised Rifle Division // Soviet Armed Forces 1945—1991*. Organisation and order of battle. URL: <http://www.wv2.dk/new/army/msd/18gvmsd.htm> (дата обращения: 05.07.2018).
8. *Минобороны* вывело из Калининградской области около 800 танков // Известия. 2008. 10 дек. URL: <https://iz.ru/news/440853> (дата обращения: 05.07.2018).
9. Юрий Зверев. Модернизация авиационной группировки в Калининграде: Как Россия отвечает на усиление НАТО // Евразия. Эксперт. 2018. 2 апр. URL: <http://eurasia.expert/vozdushnyu-shchit-kaliningradskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost/> (дата обращения: 05.07.2018).
10. *Об обеспечении* транзита грузов через прибрежные территории Финского залива // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11027> (дата обращения: 05.07.2018).
11. *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и северо-восточных воеводств Республики Польша // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовой и научно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901876421> (дата обращения: 05.07.2018).
12. *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о долгосрочном сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и регионов Литовской Республики // Там же. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902102950> (дата обращения: 05.07.2018).

13. *Соглашение* между Правительством Финляндской Республики и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовой и научно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900157> (дата обращения: 05.07.2018).

14. *NATO's Enhanced Forward Presence*. February 2018 // NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_05/1705-factsheet-efp.pdf (дата обращения: 05.07.2018).

15. *General Farina Attends Inauguration Ceremony for Multinational Division North-East* // Allied Joint Force Command. 2017. 4 Jul. URL: <https://jfcbs.nato.int/page5964943/2017/general-farina--witnessed-the-inauguration-ceremony-for-multinational-division-northeast> (дата обращения: 05.07.2018).

16. *Юрий Зверев*. Польша усиленно перевооружается // Евразия. Эксперт. 2016. 13 окт. URL: <http://eurasia.expert/polsha-usilenno-perevoorzhaetsya/> (дата обращения: 05.07.2018).

17. *Marek Dąbrowski*. Orzysz Range Ready to Host the Allies // Defence 24.com. 2018. 5 lut. URL: <https://www.defence24.com/orzysz-range-ready-to-host-the-allies> (дата обращения: 05.07.2018).

18. *German Leopards in Orzysz*. “Persistent Presence” Exercise // Defence 24.com. 2015. 23 list. URL: <https://www.defence24.com/german-leopards-in-orzysz-persistent-presence-exercise> (дата обращения: 05.07.2018).

19. *Alan Prince*. Kentucky Army National Guard brings the firepower to Saber Strike 18 // United States Army Europe. 2018. June 6. URL: <http://www.eur.army.mil/Newsroom/News/News-Article-View/Article/1542343/kentucky-army-national-guard-brings-the-firepower-to-saber-strike-18/> (дата обращения: 05.07.2018).

20. *МВД* Польши не согласилось возобновить МПП с Калининградом на время ЧМ-2018 // Калининград. Ru. 07.08.2017. URL: <https://kgd.ru/news/polsha/item/65785-v-polshe-obyasnili-pochemu-ne-vo-zobnovlyayut-mpp-s-kaliningradskoj-oblastyu> (дата обращения: 05.07.2018).

21. *Юрий Зверев*. НАТО вход воспрещен. «Искандер» в Калининградской области — это лишь часть стратегии России // Евразия. Эксперт. 2017. 20 дек. URL: <http://eurasia.expert/nato-vkhod-vospreshchen-iskandery-v-kaliningradskoy-oblasti-eto-lish-chast-strategii-rossii/> (дата обращения: 05.07.2018).

22. *Юрий Зверев*. Небо и море под контролем. Как Россия защищает Калининградскую область // Евразия. Эксперт. 2018. 5 янв. URL: <http://eurasia.expert/nebo-i-more-pod-kontrolem-kak-rossiya-zashchishchaet-kaliningradskuyu-oblast/> (дата обращения: 05.07.2018).

Об авторе

Зверев Юрий Михайлович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии, природопользования и пространственного развития Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

The author

Dr Yury M. Zverev, Associate Professor, Head of Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

З. А. Семенова¹, А. И. Чистобаев¹, С. В. Новикова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ДЕСТИНАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Дана оценка условий развития медицинского туризма в Санкт-Петербурге, обоснованы стратегические приоритеты его дальнейшего развития. Сделан вывод о становлении Санкт-Петербурга как конкурентоспособной инновационной дестинации на медико-туристском рынке Балтийского региона.

The authors evaluate the conditions for the development of medical tourism and substantiate its future priorities. The authors conclude that Saint Petersburg has become an innovative competitive destination of medical tourism in the Baltic Sea region.

Ключевые слова: индустрия туризма, медицинские учреждения, информационный портал, туроператорская деятельность, сервис.

Keywords: tourism industry, healthcare institutions, web portal, tour operating, services.

Введение

Здоровье является универсальной ценностью для человека, этим объясняется его заинтересованность в получении качественных медицинских услуг. Отсутствие таковых или высокая стоимость лечения в местах постоянного проживания побуждает людей к поиску подходящих медицинских услуг в другом регионе своей страны или за ее пределами. Получая медицинскую помощь вне среды своего обитания, пациент приобретает статус медицинского туриста [1; 2].

Цель исследования состоит в выявлении функций и стратегических приоритетов в развитии петербургской инновационной дестинации медицинского туризма.

Методология исследования базируется на пофакторном анализе, системно-структурном, логическом, статистическом методах. *Информационным ресурсом работы* послужили статистические данные из официальных источников, электронные ресурсы, периодическая профильная литература, материалы социологических опросов, аналитические и нормативно-правовые документы по данной проблематике.

Сфера здравоохранения и медицинский туризм в Санкт-Петербурге. В настоящее время в городе действует более 100 стационаров и около 400 амбулаторно-поликлинических учреждений, 32 научно-исследовательских института медицинского профиля, свыше тысячи частных медицинских организаций; в системе городского здравоохранения трудятся более 150 тыс. медицинских работников. По результатам рейтинга государственных и частных учреждений городской системы здравоохранения выявляются наиболее значимые учреждения системы здравоохранения (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее значимые учреждения здравоохранения Санкт-Петербурга по результатам рейтинга 2016 г.

Государственные	Частные
ФГБУ «НИИ онкологии им. Н. Н. Петрова» Минздрава России	Клиники СМТ («Современные медицинские технологии»)
СПб ГБУЗ «Городская многопрофильная больница № 2	Группа компаний «АВА-ПЕ-ТЕР»
СПб ГБУЗ «Александровская больница»	Медицинский холдинг «Медика»
СПб ГБУЗ «Детская городская больница № 1	Группа компаний «Меди»
СПб ГБУЗ «Городская больница № 40»	Медицинский центр «XXI век»
ФГБУ «НМИЦ им. В. А. Алмазова» Минздрава России	Лечебно-диагностический центр МИБС

Составлена авторами по данным [4—7].

За амбулаторной медицинской помощью в государственные учреждения здравоохранения ежегодно обращаются 40—45 тыс. человек и примерно столько же иногородних граждан. Клиническое лечение ежегодно проходят, по разным оценкам [3; 4], от 130 до 150 тыс. человек, при этом почти четыре пятых составляют приезжие пациенты. Наибольшим спросом у медицинских туристов пользуются услуги стоматологии (44%), гинекологии и урологии (23%), пластической хирургии (17%), ортопедии и травматологии (11%). Из других стран Балтийского региона прибывают пациенты на экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), что объясняется относительно высоким коэффициентом результативности — 36% (против 33% общемировой практики).

Медицинский туризм в других странах Балтийского региона

Побудительные мотивы получения в Санкт-Петербурге клинического лечения — относительно высокий профессионализм врачей и доступные цены. По первому показателю петербургская дестинация сопоставима с медициной Германии, а по второму — превосходит ее. По отношению к другим странам Балтийского региона развитие медицинского туризма еще более конкурентоспособно.

В странах Балтии представлены главным образом лечебно-оздоровительные виды туризма. В Эстонии актуален слоган «Республика здоровья: культура SPA в Эстонии за 200 лет». В Латвии развиваются такие клинические виды медицинского туризма: ЭКО, пластическая хирургия, онкология, ортопедия, офтальмология; в Литве — эстетическая хирургия, микрохирургия глаза, стоматология, трансплантация органов, диагностика заболеваний. Рынок медицинского туризма ориентирован на Россию, Беларусь, Финляндию, скандинавские страны.

По уровню развития медицинского туризма наряду с Германией выделяется Польша, которая занимает третье место среди стран центральной Европы (после Венгрии и Чехии). Основные виды лечения: стоматология, пластическая хирур-

гия, ортопедия, восстановительная и реабилитационная медицина. По сравнению с Германией цены, например на стоматологические услуги, значительно ниже (табл. 2).

Таблица 2

**Стоимость стоматологических процедур
в Польше и Германии, евро**

Процедура	Германия	Польша	Экономия, %
Пломбирование зуба	34,0—76,0	20,5—47,0	38—41
Отбеливание зубов	300,0—500,0	155,5—208,0	48—58
Имплантация зуба	1500,0—2000,0	1299,0—1818,0	9—13
Установка керамической коронки	782,0—800,0	259,5—390,0	51—66
Лечение корневого канала зуба	45,0—173,0	38,5—78,0	15—55

Составлена по данным [8].

В других странах Балтийского региона медицинскому туризму уделяется недостаточно внимания. Например, в Финляндии на долю круизного туризма приходится 53,9%, образовательного (языковые курсы) — 12,2%, промышленного — 11,3%, природно-ориентированного — 5,0%, а на долю медицинского туризма — менее 2% [9].

Приведенную информацию о функциях медицинского туризма и ценах на лечение по его сегментам необходимо учитывать при выявлении стратегических приоритетов в медико-туристской специализации клиник Санкт-Петербурга.

**Механизм формирования стратегии
развития медицинского туризма в Санкт-Петербурге**

Для разработки стратегических направлений развития медицинского туризма в Санкт-Петербурге мы использовали такой инструмент, как SWOT-анализ (табл. 3).

Таблица 3

**SWOT-анализ условий развития
медицинского туризма в Санкт-Петербурге**

Положительное влияние условий	Отрицательное влияние условий
Наличие медицинских учреждений, кадров, технологий и разработок; Близость к странам Северной Европы и Балтии, надежность транспортной инфраструктуры Выгодное для иностранцев изменение курса рубля по отношению к доллару и евро Реализация программы «Доступная среда» для людей с ограниченными возможностями здоровья Разнообразие туристских аттракций	Несовершенство нормативно-правовой базы, систем аккредитации и сертификации клиник Отсутствие опытных туроператоров, координирующих взаимодействие клиник и пациентов Визовые сложности, языковой барьер, дорогостоящее размещение и питание Большая налоговая нагрузка на субъекты малого и среднего предпринимательства Слабая маркетинговая деятельность по формированию имиджа дестинации и ее продвижению
Возможности	Угрозы
Инвестиционная привлекательность региона, развитие регионального рынка туризма Разработка комплексных пакетов услуг, включающих размещение, пребывание и лечение туриста Создание условий для регулирования сезонности туризма, преодоление сложностей межкультурной коммуникации Формирование городского оператора медицинского туризма Повышение уровня осведомленности и информированности граждан о туристских возможностях дестинации	Конкуренция со стороны других регионов страны, особенно Москвы; Коррупционная составляющая Рост теневой медицины и платного сектора государственных учреждений Концентрация саммитов и конгрессов в летний сезон, создающая дискомфортные условия для туристов Зависимость от иностранного медицинского оборудования и материалов Негативное влияние финансово-экономического кризиса, нестабильность социально-экономической ситуации в стране

Синтез приведенных в таблице факторов воздействия на развитие медицинского туризма в Санкт-Петербурге позволил создать механизм разработки и реализации стратегии устойчивого развития медицинского туризма в исследуемом регионе (рис.).

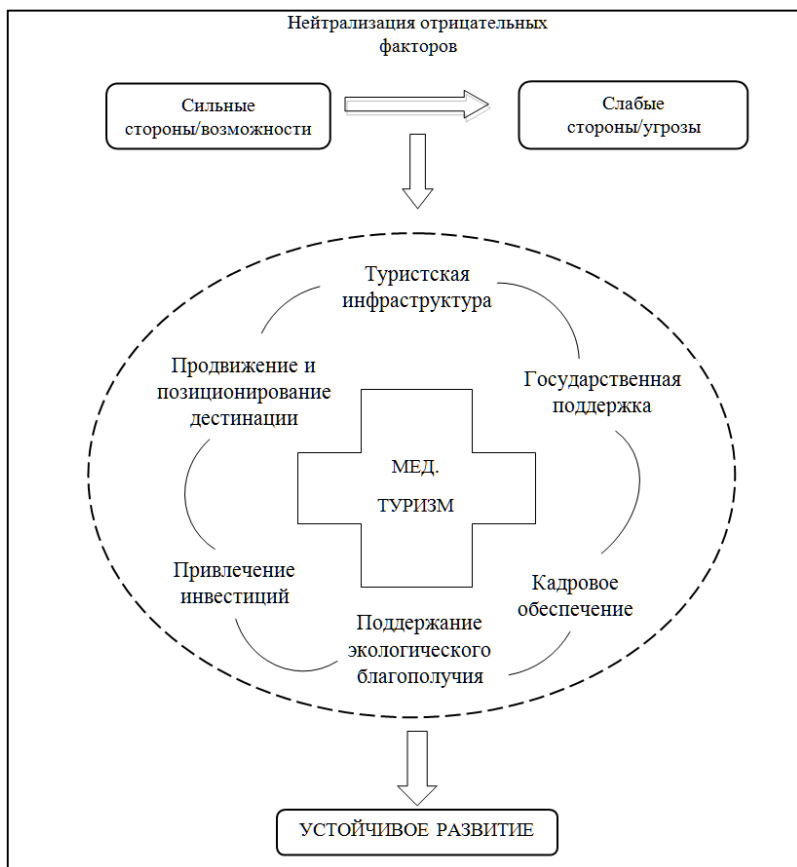

Рис. Механизм формирования стратегии устойчивого развития медицинского туризма в Санкт-Петербурге

Применив к исследованию конкурентных преимуществ Санкт-Петербурга как ключевой инновационной дестинации медицинского туризма модель «конкурентного ромба» М. Портера [10], мы нацелились на получение реальной картины конкурентоспособности медицинского туризма.

Внутриотраслевая конкуренция (стратегия фирмы). Рост востребованности медицинского туризма прямо пропорционален качеству и стоимости медицинских услуг. Туристы, сопоставляя эти параметры, оказывают влияние на уровень конкурентоспособности компаний. В выигрыше оказываются те компании, которые предлагают сформированный и апробированный пакет медико-туристских услуг.

Факторные условия. Санкт-Петербургу присущи особые природно-климатические ресурсы, высокий стандарт медицинских услуг. Государственные и частные клиники устойчиво наращивают свой капитал. Научно-исследовательские институты и лаборатории разрабатывают новейшие методы лечения, используют высокотехнологичное оборудование.

Условия спроса. Они важны как для внутреннего, так и для внешнего потребителя медико-туристских услуг. Внутренний потребитель вызывает ускорение темпов развития местных компаний, что способствует достижению преимущества перед зарубежными и/или региональными конкурентами, привлечение медицинских туристов из других стран и регионов.

Поддерживающие отрасли. Санкт-Петербургу свойственны обширность, разнообразие и высокий — относительно других регионов РФ (исключая Москву) — уровень качества инфраструктуры.

Сопоставление развития медицинского туризма в Санкт-Петербурге и Москве

Обоим мегаполисам присущи многопрофильность лечебно-профилактических учреждений, компетентность врачей, высокий уровень сервиса медицинской помощи, приемлемые цены в сравнении с европейскими дестинациями, культурная и историческая значимость. Однако столичный фактор, масшта-

бы населения и уровень развития сферы услуг создают для Москвы немалые преимущества, что отражается в динамике туристского потока (табл. 4).

Различия в прибытии иностранных туристов не столь велики, как в общем количестве туристских потоков: в 2017 г. в Санкт-Петербург прибыло 3,75 млн иностранцев, а в Москву — 4,8 млн, то есть превышение в столице — в 1,3 раза, в то время как в общем потоке туристов — в 3 раза.

Таблица 4

Динамика туристского потока в Санкт-Петербург и Москву

Показатель	Санкт-Петербург		Москва	
	2014	2017	2014	2017
Количество прибывших туристов, млн чел., всего	6,3	7,5	16,5	21,6
В том числе иностранцы	—	3,75	—	4,8
Численность размещенных в КСР* лиц, тыс. чел., всего	2 679,1	3 534,6	5 618,7	9560,4
Из них:				
граждане РФ	1779,9	2271,6	3768,9	7043,8
граждане других государств	899,2	1263,0	1849,8	2516,6

Примечание. *КСР — коллективное средство размещения.
Составлена по данным [11; 12].

Стратегия развития медицинского туризма в Санкт-Петербурге

Главным условием развития медицинского туризма является наличие высококвалифицированной рабочей силы. Для одновременной координации медицинских и туристских услуг нужны туроператоры, обладающие достаточным уровнем знаний и компетенций как в медицине, так и в туризме. Применительно к въездному туризму медицинский персонал должен владеть хотя бы одним из наиболее распространенных иностранных языков. Важно создать трудовую мобильность и об-

мен знаниями между ведущими отечественными и зарубежными медицинскими учреждениями, особенно с компаниями Германии — страной, занимающей высокое место в рейтинге мирового медицинского туризма.

В целях улучшения и последующего поддержания качества медицинских услуг необходимы стандартизация, сертификация и аккредитация лечебно-профилактических учреждений. Наличие соответствующих документов увеличивает шансы клиники на выбор медицинских туристов. Санкт-Петербург имеет все предпосылки для успешного прохождения процедуры аккредитации.

Формирование положительного опыта потребителя достигается при создании единого оператора медицинского туризма, но в настоящее время поиск сведений о лечении возможен только на официальных сайтах медицинских учреждений, единого информационного портала пока нет. Создание городского агентства по медицинскому туризму находится в стадии завершения.

Создание прочной сети регулирования и координации медицинских структур позволяет увеличить денежный поток из-за рубежа, поднять имидж города. Налаживание контактов между лечебно-профилактическими учреждениями внутри города способствует формированию медико-туристского кластера. Так, санаторий «Дюны» (Курортный район города) сотрудничает с городскими клиниками, из которых прооперированные пациенты перемещаются в санаторий для прохождения реабилитации.

Упрощение туристских формальностей относится прежде всего к введению медицинской визы, что позволило бы существенно увеличить инвестиционную привлекательность и улучшить имидж города.

В качестве ключевых приоритетов в индустрии медицинского туризма нами выделены: 1) разработка информационного портала; 2) реализация деятельности туроператорского предприятия; 3) улучшение качества сервиса и обслуживания. Рассмотрим их.

Портал медицинского туризма предназначается для отображения информации на нескольких иностранных языках, он играет роль путеводителя по выбираемой дестинации. Пользователь портала сможет обратиться за консультацией в режиме онлайн или по телефону горячей линии.

Основные профильные медицинские направления деятельности туроператорского предприятия — дистанционная консультация с компетентным специалистом по диагностике заболевания и видам лечения. В деятельности туроператорского предприятия необходим персонифицированный подход.

Дистанционное консультирование (или телемедицина) официально закреплено в федеральном законе от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья». В соответствии с ним открылась возможность электронной записи на прием и других форм общения врача и пациента. В этом отношении Санкт-Петербург стал лидером среди российских регионов.

Диагностическое обследование выполняется в течение 2—3 дней, у пациента остается время для посещения городских достопримечательностей. Эту особенность услуги туроператор должен предвидеть и предложить организацию культурного досуга.

Организация основных видов лечения тяжелых заболеваний для туроператора чрезвычайно важна, поскольку необходимо обеспечить сопровождение клиента, подобрать варианты реабилитационных программ, в экстренном случае гарантировать транспортировку пациента. Городской онкологический диспансер в Санкт-Петербурге имеет налаженную связь с клиниками Германии и Израиля.

Задача улучшения качества объектов инфраструктуры, сервиса и обслуживания заключается в подборе средств размещения, мест рекреации и общественного питания, досуга. Выполненный нами анализ инфраструктуры медицинского туризма вблизи некоторых лечебно-профилактических учреждений свидетельствует о наличии актуальных проблем.

Но есть и удачные примеры инфраструктурного обеспечения лечебно-профилактических объектов. Так, в Курортном районе, где функционируют десятки санаториев и пансионатов, ежегодно принимающих свыше 300 тыс. петербуржцев и гостей города, открыты университетские кафедры, которые реализуют инновационные технологии и методы лечения. В развитии инфраструктурных систем участвуют бизнес-структуры на условиях государственно-частного партнерства. Например, новый корпус городской больницы №40 в Сестрорецке строится при участии ООО «Невская медицинская инфраструктура».

Новым явлением стало внедрение комплексных сервисных технологий. Специальные медицинские такси доставляют пациента в санаторий и обратно домой, в обязанности водителя входит сопровождение клиента до регистратуры, приемного покоя, кабинета врача. Медицинский консьерж предоставляет прибывшим туристам персонального куратора, который может ответить на возникающие вопросы. Такой подход к организации обслуживания медицинских туристов повышает престиж дестинации и статус лечебно-профилактических учреждений.

Заключение

Сегодня в мире набирает популярность новый тренд — медицинский туризм, который является одним из реальных инструментов оздоровления нации. В условиях глобальной экономической конкуренции эволюционность медицинского туризма стимулирует систему здравоохранения к прогрессу за счет внедрения современных технологий, улучшения сервисного обслуживания и повышения квалификации медицинских кадров, способствует формированию конкурентоспособного медико-туристского продукта.

Санкт-Петербург обладает высоким потенциалом для развития медицинского туризма благодаря наличию высокотехнологичных медицинских центров, многопрофильных лечеб-

но-профилактических и других учреждений, способных предоставлять качественные медико-туристские услуги. Однако отсутствие комплексного, системного подходов к экспорту медико-туристских услуг существенно тормозит развитие медицинского туризма.

Задача исследователей состоит в дальнейшем совершенствовании теоретико-методологических основ управления устойчивым развитием медицинского туризма как новой отрасли экономики. Решение этой задачи особенно важно для северной столицы России.

Благодарности.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-05-00328а «Теория и методология интегральной оценки состояния здоровья населения в изменяющихся социально-географических условиях жизни».

Список литературы

1. Семенова З.А., Чистобаев А.И. Медицинская география и здоровье населения: эволюция знания. СПб., 2015.
2. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Медицинский туризм — новая отрасль экономики // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики : матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 19—21 апреля 2017 г. / Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. СПб., 2017. Т. 3. С. 160—164.
3. *Лечебное путешествие*. 1991—2017. URL: https://www.kommer.sant.ru/doc/2994141_ (дата обращения: 25.11.2017).
4. *Рейтинг государственных клиник Санкт-Петербурга — 2016*. URL: <http://longread.fontanka.ru/page549981.html> (дата обращения: 14.03.2018).
5. *Исследование рынка коммерческой медицины в России за 2016 г. — первую половину 2017 г.* URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/\\$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf) (дата обращения: 20.03.2018).
6. *Медицинский рейтинг 2017*. URL: http://story.dp.ru/medranking#all_ (дата обращения: 14.03.2018).

7. *Официальный* городской туристический портал Visit Petersburg. URL: http://www.visit-petersburg.ru/medical_tourism/ (дата обращения: 18.11.2017).

8. *Медицинский* туризм в Польше. URL: <https://www.health-tourism.com/medical-tourism-poland/> (дата обращения: 14.06.2018).

9. *Туристический* спрос Финляндии. URL: http://www.visitfinland.fi/wpcontent/uploads/2015/10/Finlands_Touristic-Demand_Summary.pdf?dl (дата обращения: 14.06.2018).

10. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. N. Y., 1998.

11. *Территориальный* орган Федеральной службы государственной статистики по г. Москве. 1999—2017. URL: <http://moscow.gks.ru/> (дата обращения: 09.03.2018).

12. *Управление* Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. 1999—2017. URL: <http://petrostat.gks.ru/> (дата обращения: 09.03.2018).

Об авторах

Семенова Зоя Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры страноведения и международного туризма Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: semzoy@yandex.ru

Чистобаев Анатолий Иванович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, действительный член (академик) Академии геополитических проблем, Экологической академии России, Петровской академии наук и искусств, Россия.

E-mail: chistobaev40@mail.ru

Новикова София Владиславовна, бакалавр туризма по направлению «Технология и организация туроператорских и турагентских услуг» Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: soly_duchess@mail.ru

The authors

Dr Zoya A. Semenova, Assistant Professor, Department of Geography and International Tourism, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: semzoy@yandex.ru

Prof. Anatoly I. Chistobayev, Department of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: chistobaev40@mail.ru

Sofia V. Novikova, Bachelor of Tourism, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: soly_uchess@mail.ru

А. Г. Манаков¹

¹ Псковский государственный университет (Псков, Россия)

ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЭСТОНИЕЙ И ЛАТВИЕЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Сложная социально-экономическая ситуация на территориях, расположенных на стыке границ России с Эстонией и Латвией, заставляет искать новые направления трансграничного сотрудничества. К числу таких направлений относится развитие трансграничного туризма. Вдоль границы России с Эстонией и Латвией выделено семь трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов, рассмотрены возможности развития различных видов туризма в них.

The complex social and economic situation in the territories located at the junction of Russia's borders with Estonia and Latvia makes it necessary to find new directions for transboundary cooperation. These include the development of cross-border tourism. Seven cross-border tourist-recreational microregions have been identified along the border of Russia with Estonia and Latvia. The author analyses opportunities for the development of various types of tourism in these regions.

Ключевые слова: трансграничный туризм, туристско-рекреационный регион, Россия, Эстония, Латвия.

Keywords: cross-border tourism, tourist-recreational region, Russia, Estonia, Latvia.

Введение

Территории, расположенные на стыке границ России с Эстонией и Латвией, в настоящее время оказались в сложной социально-экономической ситуации. Это связано в первую оче-

редь с периферийностью их географического положения, осложненного барьерным характером границы России со странами ЕС. Активизировать социально-экономическое развитие данных территорий призвано трансграничное сотрудничество, осуществляемое в различных сферах. Одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества между соседними странами выступает развитие трансграничного туризма.

Целью исследования является оценка потенциала трансграничного туризма, раскрытию которого может способствовать расширение трансграничного сотрудничества и снижение «барьерности» границы России с Эстонией и Латвией.

Степень изученности проблемы. Раскрытию потенциала трансграничного туризма уделяло внимание достаточно много работ российских и зарубежных авторов. Так, общим вопросам развития трансграничного туризма посвящены исследования Х. Ваховяк [17] и Т. Студзенецки [12]. Изучением формирования трансграничных туристских регионов занимались следующие исследователи: на словенско-хорватской границе — К. Водеб [16], на финско-шведской границе — Е.-К. Проккола [11], на российско-польской и российско-литовской границах — Т. Студзенецки, Т. Пальмовски, В. С. Корнеевец [13] и Е. Г. Кропинова [4].

Кроме того, Е. Г. Кропинова обобщила результаты исследований по данной тематике в пределах Балтийского региона [3]. Она же сформулировала основные положения теории трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, в частности предложила набор основных и дополнительных признаков наличия трансграничных туристско-рекреационных регионов, разработала иерархию трансграничных регионов, рассмотрела условия, факторы и закономерности их формирования.

Основная часть

На границе России с Эстонией и Латвией к настоящему времени создано два трансграничных образования: еврорегион «Псков — Ливония» и схожее образование, не носящее назва-

ние еврорегиона, — «Территория трансграничного сотрудничества Чудского озера» [2; 9]. Еврорегион «Псков — Ливония» был образован в 2004 г. и первоначально включал пять административных районов Псковской области, три уездных Союза самоуправления Эстонии и четыре района Латвии. Анализ деятельности данного еврорегиона до начала 2010-х гг. был проведен С. Л. Бариновым и П. А. Кирюшиным [1], которые отметили его сильное отставание от ранее созданных еврорегионов в части реализации совместных проектов. К числу совместных проектов в еврорегионе относится и развитие международного туризма.

Что же касается процессов трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, то на границе России с Эстонией и Латвией Е. Г. Кропинова выделила два трансграничных туристско-рекреационных региона мезоуровня: российско-эстонский (от Санкт-Петербурга до Таллина) и российско-эстонско-латвийский (на стыке границ Псковской области и прилегающих стран) [3].

Опираясь на предложенные Е. Г. Кропиновой признаки трансграничного туристско-рекреационного регионообразования (6 основных и 4 дополнительных), мы выделили в пределах российско-эстонско-латвийского трансграничного мезорегиона два микрорегиона первого уровня («Псков — Тарту» и «Псков — Цесис»), а также являющийся их «ядром» микрорегион третьего уровня — «Изборско-Печорский край / Сетомаа». Выделяются также два микрорегиона второго уровня на границе с Латвией — «Пыталово — Резекне» и «Себеж — Резекне» [10]. Особого рассмотрения потребовал микрорегион третьего уровня «Причудский» [6]. И наконец, в пределах российско-эстонского мезорегиона предлагаем рассматривать микрорегион второго уровня «Ивангород — Нарва».

Эти трансграничные туристско-рекреационные микрорегионы распределены по уровню сформированности, для чего была проведена оценка признаков трансграничного туристско-рекреационного регионообразования и величины трансграничных турпотоков. Принимая во внимание, что высокий уро-

вень сформированности возможен только при безвизовом режиме пересечения границы, мы определили уровень «выше среднего» для двух трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов: «Ивангород — Нарва» и «Изборско-Печорский край / Сетомаа». Средний уровень сформированности характерен для микрорегиона «Псков — Тарту», ниже среднего — для микрорегиона «Псков — Цесис», низкий — для микрорегионов «Пыталово — Резекне» и «Себеж — Резекне» [10].

Что касается микрорегиона «Причудский», то его пока можно рассматривать только в качестве потенциального. При этом Причудье обладает значительным потенциалом для развития трансграничного туризма и рекреации. В настоящее время здесь отсутствует трансграничный турпоток, но в случае воссоздания водного транспорта на Псковском и Чудском озерах будет возможна реализация целого ряда туристских программ. Регулярная водная связь между Псковом и Тарту началась еще в середине XIX в. Использование водного транспорта стало наиболее интенсивным в советское время. Например, в 1990 г. по данному маршруту было перевезено более 200 тыс. пассажиров. После распада Советского Союза этот водный маршрут был закрыт. В последующем все попытки его восстановления потерпели неудачу [6]. В «Стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2020 г.» определена перспективная специализация Причудского туристского района на экологическом туризме и рекреации. Количество туристов в российской части Причудья к 2020 г. должно увеличиться до 45 тыс. чел. [8]. Еще более успешное развитие рекреации и туризма в Причудье возможно при восстановлении трансграничных маршрутов водного транспорта.

В настоящее время лидером по трансграничному турпотoku между Россией и Эстонией является мезорегион «Санкт-Петербург — Таллин». К примеру, в 2016 г. столица Эстонии приняла 58% российских туристов (116,6 тыс.), еще 20% пришлось на уезд Ида-Вирумаа (40,2 тыс.), который входит в трансграничный туристско-рекреационный микрорегион «Ивангород — Нарва». Последнему заметно уступает по транс-

граничному турпотoku микрорегион «Псков — Тарту». Так, в 2016 г. Тарту принял лишь 4% российских туристов (16,5 тыс.), посетивших Эстонию [15]. Также невысоким является турпоток россиян из Пскова в Латвию. Соседние с Псковской областью латвийские регионы Видземе и Латгале характеризуются в целом небольшим турпотком (в 2015 г. — 3,4% приема иностранных туристов в Латвии) [14].

С другой стороны, в Псковской области к Эстонии и Латвии примыкает достаточно развитый туристско-рекреационный район, включающий г. Псков и Печорский район [7]. Согласно «Стратегии социально-экономического развития Псковской области» Псково-Печорский туристский район к 2020 г. должен принимать около половины турпотка в Псковской области (350 тыс. чел. в год) [8]. В Печорском районе расположен один из важнейших центров религиозного паломничества в стране — Псково-Печерский (Свято-Успенский) мужской монастырь. Псков, обладающий большим количеством объектов культурно-исторического наследия, относится к числу наиболее известных в России центров историко-культурного туризма. Данный ресурс, уже в достаточной степени востребованный в России, пока еще мало используется в трансграничном туризме.

Значительная часть Печорского района, а также прилегающие территории эстонских уездов Вырумаа и Пылвамаа выделены нами в трансграничный туристско-рекреационный микрорегион «Изборско-Печорский край / Сетомаа», обладающий высоким потенциалом для развития международного туризма. Уникальность туристским ресурсам микрорегиона придает проживающий на его территории и принявший православную религию финно-угорский народ сету (самоназвание — «сето»), который был включен в 2010 г. в список малочисленных народов России. По причине барьерного характера российско-эстонской и российско-латвийской границы туристский потенциал данного микрорегиона не востребован в полной мере. Но даже в этой ситуации развитие трансграничного туризма

позволяет смягчить барьерность границы. Этому может способствовать разработка новых туристских программ, охватывающих весь трансграничный туристско-рекреационный микрорегион [5].

Этнокультурный контраст, который обязан своим существованием древнейшим политическим рубежам, ныне представляющим собой границу России с Эстонией и Латвией, является дополнительным ресурсом для развития туризма. Этот культурный контраст прежде всего имеет религиозную основу — по разные стороны государственной границы видны различия в культурных ландшафтах, наиболее ярко выраженные в архитектурных стилях культовых сооружений, формах построек, типах землепользования и т. п. Примером такого культурного контраста являются расположенные друг напротив друга Ивангородская крепость (Россия) и Нарвский замок (Эстония), разделенные пограничной рекой Нарвой. Порубежность этих территорий на протяжении нескольких столетий привела к строительству крепостей-форпостов по разные стороны границы, что в настоящее время благоприятствует развитию здесь историко-культурного туризма.

В целом следует отметить, что пока в выделенных трансграничных микрорегионах не в полной мере востребованы туристские ресурсы, которые ответственны за развитие этнографического, историко-культурного и событийного туризма. Также здесь имеют хорошие перспективы развития сельский, экологический туризм и рекреация. Развитие туризма в трансграничном российско-эстонско-латвийском мезорегионе стимулируется программами приграничного сотрудничества «Россия — Эстония» и «Россия — Латвия» (ныне действуют программы с 2014 по 2020 г.), а также несколькими совместными проектами (в частности, в рамках еврорегиона «Псков — Ливония»). Росту трансграничного турпотока должно способствовать открытие офисов (уполномоченных агентств) крупных туроператоров в небольших городах в приграничных районах. Заметное расширение контактов между субъектами ту-

ризма в соседних странах связывается с программой подготовки Псковской области к Ганзейским дням, которые пройдут в Пскове в 2019 г.

Заключение

Приграничные территории России, Эстонии и Латвии обладают значительным потенциалом для развития трансграничного туризма. Но в настоящее время возможности сотрудничества России с Эстонией и Латвией в туристско-рекреационной сфере не реализованы в полной мере. Большую роль в активизации трансграничного сотрудничества в сфере туризма и рекреации может сыграть координация программ, разрабатываемых по разные стороны границы, по формированию и развитию трансграничных туристско-рекреационных регионов. Расширение трансграничных контактов в туристско-рекреационной сфере должно содействовать социально-экономическому развитию приграничных российских, эстонских и латвийских территорий, оказавшихся ныне вследствие барьерного характера границы в периферийном положении в своих государствах.

Благодарности.

Исследование выполнено в рамках стратегического проекта Псковского государственного университета «Россия начинается здесь» (программа «Опорный университет»).

Список литературы

1. *Баринов С.Л., Кирюшин П.А.* Характер и результаты развития трансграничных регионов в различных институциональных условиях на примере еврорегионов «Эресунн», «Псков — Ливония» и «Днепр» // Вестник международных организаций. 2013. Т. 8, №4. С. 196—213.
2. *Корнеев В.С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград, 2010.

3. Кропинова Е.Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград, 2016.

4. Кропинова Е.Г. Факторы формирования трансграничного туристско-рекреационного региона «Юго-Восточная Балтика» // Балтийский регион. 2011. №1. С. 106—114.

5. Манаков А.Г., Голомидова Е.С., Крыстев В.К., Янчева К.Д. Потенциал развития трансграничного туристско-рекреационного микрорегиона «Сетомая» // Псковский регионологический журнал. 2018. №2 (34). С. 102—116.

6. Манаков А.Г., Клейменов С.П., Голомидова Е.С. Туристско-рекреационный потенциал трансграничного российско-эстонского микрорегиона «Причудский» // Псковский регионологический журнал. 2018. №1 (33). С. 117—127.

7. Манаков А.Г., Турченко Е.С. Особенности формирования трансграничного туристско-рекреационного региона «Псков — Печоры — Тарту» // Псковский регионологический журнал. 2017. №4 (32). С. 31—39.

8. Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2020 года. Псков — Санкт-Петербург, 2009. URL: http://www.pskov.ru/sites/default/files/documents/2010/soc_econ_strategy_pskov_2020.pdf (дата обращения: 20.10.2017).

9. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. №2. С. 32—42.

10. Manakov A. G., Golomidova E. S. Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region // Baltic Region. Vol. 10, №1. P. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.

11. Prokkola E.-K. Resources and barriers in tourism development: cross-border cooperation, regionalization and destination building at the Finnish-Swedish border // Fennia. 2008. Vol. 186, №1. P. 31—46.

12. Studzieniecki T. Euroregions — new potential destinations // Tourism review. AIAEST. 2005. Vol. 60, №4. P. 26—32.

13. Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V. The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 545—552.

14. Tourism in Latvia 2016. URL: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/nr_30_turisms_latvija_2016_16_00_lv_en.pdf (дата обращения: 25.05.2018).

15. *Tourism in Estonia in 2016*. URL: https://static1.visitestonia.com/docs/3024432_tourism-in-estonia-2016.pdf (дата обращения: 25.05.2018).

16. *Vodeb K.* Cross-border regions as potential tourist destinations along the Slovene-Croatian frontier // *Tourism and Hospitality Management*. 2010. Vol. 16, №2. P. 219—228.

17. *Wachowiak H.* *Tourism and Borders*. Aldershot ; Burlington, 2006.

Об авторе

Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

The author

Prof. Andrei Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Г. В. Кретинин¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

О ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТОВСКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

К 100-летию договора между Россией и Литвой

На рубеже тысячелетий на западных рубежах Древнерусского государства начинают формироваться государства его соседей: вначале поляков, затем литовцев. Отношения в таком треугольнике изначально были сложными. Понимая, что в одиночку ни одно из них не устоит в противостоянии с возраставшим могуществом России, соседи принимают решение объединиться. В унии преобладающим оказалось положение Польши. Проанализированы многовековые отношения трех государств, два из которых обретали, теряли и вновь обретали суверенитеты, конфликтовали между собой, особенно после окончания Первой мировой войны. Особое внимание уделено отношениям новой Литвы и Советской России в контексте присутствия и влияния Польши на эти процессы.

At the turn of the millennium, the states of Poland and later Lithuania began to form on the western frontiers of ancient Russia. Initially, the three states had complicated relations. Poland and Lithuania, realizing that they would not be able to withstand any confrontation with the growing power of Russia, decided to unite. Poland played a dominant role in that union. The author analyses the centuries-old relations of the three states, two of which acquired, lost and reacquired their sovereignty. The author explores the reasons for conflicts, especially after the end of the First World War. Special attention is given to the relations of the new Lithuania and Soviet Russia in the context of Poland's influence on these processes.

Ключевые слова: Советская Россия, Литва, Польша, суверенитет, противостояние, отношения, государства.

Keywords: Soviet Russia, Lithuania, Poland, sovereignty, confrontation, relations, states.

Формирование государственности трех народов — поляков, литовцев и русских — в историческом плане происходит в Средние века. Древнерусское государство ведет свой отсчет с середины IX в., со следующего столетия в Европе появляется польское королевство. Современная Литва несколько лет назад отметила тысячелетие с момента первого упоминания термина «Литва» в летописной истории [2, с. 29], через два с половиной столетия на политической карте возникло и первое литовское государство.

В XIV—XVI вв. Польша практически стала западной страной, переживающей Ренессанс, формирующей свою университетскую сеть, выдвигающейся на авансцену европейской науки. В связи с этим ее поворот на Восток, в результате которого она начала присоединение к себе малых народов (украинцев, белорусов, евреев и татар), оказался не просто неожиданным для европейцев, но привел к прямым столкновениям с Россией.

Понимая, что в одиночку с мощью возрождавшейся России ни Польша, ни тем более Литва не справятся (оба государства к тому же имели проблемы с другими соседями), поляки и литовцы пришли к выводу о необходимости объединения усилий.

В 1386 г. Литва и Польша оказались объединены личной унией.

Важной особенностью этой унии было крещение значительной части литовцев, оставшихся до этого язычниками. В Литву потянулись польские католические священники, а затем и шляхтичи. Под влияние Польши попадали восточные районы Литвы и западно-русские земли (подвластные тогда великому княжеству Литовскому), через которые поляки получали возможность проникать в Курляндию. Постепенно польское влияние в Литве усилилось. Литовские дворяне осваивали польский язык, польские нравы и обычаи. Польская шляхта получила право покупать земли на Литве и занимать там государственные должности.

В 1569 г. возникает единое польско-литовское государство Речь Посполитая, в котором литовское дворянство было уже полностью приравнено к шляхте. Литовское государство как самостоятельное постепенно прекратило свое существование (законодательно — 3 мая 1791 г., после принятия Конституции Речи Посполитой¹). Литовская аристократия была полонизирована, более развитая польская культура вытеснила литовский язык и культуру, носителями которого остались крестьяне и мелкое литовское дворянство, в глубинные районы северо-западной Литвы, в Жемайтию, «откуда есть пошла Литва». По словам Э. Гудавичюса, на «развитие и судьбу литовского народа решающее влияние стала оказывать Польша» [2, с. 658].

После разделов Польши в конце XVIII и вплоть до XX в., находясь в составе России, Литва практически не имела самостоятельной политической истории, оставаясь обычной польской провинцией. Сохранилось польское землевладение в Литве, шляхта получила более широкие права. Не шло и речи ни о каком национальном возрождении и подъеме литовского народа. Наоборот, русское правительство поощряло дальнейшую полонизацию литовцев. Александр I, например, содействовал развитию польских учебных заведений в Вильне. Создавались условия для окончательного усвоения господствовавших в Литве польской культуры и языка. Виленский университет функционировал как один из польских университетов. Литовцам грозило растворение в формирующейся современной польской нации.

После польских восстаний 1831—1831 гг. и 1863 г. Петербург начал проводить политику русификации Прибалтики, одной из составных частей которой стало ограничение влияния Польши в Литве. При этом меры, направленные на отдаление литовцев от поляков, не способствовали и русификации Литвы. Дело в том, что, хотя в литовской печати и было за-

---

¹ В тексте Конституции топоним «Литва» не упоминается. Термины «Речь Посполитая» и «Польша» становятся идентичными.

прещено использование латинского алфавита, но при этом, хоть и на кириллице, но поощрялось использование литовского языка, а обучение в ряде гимназий и духовных семинариях было переведено с польского языка на литовский. Но латиница использовалась в религиозных целях, была распространена среди литовских крестьян. Их консерватизм не способствовал привитию кириллицы, появилась контрабанда литовских изданий на латинице из-за границы, подпольные литовские школы. В начале XX в. литовский язык с использованием латиницы вернулся в Литву.

По мнению современных польских исследователей, в это время начинает формироваться польско-литовский конфликт, последствия которого проявляются поныне. В Литве не без влияния России начала создаваться концепция литовского национального государства [1, с. 96].

На рубеже XIX—XX вв. юго-восточные и восточные районы Литвы (с центром в г. Вильно) имели весьма пестрый национальный состав населения, в котором литовцы явно не преобладали. По переписи населения 1897 г. в Виленской губернии России проживало 56,1% белорусов, 17,6% литовцев, 12,7% евреев, 8,2% поляков и 4,9% великорусов. При этом следует учитывать, что значительная часть белорусов была также полонизирована. Еще более контрастными были показатели проживания в городах Литвы, где литовцы составляли незначительное меньшинство. Показателен в этом плане Вильнюс: в нем насчитывалось 40% евреев, 31% поляков, 24% русских и белорусов и только 2% литовцев. В Ковно большинство также составляли евреи (35,2%), русские и белорусы (25,8%) и поляки (22,7%). Литовцев насчитывалось лишь 6,6%. Перед Первой мировой войной доля литовцев во всей Литве по различным причинам снизилась с 61,6% до 54%, а на востоке (в Виленском, Свенцяном и Трокском уездах) — с 44% до 30% [8, с. 11].

Таким образом, к моменту приобретения независимости Польшей и Литвой в спорном Виленском крае сложилась чрезвычайно противоречивая ситуация. С одной стороны, Виль-

нос был древней литовской столицей, основанной еще великим князем Гедимином до объединения Литвы и Польши, и в силу этого уже являвшимся символом литовской государственности. С другой — Виленский край в течение ряда столетий входил в состав Польши, Речи Посполитой, оказался частью Польши в период между мировыми войнами, был в значительной мере заселен поляками (достаточно сказать, что Ю. Пилсудский родился под Вильнюсом, после смерти его сердце было захоронено на вильнюсском кладбище, а его прах покоится в Кракове) и для поляков также остается не менее важным центром национальной истории.

Открытого польско-литовского военного противостояния удалось избежать, но положение литовского государства оказалось очень сложным. Источником слабости Литвы была незавершенность к моменту создания независимого государства процесса образования современной литовской нации. Преимущественно сельское население Литвы в социальном отношении оказалось менее развитым, чем проживающие в ней меньшинства. В высших социальных слоях доминировали евреи, немцы и поляки. Поляки вообще считались у литовцев «пятой колонной», «ополяченными литовцами», и на них оказывалось давление с целью возвращения в национальное лоно.

В свою очередь польские политики рассматривали литовцев как «часть польского политического народа». Польская литература начиная с Г. Сенкевича и А. Мицкевича сформировала у поляков образ «экзотической» Литвы, в котором присутствовали литовцы-простаки: они хуже одевались, воевали хуже «старшего брата», но любили свою родину Польшу и считались немного иными поляками. В результате польское население так и не смогло понять: почему восстанавливающаяся Польша и Литва не хотят общей государственности? Это нежелание определило отношения между поляками и литовцами в межвоенный период. Отголоски таких отношений наблюдаются и в современном взгляде на проживающих в Литве поляков как на ответвление от ствола великой Польши, которым надо помогать, не позволяя литовцам их литуанизировать.

Все это делало конфликт между вновь образованными государствами трудноразрешимым.

Россия и Литва представляли собой два разновеликих государства, абсолютно не сравнимых между собой ни по занимаемой территории, ни по численности населения, ни по объемам промышленного производства.

Взаимные интересы подобных государств чаще всего носят политический характер: для большого по экономико-географическим показателям — это дополнительная поддержка в международной дискуссии, как правило, номинальный союзник и т. д. Для малого — получение каких-то дивидендов от подобного сотрудничества. Иногда, если малое государство обладает, например, редкими или крупными залежами полезных ископаемых, либо владеет важным участком территории, географическим объектом (проливом и т. д.), оно может, используя данное обстоятельство, добиваться более равноправных отношений.

В экономическом отношении Литва по масштабам уступает России, это естественно. Россия, опять же, в силу разности масштабов, значительно улучшить свои экономические показатели от сотрудничества с Литвой, естественно, не рассчитывает. Ни важных географических показателей, ни редких полезных ископаемых на литовской территории также нет.

Но волею судьбы обоим государствам предначертано, раз уж они исторически были и остаются соседями, искать и реализовывать возможности разностороннего сотрудничества во взаимовыгодных интересах.

Что касается создания Литовского государства, то следует отметить такое обстоятельство, что Унии с Польшей, вхождение в состав России с конца XVIII в. до Первой мировой войны, отсутствие четко выделенного ареала проживания литовцев, как и незавершенность формирования самого литовского этноса, привели к тому, что идея суверенного литовского государства сформировалась только во втором десятилетии прошлого века. В сентябре 1917 г. в Вильнюсе, занятом германскими войсками, состоялась конференция ряда литовских ор-

ганизаций, на которой была избрана Тариба (Государственный совет). На заседании Национального совета литовцев России в Воронеже 16—19 ноября 1917 г. была обозначена территория, на которой и должно было создаваться новое государство в составе Вильнюсской, Каунасской, Сувалкской, части Гродненской и Курляндской губерний, а также Малой (Прусской) Литвы со свободным выходом к морю. Шестнадцатого февраля 1918 г. Тариба провозгласила независимость Литвы. Германия формально признала независимость Литвы, но оккупационный режим не изменила [10, с. 15; 12, с. 6].

Таким образом, в Литве сформировалась идея решения территориального вопроса, основу которой через 2—3 года составили требования к Польше о возвращении Литве Вильнюса и Вильнюсского края и к Антанте о передаче Литве Мемельского края.

Пятого ноября 1918 г. было сформировано первое литовское правительство, не имевшее реальной власти и находившееся под опекой немцев. В начале января 1919 г. немцы оставили Вильнюс. Литовское правительство было вынуждено переехать в Каунас. Вильнюс же был занят отрядами местных поляков, выступавших за присоединение края к Польше.

События в Литве развивались весьма динамично. Формировались различные, в том числе и советское, правительства, делались попытки создания объединенного литовско-белорусского государства (подробнее об этом см.: [4; 9]). Некоторое время Вильнюс был даже столицей Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики.

Экономическому становлению новой советской республики была оказана помощь со стороны ее восточных и южных соседей. По данным В. Пуронаса, правительство РСФСР в 1919 г. оказало финансовую помощь Литбелу на сумму 200 млн рублей. Несмотря на собственные трудности, Советская Россия и Советская Украина поставили некоторое количество сырья, топлива, строительных материалов, продовольственных товаров и др. Из некоторых советских республик

были командированы специалисты; была предпринята попытка эвакуации вывезенных в ходе Первой мировой войны промышленного оборудования и другого имущества. Между советскими республиками были ликвидированы таможенные барьеры [9, с. 42].

Затем в апреле 1919 г. легионеры Пилсудского заняли город. Советская республика была ликвидирована. В апреле этого же года Тариба принимает временную конституцию. Первым президентом Литвы становится А. Сметона. В связи с наступлением советских войск на Варшаву 14 июля польские войска оставили Вильнюс. Правительство Литвы по-прежнему оставалось в Каунасе.

В сентябре 1919 г. советское правительство обратилось к правительству Литвы с предложением о заключении мирного договора между двумя государствами (такие же предложения были сделаны Эстонии, Латвии и Финляндии) [3, с. 242—245]. Для Литвы это было очень важное предложение, ибо до того времени молодое государство не имело международного признания (кроме побежденной Германии). Достаточно сказать, что Англия 24 сентября 1919 г., в ответ на инициативу Советской России в свою очередь сообщила литовскому представителю в Лондоне Чепинскому, что правительство Великобритании готово признать литовское правительство де-факто [7, с. 98; 11, с. 196].

Предложение советского правительства было выгодно обеим сторонам: Советская Россия также получала международное признание, территория Литвы, становилась транзитной для связи с Германией; более того, Литва, учитывая ее исключительно сложные отношения с Польшей, становилась надежным союзником в российско-польском противостоянии. Одной из особенностей мирного договора являлось обязательство России признания принадлежности Вильнюса и Вильнюсского края Литве.

Однако, учитывая заинтересованность Советской России в подписании мирного договора и сложности ее положения вес-

ной 1920 г. (начало польского наступления, прорыв из Крыма группировки генерала Врангеля), литовские дипломаты сформулировали серьезные экономические притязания к российской стороне. Они потребовали выделения Литве части золотого фонда, а также военного и торгового флота России (часть эта должна была соответствовать тому проценту, который составляла территория Литвы в составе бывшей Российской империи), денационализации имущества литовских граждан в РСФСР, возмещения Литве убытков мировой войны на сумму 900 млн рублей золотом, реэвакуации имущества, капиталов, вкладов и железнодорожного подвижного состава (то есть всего, что было вывезено из Литвы в 1915 г. в связи с немецким наступлением), снабжения вооружением и амуницией одного армейского корпуса литовских вооруженных сил, выделения в пользу Литвы пропорциональной части капиталов и имущества России за границей и выкупа имевших хождение в Литве русских бумажных денег [3, с. 711].

Российской стороной эти требования были признаны необоснованными и, естественно, отклонены. Как показал ход дальнейших переговоров, литовские дипломаты особой настойчивости в реализации данных претензий не проявили. Видимо из-за того, что важнейшим для них было решение вопроса о территориальном статусе нового государства.

Пользуясь ситуацией, литовская делегация (переговоры проходили в Москве) потребовала от Советской России признания прав Литвы на территории бывших губерний: Каунасской, Вильнюсской, Сувалкской и Гродненской (с городами Брест, Кобрин, Пружаны), а также Новогрудского уезда Минской губернии, части Илукстского и Гробинского уездов Курляндской губернии (то есть почти всей Западной Белоруссии и части Латвии) [7, с. 124]. И эти требования были завышены. Более того, это понимали члены литовской делегации. Один из них, Климас, писал своему министру иностранных дел:

Русские принципиально не могут удовлетворить наших требований, так как в Лидском, Ашмянском и особенно Гроднен-

ском уездах, без всякого сомнения, проживает большинство белорусов и русских... Прочность советской позиции состоит в том, что в отношении Лидского, Гродненского и Ашмянского уездов у нас действительно нет почти никаких этнографических доводов, за исключением нескольких очень старых или неубедительных упоминаний о том, что в некоторых местах жители пользуются литовской речью, или же об их историческом литовском происхождении... Большевики... прямо сказали, что наша претензия к Гродненской области является для них просто непонятной... Наше положение действительно было тяжелым [7, с. 124].

Практически никаких «этнографических доводов» не было у литовской делегации и в отношении Виленского края. Здесь численность литовцев составляла всего 1—2%, а поляков — превышала 50% (см., напр.: [6, с. 32]). Однако советская сторона исходила из того, что Вильнюс являлся древней литовской столицей, что территория Вильнюсского края — это литовские земли. Советская делегация соглашалась на передачу Вильнюса Литве и, как покажут дальнейшие события, эта позиция сохранится за СССР во всех последующих переговорах и решениях.

Переговоры продолжались вплоть до того момента, когда Красная армия добилась успеха на польском фронте, ее войска подошли к границе Вильнюсского края. Чтобы окончательно склонить Литву к заключению мирного договора и лишить ее возможности выступить на стороне Польши, советские дипломаты пошли на территориальные уступки. За Литвой признавались кроме Вильнюса и Вильнюсского края Ашмяны, Лида и Гродно [3, с. 711].

Договор был заключен 12 июля 1920 г. Через два дня Красная армия освободила Вильнюс и прилегающие территории от польских войск, а в августе, в соответствии с мирным договором, древняя столица была передана литовскому государству. Так состоялось первое возвращение Вильнюса. При этом передачей территории советское государство не ограничилось. Учитывая, что Литва была целиком разорена в ходе

Первой мировой войны, литовский народ был не в состоянии самостоятельно быстро восстановить свое хозяйство, советское правительство изъявило желание выдать литовскому правительству три миллиона рублей золотом. Деньги были получены. Литовский историк К. Навицкас, со ссылкой на прессу христианских демократов, утверждает, что тем самым Россия «помогла литовскому государству ввести в 1922 году собственную валюту... и таким образом начать экономическое восстановление края» [7, с. 129—130].

Дальнейшее формирование литовской территории происходило в остром соперничестве Литвы с Польшей, при участии Советской России (СССР), Германии и других западных стран. По мнению клайпедского историка профессора В. Вигантаса, методы формирования территории в межвоенный период для государств, по крайней мере, Балтийского региона, были идентичными по своей сути: за счет территории соседей. Так действовала Польша в отношении Вильнюса и Вильнюсского края, так действовала и Литва в отношении Мемельского (Клайпедского) края. При этом применение военной силы для решения территориальных вопросов, пренебрежение мнением международного сообщества были обыденным явлением. Варейкис отмечает, что все зависело только от военных возможностей государства, предпринимавшего ту или иную территориальную акцию [5, с. 475].

В частности, политическую особенность в развитии экономических отношений Россия пыталась использовать еще на этапе становления обоих государств, сразу же после окончания Первой мировой войны.

Впрочем, это была одна из последних попыток со стороны Советской России того времени наладить не политические, а именно экономические отношения двух стран. Но безуспешно.

У руководства только что созданной Литовской Республики сформировался комплекс антироссийских настроений. Предвоенное развитие экономики на территории исторической Литвы предусматривало возможность использования прежде все-

го общероссийского рынка. Однако после того, как не удалось добиться от России выполнения предъявленных экономических компенсационных требований, литовское правительство взяло курс на сотрудничество с Западом.

Произошел не просто отрыв от российского рынка. Литва лишилась и сырьевых ресурсов. В результате намеченный в начале века курс на развитие промышленности (для Литвы — ускоренный, с целью догнать более развитые в промышленном отношении будущие Латвию и Эстонию) привел литовскую экономику к односторонней ориентации на сельскохозяйственное производство.

Впрочем, этому способствовали и объективные обстоятельства.

Польша, завладев Вильнюсским краем, территориально изолировала Литву от СССР. Развитие каких-либо отношений с Польшей, или через Польшу с СССР, было невозможно. Ориентация же на одностороннее сотрудничество с Западом не давала Литве шансов хотя бы догнать в промышленном развитии Латвию и Эстонию.

Список литературы

1. *Вакар М.* Современный литовско-польский политический конфликт // Исследования Балтийского региона. Вестник Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта. 2011. № 2 (8). С. 95—108.

2. *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М., 2005.

3. *Документы* внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2 : 1 января 1919 — 30 июня 1920.

4. *Жюгджя Р. Ю.* Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919—1940) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Вильнюс, 1980.

5. *Кретинин Г. В.* Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории. Калининград, 2018.

6. *Матулайтис Е. С.* Литовцы под гнетом фашистской Польши. Минск, 1936.

7. *Навицкас К.* Литва и Антанта (1918—1920). Вильнюс, 1970.

8. *Показатели* состояния отдельных отраслей народного хозяйства и культуры Литвы за 1913, 1939 и 1940 годы (краткая статистическая справка). Вильнюс, 1969.

9. *Пуронас В.* Первые шаги Советской власти в Литве в 1918—1919 гг. // Литва за полвека новой эпохи. Вильнюс, 1967. С. 34—48.

10. *Рубинштейн К.И.* Литва. М., 1940.

11. *Рубцов А.Ф.* «Восстание» 1923 года в Клайпедской области Литвы и политика Франции // Вопросы истории международного молодежного движения и всеобщей истории. Томск, 1973. Вып. 3. С. 196—206.

12. *Урбшене М.* На полях истории Клайпедского края. Каунас, 1934.

Об авторе

Кретинин Геннадий Викторович, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

The author

Prof. Gennady V. Kretinin, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

T. Bocheński¹

¹ Uniwersytet Szczeciński (Szczecin, Poland)

TRANSPORT KOLEJOWY POMIĘDZY POLSKĄ A ROSJĄ

Т. Бохеньски

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ

Przewozy kolejowe pomiędzy Polską a Rosją są utrudnione ze względu na odmienne systemy kolejowe, których największą różnicą jest szerokość torów: 1520 mm w Rosji i krajach WNP oraz 1435 mm w Polsce i większości krajów europejskich. W artykule scharakteryzowano infrastrukturę kolejową i przeładunkową — na styku torów obu szerokości torów na pograniczu polsko-rosyjskim. Przeanalizowano przewozy oraz ruch kolejowy, a także omówiono perspektywy rozwoju przewozów kolejowych pomiędzy obu krajami. Pomiędzy Polską a Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej funkcjonowały 2 kolejowe przejścia graniczne, a kolejne było nieczynne. Terminale przeładunkowe znajdowały się w Kaliningradzie i Czerniachowsku oraz w Braniewie i okolicach. Towarowy ruch kolejowy był stosunkowo niewielki i infrastruktura przeładunkowa nie była w pełni wykorzystywana. Pociągi pasażerskie pomiędzy Polską a Obwodem Kaliningradzkim kursowały do 2013 r.

Железнодорожное сообщение между Польшей и Россией затруднено из-за различных железнодорожных систем, в том числе по причине разной ширины колеи: 1520 мм в России и СНГ и 1435 мм в Польше и большинстве европейских стран. Описывается железнодорожная и перевалочная инфраструктура на польско-российской границе. Проанализированы транспортные перевозки, обоснованы перспективы развития железнодорожного транспорта между двумя странами. Между Польшей и Калининградской областью РФ существует два железнодорожных пограничных перехода. Терми-

налы по перегрузке расположены в Калининграде и Черняховске, а также в Бранево и его окрестностях. Железнодорожные грузовые перевозки между сопредельными регионами были относительно небольшими, а перегружающая инфраструктура не использовалась в полной мере. Пассажирские поезда между Польшей и Калининградской областью ходили до 2013 г.

Słowa kluczowe: kolej, Polska, Obwód Kaliningradzki.

Ключевые слова: железнодорожная колея, Польша, Калининградская область.

Wstęp

Polska i Rosja posiadają odmienne systemy kolejowe. Różnice między nimi obejmują nie tylko inną szerokość torów (1520 mm w Rosji i krajach WNP oraz 1435 mm w Polsce i większości krajów europejskich) ale także: sposób łączenia wagonów (sprzęgi), skrajnie, systemy sterowania ruchem i przepisy przewozowe (Bocheński, 2017). Koleje w obu krajach były też inaczej zarządzane — w Polsce zgodnie z regulacjami przyjętymi w UE nastąpiła separacja pionowa poszczególnych segmentów rynku kolejowego, zaś w Rosji kolej pozostawała zintegrowana pionowo. Obwód Kaliningradzki jest jedynym obszarem Federacji Rosyjskiej, gdzie stykają się europejska i rosyjska sieć kolejowa.

Celem badań była analiza funkcjonowania przewozów kolejowych pomiędzy Polską a Rosją ze szczególnym uwzględnieniem Obwodu Kaliningradzkiego.

W niniejszej analizie uwzględniono: infrastrukturę kolejową i przeładunkową na styku dwóch systemów kolejowych na pograniczu polsko-rosyjskim, ruch pociągów na granicy polsko-rosyjskiej w latach 2005—2015, pasażerskie połączenia kolejowe funkcjonujące pomiędzy Polską i Rosją w latach 2005—2017, wielkość przewozów towarowych pomiędzy Polską i Rosją w latach 2005—2016 oraz perspektywy rozwoju przewozów kolejowych między obu krajami.

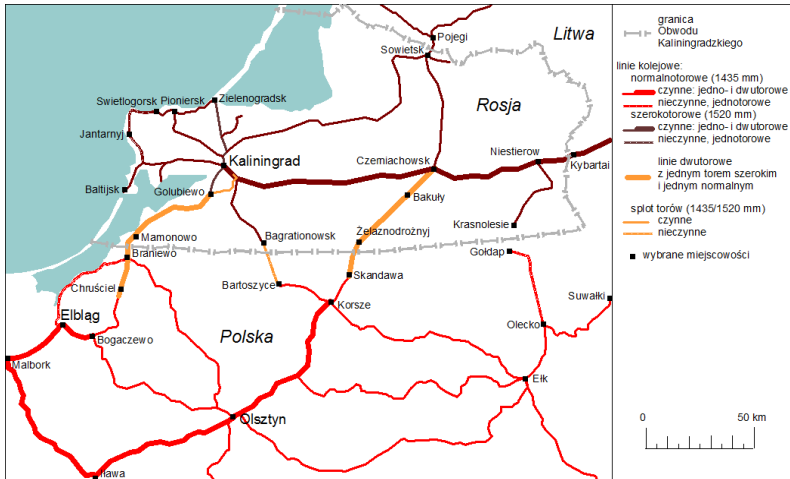
Infrastruktura kolejowa i logistyczna na pograniczu polsko-rosyjskim

W 1945 r. rozebrano wiele linii kolejowych w zajętych przez Armię Czerwoną Prusach Wschodnich, m. in. 7 z 10 linii przekraczających wytyczoną wówczas nową granicę pomiędzy Obwodem Kaliningradzkim ZSRR a Polską Ludową. Pozostawione linie miały charakter magistralny i były dwutorowe. Na odcinkach Elbląg — Braniewo — Gołubiewo oraz Skandawa — Czerniachowski jeden tor przekuto na szeroki, a drugi pozostawiono jako normalny. Natomiast na linii Kaliningrad — Ełk drugi tor całkowicie rozebrano, zaś pozostały tor na odcinku Kaliningrad — Bagrationowski przekuto na szeroki. W latach 50. XX wieku przy wszystkich tych liniach na potrzeby Armii Radzieckiej rozbudowano infrastrukturę przeładunkową. Utworzono tzw. Wojskowe Rejony Przeładunkowe (WRP), po polskiej stronie granicy zlokalizowane były: w Braniewie, Skandawie i Głomnie-Bartoszycach, natomiast po rosyjskiej w Mamonowie i Żelaznodrożnym. Wybudowano spłot torów 1435/1520 mm na odcinku Bagrationowski — Bartoszyce (linia Kaliningrad — Ełk) i z Gołubiewa do stacji towarowej Dzierżyńska Nowaja na przedmieściu Kaliningradu — tzw. południowej obwodnicy Kaliningradu (Chwietkiewicz, Markiel, 2004; Stankiewicz, Stiasny, 2014). Inwestycje te nie zostały nigdy w pełni ukończone, a w latach 90. XX w. część tej infrastruktury została porzucona, a część stanowiła podstawę do utworzenia prywatnych terminali przeładunkowych (Bocheński, 2017). Stacja Mamonowo II i zespół bocznic Bakuły — pomiędzy Żelaznodrożnym a Czerniachowskiem zostały rozebrane. Skróceniu uległa linia szerokotorowa z Kaliningradu do Elbląga. W latach 70. XX wieku szeroki tor na odcinku Elbląg — Bogaczewo przekuto na normalny, zaś w II dekadzie XXI w. rozebrano szeroki tor na odcinku Bogaczewo — Kurowo Braniewskie. Jednocześnie w latach 90. XX w. doprowadzono normalny tor do stacji Kaliningrad Pasażerski (Chwietkie-

wicz, Markiel, 2004; Stankiewicz, Stiasny, 2014). W 2000 r. zamknięto dla ruchu linię z Bartoszyce do Bagrationowska — formalnie ruch i przejście graniczne były jedynie zawieszono, ale linia stała się nieprzejezdna (Czy uda się..., 11.02.2014). Zlikwidowano także część infrastruktury dawnego WRP Skandawa — pozostał jedynie terminal Kotki i część stacji Wielewo (GoogleMaps, 05.2018).

Bocznicę WRP Braniewo w większości były wykorzystywane przez funkcjonujące tam terminale przeładunkowe (Bocheński, 2017). W 2005 r. powstało przedsiębiorstwo DV Transport, które zajęło się obsługą logistyczną międzynarodowych towarowych przewozów kolejowych w Obwodzie Kaliningradzkim i otworzyło terminal intermodalny w Czerniachowsku (DV Transport, 25.05.2018). Rozbudowano także terminal w Kaliningradzie.

Za infrastrukturę i przewozy kolejowe na terenie Obwodu Kaliningradzkiego odpowiadają Koleje Kaliningradzkie (KŻD). W Polsce siecią kolejową zarządzała państwowa spółka PKP PLK, zaś infrastruktura przeładunkowa była w gestii prywatnych przedsiębiorstw. W 2018 r. na terenie Obwodu Kaliningradzkiego czynnych było około 100 km linii normalnotorowych (1435 mm), a na terenie województwa warmińsko-mazurskiego około 30 km linii szerokotorowych (1520 mm) (ryc. 1.). Żadna z linii pomiędzy Polską, a Obwodem Kaliningradzkim nie była objęta umowami AGC i AGTC. Natomiast linia z Malborka do Kaliningradu stanowi kolejowy komponent korytarza IA sieci TEN-T i przedłużenie postulowanej nadbałtyckiej magistrali kolejowej (Szczecin — Koszalin — Gdańsk). Drogową część tego korytarza stanowi Via Hanzeatica. Żadna z linii przekraczających granicę nie była zelektryfikowana. W obwodzie Kaliningradzkim zelektryfikowane zostały jedynie fragmenty linii wychodzących z Kaliningradu, a trakcja elektryczna wykorzystywana była wyłącznie dla obsługi ruchu aglomeracyjnego. Natomiast po stronie polskiej elektryfikacja doprowadzona była do Korsz od strony Olsztyna (magistrala Poznań — Czerniachowski) oraz do Bogaczewa (linia Elbląg — Olsztyn).

Ryc. 1. Sieć kolejowa na pograniczu polsko-rosyjskim w 2018 r.

Źródło: opracowanie własne na podstawie.

Techniczne możliwości dokonywania przeładunków pomiędzy koleją 1435 a 1520 mm i odwrotnie istniały na 5 stacjach po stronie rosyjskiej (Palmowski, 2013) i tyleż samo po stronie polskiej. Część z nich nie była wykorzystywana. Ogółem na badanym obszarze zidentyfikowano 14 terminali przeładunkowych na styku normalnych i szerokich torów, w tym 11 na terenie Polski (tab. 1). Obsługiwały one głównie przeładunki towarów masowych, zwłaszcza surowców energetycznych. Ponadto transportowano nawozy sztuczne i materiały budowlane. Jedyne terminal intermodalny znajdował się w Czerniachowsku, a kolejny planowano otworzyć w Kaliningradzie. Poszczególne terminale przeładunkowe były zróżnicowane pod względem wielkości i wyposażenia w sprzęt przeładunkowy. Na żadnej ze stacji, tak po polskiej jak i po rosyjskiej stronie granicy, nie zainstalowano urządzeń do wymiany wózków wagonowych, ani systemu samoczynnej zmiany rozstawu kół.

Tab. 1

**Stacje i terminale przeładunkowe na pograniczu polsko-rosyjskim
w 2016 r.**

Stacja		Operator i nazwa terminala	Przeładowywane towary
Wielkie Wieżno	CPN	OLPP Sp. z o.o. — Baza Paliw nr 12	ropa naftowa i paliwa ropopochodne
	Piórkowo	PUH "TIBOJ" Józef Bednarz	Węgiel
		Novatek Północ	gaz LPG
Chruściel	Rucianka	<i>Bartex-Paliwa Sp. z o.o.</i>	Węgiel
		KTK POLSKA Sp. z o.o.	Węgiel
Wielewo	Autostrada	CTL Logistics Północ sp. z o.o.	chemia płynna, gaz LPG, towary masowe, drobnica
Braniewo		Polfrost Terminal Sp. z o.o. — terminal Braniewo	Nawozy w workach i big-bagach, artykuły budowlane, paliwa i biopaliwa stałe,
		CHEMIKALS Sp. z o.o.	węgiel, gaz LPG, drewno, biomasa, oleje, drobnica spaletyzowana i w workach
		CARGOSPED Terminal Braniewo Sp. z o.o.	węgiel, nawozy, sadza techniczna, materiały budowlane, drewno, biomasa, metale, oleje roślinne
		Glob-Terminal Sp. z o.o.	gaz płynny
Mamonowo II		—	—
Mamonowo		Polfrost Terminal Sp. z o.o. Mamonowo	towary przemysłowe
Dzierżynskaja Nowaja (Kaliningrad)		Koleje Kaliningradzkie — terminal Kaliningrad	Węgiel
Kotki		Logistic Terminal Skandawa — Chemikals Sp. z o.o.	Gaz
Żeleznodorożnyj		—	—
Bakuly		—	—
Nowy Czerniachowski		<i>Transport and logistics complex — DV Transport</i>	<i>kontenery, samochody</i>

Źródło: opracowanie własne na podstawie: Bocheński, 2016; Bocheński 2017; Palmowski, 2015 oraz informacji publikowanych przez operatorów terminali.

Przewozy kolejowe pomiędzy Polską a Rosją

Widoczna była znacząca dysproporcja w wielkości przewozów kolejowych pomiędzy Polską a Rosją. W latach 2005—2015 rosyjski eksport towarów koleją do Polski był ponad 10-krotnie większy niż polski do Rosji. Maksymalne przewozy w badanym okresie osiągnięto w 2011 r. (tab. 2). W strukturze ładunkowej, dominował eksport surowców energetycznych z Rosji. Natomiast z Polski eksportowano do Rosji m. in. materiały budowlane.

Przez pierwszą dekadę od wejścia Polski do UE przewozy rosły, ze spadkiem w 2009 r. i nieco mniejszym w 2013 r. Po 2014 r. wielkość przewozów kolejowych pomiędzy obu krajami znacząco spadła (tab. 2). Wynikało to ze zmniejszenia wymiany handlowej między obu krajami na skutek konfliktu rosyjsko-ukraińskiego, który spowodował nałożenie sankcji na Rosję i w odwecie embarga rosyjskie na polskie towary.

Tab. 2

Przewozy kolejowe ładunków pomiędzy Polską a Rosją w latach 2005—2016

Rok	Razem	Eksport	Import
2005	6 801	505	6 296
2006	10 115	691	9 424
2007	10 441	736	9 705
2008	10 840	815	10 025
2009	9 215	314	8 901
2010	10 735	462	10 273
2011	12 274	753	11 521
2012	11 033	991	10 042
2013	10 994	782	10 212
2014	11 452	743	10 709
2015	8 486	418	8 068
2016	8 965	297	8 668

Źródło: opracowanie własne na podstawie: Transport. Wyniki działalności, GUS z lat 2005, 2010—2016.

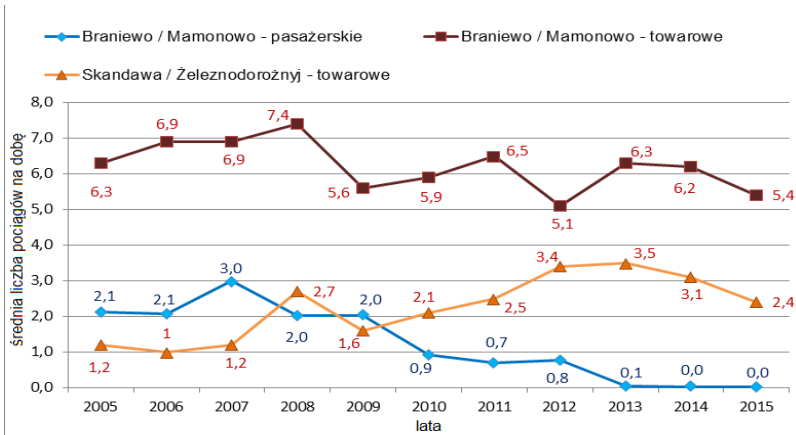
Rozwijały się natomiast przewozy intermodalne. Pociągi kontenerowe w relacji między Polską i Rosją kursowały przede wszystkim przez przejście Terespol/Brześć, ale potem także przez przejście Skandawa/Żelaznodrożnyj. W 2010 r. z Iławy przez Olsztyn w kierunku przejścia granicznego Skandawa/Żelaznodrożnyj kursowało średnio 1,8 pociągów intermodalnych na dobę. Pięć lat wcześniej PKP PLK nie wykazywały tego typu przewozów na tej trasie. Miało to związek z powstaniem terminala kontenerowego w Czerniachowsku (Bocheński, 2016). W grudniu 2014 r. uruchomiono regularne połączenie kolejowe z terminala morskiego DCT w Gdańsku przez terminal w Czerniachowsku w Obwodzie Kaliningradzkim do Moskwy. Operatorami byli SKD Intrans w Polsce i DV Transport w Rosji we współpracy z przewoźnikami PKP Cargo i RŽD (Bocheński, Palmowski, 2015).

Od 2000 r. na granicy polsko-rosyjskiej pozostawały otwarte 2 przejścia graniczne. W latach 2005—2015 przez oba te przejścia kursowało łącznie od 7 do 10 pociągów towarowych na dobę — większość przez Braniewo/Mamonowo (ryc. 2). Wynikało to z istniejącej infrastruktury przeładunkowej. Pociągi kontenerowe kursowały wyłącznie po normalnym torze do terminalu w Czerniachowsku, węgiel przeładowywano zarówno w rejonie Braniewa i Kaliningradzie, gaz w Kotkach koło Skandawy i w rejonie Braniewa, zaś pozostałe ładunki masowe i drobnicowe tylko w rejonie Braniewa (tab. 1).

W terminalach w rejonie Braniewa część towarów z pociągów szerokotorowych przeładowywano na samochody i rozwożono dalej po Polsce transportem drogowym i odwrotnie.

Pasażerska komunikacja kolejowa pomiędzy Polską a Rosją została w ostatnich latach ograniczona. Pomiędzy Polską a Obwodem Kaliningradzkim pociągi pasażerskie kursowały jedynie przez przejście graniczne Braniewo/Mamonowo po torze normalnym. W latach 1993—2009 regularnie codziennie kursowała jedna para pociągów relacji Gdynia — Kaliningrad (tzw. *Kalinka*). W 2007 r. w sezonie letnim kursowała jeszcze para pociągów relacji Malbork — Kaliningrad. W latach 2010—2012 kursowanie pociągu Gdynia — Kaliningrad zostało ograniczone do sezonu letniego — od końca

maja do początku października (Sieciowy rozkład... z lat 1993—2012). Od 2004 r. pociąg ten miał w składzie bezpośredni wagon relacji Berlin — Kaliningrad (Fiedorow i in., 2007). W 2013 r. całkowicie ustał ruch pociągów pasażerskich z Polski do Obwodu Kaliningradzkiego.

Ryc. 2. Średni dobowy ruch pociągów na kolejowych przejściach granicznych pomiędzy Polską a Rosją w latach 2005—2015

Źródło: opracowanie własne na podstawie informacji Straży Granicznej RP.

Pomiędzy Polską a pozostałą częścią Federacji Rosyjskiej kursowało w badanym okresie od 2 do 4 bezpośrednich pociągów na dobę, były to wszystkie połączenia z Moskwą przez Białoruś i przejście Terespol/Brześć (Sieciowy rozkład... z lat 2005—2010). W 2018 r. kursowała codziennie jedna para pociągów z Warszawy (*Polonez*), oraz trzy pary pociągów tranzytowych niedostępnych w komunikacji krajowej w Polsce kursujących w wybrane dni w relacjach z: Pragi, Nicei i Paryża (Rozkład jazdy PKP, 2018). Trasy tych pociągów prowadziły przez Białoruś, a zmiana wózków lub rozstawu kół (system Talgo w pociągach Moskwa — Paryż) następowała na stacji w Brześciu.

Perspektywy dla rozwoju przewozów kolejowych pomiędzy Polską a Rosją

W ostatnich latach rozbudowywana była infrastruktura logistyczna na styku normalnego i szerokiego toru w Kaliningradzie i Czerniachowsku. Inwestycje te mają zwiększyć potencjał Obwodu Kaliningradzkiego w obsłudze przewozów międzynarodowych pomiędzy Rosją i państwami Azji, a Europą Zachodnią. Celem ma być pominięcie infrastruktury przeładunkowej na granicy polsko-białoruskiej — do tej pory główny szlak transportowy prowadził magistralą E20, a przeładunków dokonywano w Brześciu i Małaszewiczach. Do Obwodu Kaliningradzkiego prowadzi odgałęzienie nowego jedwabnego szlaku z Chin do Europy. Pociągi do Kaliningradu z pozostałej części Rosji i Białorusi muszą jednak jechać tranzytem przez Litwę. Rozbudowywane terminale przeładunkowe w Obwodzie Kaliningradzkim stanowią konkurencję dla terminali na terenie Polski.

W Czerniachowsku może powstać duże centrum logistyczne obsługujące międzynarodowe przewozy kolejowe (Palmowski, 2013), a wówczas przewozy kolejowe przez przejście Skandawa/Żelaznodrożnyj wzrosną. W 2018 r. uruchomiono połączenie pociągiem kontenerowym z Łodzi przez Czerniachowsk do Zhengzhou w Chinach, obsługiwane przez spółkę OTLK (Kublik, 2017). Planowano także rozbudowę terminalu w Kaliningradzie na potrzeby przeładunków kontenerów (Kaliningradzkie koleje..., 19.05.2017).

Od kilkunastu lat władze samorządowe w Bartoszycach i Bagrationowsku zabiegały o reaktywację linii kolejowej i przejścia granicznego w Głomnie. Przewozami na tej trasie zainteresowani byli też lokalni przedsiębiorcy. W 2014 r. podpisano w tej sprawie list intencyjny wysłany do wojewody i marszałka województwa warmińsko-mazurskiego oraz gubernatora Obwodu Kaliningradzkiego. W planach oprócz przewozów towarowych było także uruchomienie pociągów pasażerskich (Czy uda się..., 11.02.2014).

Wielkość wymiany handlowej, a tym samym wielkość przewozów pomiędzy Polską a Rosją była uwarunkowana sytuacją geo-

lityczną i gospodarczą. Należy pamiętać, że granica polsko-rosyjska była jednocześnie granicą Unii Europejskiej, zaś przewozy kolejowe pomiędzy Obwodem Kaliningradzkim a pozostałą częścią Federacji Rosyjskiej odbywały się przez terytorium Litwy — również należącej do UE lub z wykorzystaniem połączenia promowego Baltijsk — Ust-Luga.

W ruchu pasażerskim istotne znaczenie ma przede wszystkim łatwość przekraczania granicy oraz cena biletu. W latach 2012—2016 funkcjonowała umowa o małym ruchu granicznym. Obejmowała ona mieszkańców strefy przygranicznej, do której zaliczono 20 powiatów na terenie Polski, w tym Gdańsk, Elbląg i Olsztyn oraz cały Obwód Kaliningradzki i dotyczyła podróżowania w obrębie tejże strefy przygranicznej (Umowa między..., 16.07.2012). Umowa ta została zawieszona przez polski rząd w lipcu 2016 r. (Polska zawiesza..., 04.08.2016). Dla podróży kolejowych istotne było nie włączenie do strefy przygranicznej powiatu tczewskiego, przez który przejeżdżał pociąg relacji Gdynia — Kaliningrad. Uniemożliwiało to mieszkańcom Obwodu dojazd pociągiem do Trójmiasta (Tusk, 21.12.2011 i wraz z silną konkurencją ze strony przewoźników autobusowych przyczyniło się do zawieszenia kursowania tego pociągu. W przypadku przejazdu koleją z Polski do pozostałej części Federacji Rosyjskiej możliwa była bezpośrednia podróż jedynie przez Białoruś — co wymagało wizy tranzytowej.

Podsumowanie

Na 210 km granicy pomiędzy Polską, a Obwodem Kaliningradzkim przypadają 3 kolejowe przejścia graniczne, z których jedno było nieczynne. Normalny tor po rosyjskiej stronie dochodził do największych miast obwodu — Kaliningradu i Czerniachowska, zaś po polskiej kończył się odpowiednio 25, 15 i 5 km od granicy, docierając jedynie do przygranicznych miast powiatowych Braniewa i Bartoszyce. Szeroki tor po polskiej stronie granicy na przełomie XX i XXI w. uległ skróceniu. Na styku normalnych i szerokich torów, na pograniczu polsko-rosyjskim funkcjonowało kilkanaście terminali. Infrastruktura przeładunkowa po polskiej stro-

nie granicy była bardziej rozwinięta, choć w ostatnich latach prowadzone były inwestycje w tym zakresie także po stronie rosyjskiej. Po polskiej stronie granicy nie było terminala kontenerowego i z tego powodu całość przewozów intermodalnych obsługiwana była w Czerniachowsku. Infrastruktura przeładunkowa nie była w pełni wykorzystywana.

W kolejowym transporcie towarowym przeważał eksport surowców energetycznych do Polski. Ogólnie po 2014 r. wielkość przewozów kolejowych między Polską a Rosją wyraźnie spadła. Ruch pociągów towarowych na granicy polsko-rosyjskiej z Obwodem Kaliningradzkim był stosunkowo niewielki. Ze względu na przejazd przez Białoruś i w mniejszym stopniu także przez Ukrainę, ruch pociągów pomiędzy Polską a pozostałą częścią Federacji Rosyjskiej jest trudny do oszacowania. Rozwijały się natomiast przewozy intermodalne, w tym przez Czerniachowsk w Obwodzie Kaliningradzkim. Docelowo terminale kolejowe w Kaliningradzie i Czerniachowsku mają stać się głównymi miejscami obsługi ładunków przewożonych koleją między Rosją a krajami UE.

Kolejowy transport pasażerski między Polską a Rosją był coraz bardziej ograniczany. Liczba pociągów zmalała, a od 2013 r. do Kaliningradu nie kursował z Polski żaden pociąg pasażerski.

Literatura

1. Bocheński T., Palmowski T. (2015). *Polskie porty morskie i rola kolei w ich obsłudze na przełomie XX i XXI wieku*, Regiony Nadmorskie 23, Gdańsk-Pelplin: Uniwersytet Gdański i Wydawnictwo Bernardinum.
2. Bocheński, T. (2016). *Przemiany towarowego transportu kolejowego w Polsce na przełomie XX i XXI wieku*. Rozprawy i Studia, t. 938. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.
3. Bocheński, T. (2017). Funkcjonowanie rejonów przeładunkowych na styku sieci kolejowych o rozstawie torów 1435 i 1520 mm w Europie. *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, 31(3), 80–94
4. Chwietkiewicz, T., Markiel, C. (2004, marzec). Wojskowy Rejon Przeładunkowy Braniewo. Pozyskano z <http://www.starejuchy.pl/kolej/wrpbran/wrpbraniewo.htm>

5. Czy uda się otworzyć trzecie przejście do Rosji? Bartoszyce (11.02.2014). Pozyskano z: <http://bartoszyce.wm.pl/189688,CzyudasieiotworzyctrzecieprzejsciedoRosji.html>

6. Fiedorow G., Korniejewiec W., Zwieriew J. (2007). *Obwód Kaliningradzki* [w:] Palmowski T. (red.), *Pogranicze polsko-rosyjskie. Problemy współpracy transgranicznej z Obwodem Kaliningradzkim*, Gdynia-Pelplin: Uniwersytet Gdański i Wydawnictwo Bernardinum.

7. Kublik A. (2017, 26 kwietnia). Transporty kolejowe z Polski do Chin ruszyły przez Kaliningrad. Rosyjska konkurencja dla terminalu w Małaszewiczach, *Gazeta Wyborcza*. Pozyskano z: <http://wyborcza.pl/7,155287,22425670,transporty-kolejowe-z-polski-do-chin-ruszyly-przez-kaliningrad.html>

8. Palmowski T. (2013). *Kaliningrad — szansa czy zagrożenie dla Europy Bałtyckiej?*, Gdańsk-Pelplin: Uniwersytet Gdański i Wydawnictwo Bernardinum.

9. Palmowski, T. (2015). Transport lądowy i lotniczy Obwodu Kaliningradzkiego. *Logistyka*, 3, 3692—3702.

10. Sieciowy rozkład jazdy pociągów z lat 1993—2012, PKP.

11. Stankiewicz, R., Stiasny, M. (2014). *Atlas linii kolejowych Polski 2014* Rybnik: Eurosprinter.

12. Transport. Wyniki działalności, GUS z lat 2005, 2010—2016

13. Umowa między Rządem Rzeczypospolitej Polskiej a Rządem Federacji Rosyjskiej o zasadach małego ruchu granicznego (14.12.2011). Dz. U. 2012 poz. 814

14. Kaliningradzkie koleje przeladowały pierwszą partię węgla z zagłębia kuźnieckiego dla polskich odbiorców. 19.05.2017, <https://pl.sputniknews.com/gospodarka/201705195495765-Kaliningrad-otwiera-okno-kolejo-we-do-Europy/>

15. Polska zawiesza mały ruch graniczny z Rosją (04.08.2016). Defence 24, <http://www.defence24.pl/polska-zawiesza-maly-ruch-graniczny-z-rosja>

16. Rozkłady jazdy PKP z lat 2005—2010.

Źródła internetowe

17. CARGOSPED Terminal Braniewo Sp. z o.o., http://www.cstb.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=54:przeladunki&catid=34

18. Rozkład jazdy PKP (2018, maj). Pozyskano z: <http://www.rozklad-pkp.pl>

19. GoogleMaps (2018, maj-czerwiec). Pozyskano z <https://www.google.pl/maps>
20. DV Transport (25.05.2018). Pozyskano z: <http://dvtransport.ru/en/>
21. Polfrost Terminal Sp. z o.o. (25.05.2018). Pozyskano z: <http://www.polfrost.com.pl/przeladunek/>
22. CHEMIKALS Sp. z o.o. (25.05.2018). Pozyskano z: <http://www.chemikals.pl/pl/przeladunki-drobnicy.html>
23. Glob-Terminal Sp. z o.o. (25.05.2018). Pozyskano z: <http://glob-terminal.pl/pl/>
24. Bartex-Paliwa Sp. z o.o. (25.05.2018). Pozyskano z: <http://www.bartex-paliwa.pl/>
25. CTL Logistics Północ Sp. z o.o. (25.05.2018). Pozyskano z: <http://www.ctl.pl/pl/83,ctl-polnoc-sp-z-o-o.html>
26. KTK POLSKA (25.05.2018). Pozyskano z: Sp. z o.o. <https://ktkpolska.pl/>
27. PUH "TIBOJ" Józef Bednarz (25.05.2018). Pozyskano z: <http://tiboj.com.pl/kontakt>
28. Novatek Północ (25.05.2018). Pozyskano z: <http://www.novatek.pl/firma/terminale>

Materiały niepublikowane

1. Straż Graniczna RP. Dane o liczbie pociągów przekraczających wschodnią granicę Polski według przejść granicznych w latach 2005—2015.

The author

Dr Tadeusz Bocheński, Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, University of Szczecin, Poland.

Об авторе

Д-р Тадеуш Бохеньски, Институт социально-экономической географии и пространственного управления, Щецинский университет, Польша.

Г. И. Гаджимурадова¹

¹ Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ (Москва, Россия)

**РОССИЯ — ФИНЛЯНДИЯ:
ОПЫТ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ МИГРАЦИИ**

Дан анализ приграничной ситуации Россия — Финляндия в период 'миграционного кризиса'. Описываются причины 'миграционного кризиса' и пути мигрантов в Европу. Представлена миграционная политика Финляндии в период 'кризиса беженцев'. Следствием неконтролируемой миграции явилось помимо прочего и появление религиозного экстремизма в Финляндии. Показана совместная работа спецслужб обеих стран по профилактике проникновения террористов в числе беженцев и по предотвращению террористических угроз как в России, так и в Финляндии.

The author describes the situation on the Russian-Finnish border during the recent migration crisis, the reasons for the crisis and analyses migrant routes to Europe. The article presents Finland's migration policy during the refugee crisis. The manifestation of religious extremism in Finland was one of the consequences of uncontrolled migration. The author shows the efficiency of the joint work of security services of both countries aimed at preventing the penetration of terrorists and eliminating terrorist threats both in Russia and in Finland.

Ключевые слова: 'миграционный кризис', 'арабская весна', терроризм, религиозный экстремизм, миграционная политика, Россия, Финляндия.

Keywords: 'migration crisis', 'Arab spring', terrorism, religious extremism, migration policy, Russia, Finland.

Миграция сегодня, в эпоху глобализации, является неотъемлемой частью нашей жизни. Она носит характер трудовой, экономической, образовательной, брачной и т. д. Но локальные и международные конфликты в Северной Африке и Азии, зверства ИГИЛ¹ стали катализаторами миграционной нестабильности как в самих странах исхода, так и на всем Европейском континенте. Такие страны, как Ливия, Египет, Сирия, Тунис, столкнулись с серьезными проблемами во время и после «цветных» революций, или так называемой «арабской весны».

В связи с этим неконтролируемая миграционная ситуация 2015—2016 гг. приобрела масштабы стихийного бедствия и стала настоящим испытанием для большинства стран ЕС. Никогда еще потоки вынужденных переселенцев, стремящихся любой ценой добраться до европейских стран, не были столь многочисленными. По данным пограничного агентства *Frontex* только за 2015 г. в Евросоюз прибыло около 1,8 млн мигрантов². С уверенностью можно говорить, что «миграционный кризис» обнажил и обострил многие проблемы в области миграции и в самих европейских странах. До событий неконтролируемой миграции 2014—2015 гг. европейцам в какой то степени удавалось решать вопросы интеграции мигрантов-мусульман, но с началом «миграционного кризиса», когда в Европу хлынул поток беженцев, проблема интеграции ушла на второй план [2].

Большой интерес представляют каналы и маршруты миграции в Европу. Прежде всего это восточномедиземноморский, или балканский маршрут из стран Южной Азии и Ближнего Востока через Турцию и острова Греции (в частности,

---

¹ Террористическая организация, запрещенная в России и в ряде стран Европы.

² Сотни мигрантов спасены в Тунисском проливе. Информационное сообщение ИТАР-ТАСС от 12 апреля 2016 г. URL: (<http://nsn.fm/hots/sotni-migrantov-spaseny-v-tunisskom-prolive.php> (дата обращения: 01.07.2018)).

Лесбос и Кос), далее в балканские государства, Венгрию, Австрию и Германию. Второй путь — так называемый центрально-средиземноморский, или южный маршрут из стран Центральной и Северной Африки через Мальту и остров Лампедуза в континентальную Италию и далее в другие страны Европы. Следующий — западносредиземноморский, или гибралтарский маршрут — из стран Северной Африки через испанские анклавы Сеута и Мелилья в Испанию и Францию. И наконец, последний — северный, или арктический маршрут через Мурманскую область в Норвегию (через контрольно-пропускной пункт Стурскуг), а далее в Финляндию и Швецию. Этот путь в Европу признан самым коротким, дешевым и безопасным. Только за 2015 г. российско-норвежскую границу пересекли примерно 5 тыс. человек³. Особенностью этого маршрута является то, что пересечь российско-норвежскую или российско-финскую границу можно исключительно на транспорте, не пешком. В результате самым дешевым средством передвижения через границу стали велосипеды, которые мигранты покупают в России и бросают сразу после пересечения границы.

Пример Россия — Финляндия показателен в плане взаимодействия в миграционной сфере. Россия так же, как и многие другие страны, оказалась втянута в «миграционный кризис», так как невольно стала страной-транзитером для многих мигрантов, желающих попасть в благополучные страны Европы. Поток этот хоть и невелик, но довольно ощутим для Финляндии. Финляндия, пожалуй, единственная из всех стран Европы, которой удалось в той или иной степени сохранить относительное благополучие и стабильность в условиях потока беженцев 2015—2016 гг.

Финляндия в отличие от других государств Северной Европы не была той страной, куда стремились попасть мигранты

---

³ *Норвегия* готовится к новому наплыву беженцев на границе с Мурманской областью. URL: <http://severpost.ru/read/38948/php> (дата обращения: 01.07.2018).

и беженцы. Швеция, к примеру, с ее многочисленным иностранным населением, в силу политики открытых дверей стала второй по популярности страной назначения (после Германии). Несмотря на это, часть искателей убежища оказалась и в Финляндии, где в 2015—2016 гг. было подано 38 127 ходатайств о предоставлении убежища, причем примерно 95 % просителей убежища прибыли в Финляндию через Швецию (через шведский город-побратим Хапаранда-Торнио) и 1756 (4,6 %) — через территорию России. И все равно, несмотря на эти цифры, Финляндия приняла меньше просителей убежища, чем Германия и Швеция [1].

Ключевым последствием иммиграции для Европы является рост численности мусульман и распространение ислама. Рост численности радикальных мусульман закономерно привел к росту насилия, экстремизма и терроризма в Европе. По данным расследования журналистов британской газеты *Sunday Express* более 4 тыс. боевиков радикальной группировки «Исламское государство» (запрещенной в России) попали в Европу под видом беженцев. Боевики примыкают к беженцам в турецких городах Измир и Мерсин, откуда через Средиземное море попадают в Италию, а после отправляются в Германию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Швецию. Эффективного механизма, который бы выявил террористов из потока беженцев, пока не создано. В результате участились террористические атаки с участием смертников из числа представителей радикальных исламских течений. Наиболее крупные террористические акты, которые в последнее время потрясли мир, были связаны с радикальными мусульманами.

Поэтому «на фоне событий, связанных с кризисом беженцев 2015—2016 гг., иммиграционный контроль и прием мигрантов увязываются с обеспечением их обустройства, а также с принятием мер по ограничению и предупреждению потоков нежелательных мигрантов. На фоне угрозы международного терроризма и в целях национальной безопасности усиливается борьба с нелегальной миграцией» [3].

Несмотря на относительно небольшое число иммигрантов по сравнению с некоторыми другими государствами в Европе, кризис оказал большое влияние на то, как иммиграция отразилась на автохтонном населении Финляндии. Финская полиция безопасности *SUPO* заявила об усилении угрозы всех форм экстремизма и радикализма, включая рост терроризма. В этом контексте Финляндия ввела четырехуровневую шкалу для определения уровня террористической угрозы: низкий, повышенный, высокий и наивысший (критический)⁴, где Финляндии был присвоен 2-й уровень.

В России также существует проблема террористической угрозы, и она связана как с притоком трудовых мигрантов, которые попадают в страну из стран Центральной Азии по разным каналам, так и с внутренними проблемами⁵.

В Финляндии на границе с Россией в период наплыва беженцев были организованы пункты, а впоследствии и лагеря по приему беженцев.

На сегодняшний день Финляндия планирует экстрадировать около двух третей от общего числа прибывших мигрантов, которые претендовали на статус беженца, но которым в этом было отказано, то есть примерно 20 тыс. человек.

Одиннадцатого октября 2016 г. в Хельсинки состоялось заседание российско-финской координационной группы по вопросам оперативного взаимодействия в борьбе с преступностью под руководством координатора международного сотрудничества МВД России генерал-майора внутренней службы Петра Попова и Генерального директора Департамента полиции МВД Финляндии Кауко Аалтома.

С российской стороны в мероприятии приняли участие представители подразделения по международному сотрудничеству Министерства, Главного управления на транспорте,

---

⁴ *Supo* (2017) Terrorist threat assessment 14.6.2017. URL: http://www.supo.fi/counterterrorism/terrorism_threat_assessment (дата обращения: 01.07.2018).

⁵ В частности, проблемой религиозного экстремизма в республиках Северного Кавказа.

Главного управления по вопросам миграции, Национального центрального бюро Интерпола МВД России, руководители МВД по Республике Карелия, Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, УМВД России по Мурманской области.

В ходе заседания был проведен краткий обзор состояния сотрудничества между МВД России и МВД Финляндии в борьбе с преступностью. Отмечено, что совместная работа вновь набирает обороты, свидетельством чему являются регулярные встречи на уровне руководства двух ведомств, а также возобновление деятельности указанной координационной группы после семилетнего перерыва.

Российской стороной было предложено юридически закрепить возможность сотрудничества между приграничными территориальными органами МВД России и местными органами полиции Финляндии на основании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 5 марта 1993 г.

Кроме того, с целью активизации оперативного взаимодействия принято решение о возобновлении подписания планов совместных действий приграничных территориальных органов МВД России и органов полиции Финляндии, в которых будут конкретизированы мероприятия по противодействию преступности, осуществляемые в тесной координации обеими сторонами.

Также в ходе заседания рассмотрены актуальные проблемы взаимодействия сторон в сфере борьбы с организованной преступностью, противодействия незаконной миграции, пресечения деятельности международных транснациональных группировок, причастных к поставкам наркотических средств в Россию и Финляндию.

Стороны договорились продолжить встречи координационной группы на ежегодной основе поочередно в России и Финляндии.

В целях борьбы с неконтролируемой миграцией Российская Федерация и Финляндия договорились о введении вре-

менных ограничений на границе на двух пунктах для граждан третьих стран. Об этом президент РФ Владимир Путин заявил 22 марта 2016 г. на пресс-конференции по итогам переговоров с президентом Финляндии Саули Ниинистё. «Мы в ходе сегодняшних переговоров предметно остановились на тематике приграничного сотрудничества. Господин президент обратил внимание особое на трансграничную миграцию, которая в последнее время сильно обострилась, — сказал Путин. — Хотел бы вас проинформировать, что мы окончательно договорились о введении временных ограничений на двух пунктах пропуска российско-финской границы — Сала и Лот»⁶.

Российский лидер подчеркнул, что эти ограничения затронут граждан третьих стран и отметил важность достижения договоренности между российской миграционной службой и МВД Финляндии. Эти договоренности были посвящены информационному обмену между российскими и финскими партнерами. Тогда же между ФМС России и МВД Финляндии был подписан Меморандум о взаимопонимании в области миграции.

Таким образом, взаимопонимание и приграничное сотрудничество помогут оградить страны от неконтролируемой миграции, что, в свою очередь, будет способствовать сокращению нелегальной миграции, а также росту национальной безопасности обеих стран. Опыт взаимодействия России и Финляндии в сфере приграничной миграции можно считать положительным и успешным и рекомендовать для изучения и распространения в других приграничных регионах. А учитывая протяженность границ нашей страны с сопредельными странами, это может быть весьма актуальным.

Список литературы

1. *Вирккунен Й.* Границы, экстремизм, чувство безопасности: раскрытие связи между миграцией и безопасностью в Финляндии // Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса : матер. II Междунар. науч.-практ. конф. (8 декабря 2016 г.). М., 2016. С. 292—301.

---

⁶ URL: <http://tass.ru/politika/2798836> (дата обращения: 01.07.2018).

2. *Гаджимурадова Г.И.* Интеграция мусульман в Европе: история и современное состояние // Научное обозрение. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. №3. С. 3—7.

3. *Гаджимурадова Г.* Опыт миграционной политики некоторых стран Северной Европы и возможность его применения в России (по результатам качественного исследования в лагере беженцев в Финляндии // Власть. 2018. №4. С. 139—142.

Об авторе

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Россия.

E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

The author

Dr Gulnara I. Gadzhimuradova, Associate Professor, MGIMO University of the MFA of Russia, Moscow, Russia.

E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

D. Verkulevičiūtė-Kriukienė¹

¹ Klaipėda University (Klaipėda, Lithuania)

**SOCIAL DEMOGRAPHIC TRENDS IN LITHUANIAN MUNICIPALITIES
ON THE BORDER WITH POLAND AND RUSSIAN FEDERATION**

Д. Веркулевичюте-Крюкене

**СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ЛИТОВСКИХ МУНИЦИПАЛИТЕТАХ НА ГРАНИЦЕ
С ПОЛЬШЕЙ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ**

This article analyses socioeconomic and demographic processes taking place in the administrative units of Lithuania located on the state border with the Republic of Poland and the Kaliningrad region of the Russian Federation. The survey area includes nine border municipalities belonging to the three counties. These areas have relatively high levels of unemployment, low wages, while the population is rapidly decreasing. One of the most important reasons for this decline is the intensive emigration of the population from border settlements. In addition, water bodies take a large part of the state border. This complicates cooperation with neighbouring countries. The author argues that the standard of living will improve faster in the border regions provided more investment is attracted. The European Union Structural Funds and cross-border cooperation contribute to the economic and social recovery of border municipalities.

Проанализированы социально-экономические и демографические процессы, протекающие в административных единицах Литвы, расположенных на государственной границе с Республикой Польша и Калининградской областью Российской Федерации. Район обследования включает 9 пограничных муниципалитетов, принадлежащих трем округам. Эти области отличаются относительно высоким уровнем безработицы, низкой заработной платой, а их население быстро сокращается. Одной из наиболее важных причин такого снижения является интенсивная эмиграция населения из погранич-

ных поселений. Кроме того, значительная часть государственной границы представляет собой естественные водные объекты. Это усложняет сотрудничество с соседними странами. Утверждается, что уровень жизни в пограничных регионах будет быстрее расти только в том случае, если они смогут привлекать инвестиции. Финансирование структурных фондов Европейского союза и приграничное сотрудничество способствуют экономическому и социальному развитию приграничных муниципалитетов.

Keywords: border municipalities, Lithuania, Poland, Kaliningrad Region, socioeconomic and demographic processes.

Ключевые слова: пограничные муниципалитеты, Литва, Польша, Калининградская область, социально-экономические и демографические процессы.

Introduction

In many countries of the world, the geographical situation of the border areas is not very favourable. The great distances from economic and administrative centres, labour shortages, migration of population and insufficiently developed infrastructure are the reasons why the conditions for business development are not very suitable. In addition, the strict restrictions on the frontier zone are valid. For example, for persons who do not have permission to be in the State Border Guard area and/or border waters of the Republic of Lithuania, administrative liability is provided.

Lithuania is also experiencing these problems. In addition, a large part of the state border is taken by water bodies: rivers Nemunas and Šešupė, Lake Vištytis and Curonian Lagoon. This complicates cooperation with neighbouring countries. On the other hand, these natural conditions could be used for border municipalities by expanding their relations and cooperating with the administrative units of neighbouring states.

The aim of this study is to analyse the socioeconomic and demographic processes taking place in the administrative units of Lithuania located on the state border with the Republic of Poland and the Kaliningrad Region of the Russian Federation.

The relevant tasks will help to achieve the aim of the study:

1. To investigate the changes of population in the border municipalities of Lithuania.
2. To reveal tendencies of unemployment and wages of residents in border municipalities.

The object of the research is the municipalities of Lithuania, located on the state border with the Republic of Poland and the Russian Federation.

Methods and explored territory

The Resolution of the Government of the Republic of Lithuania, provides that the border area is a land band of 15 kilometres wide from the state border line [22]. The administrative units of the Republic of Lithuania — Soutwestern municipalities whose territory falls into this band are also considered as part of the frontier zone. The survey area includes 9 border municipalities belonging to 3 counties: Neringa municipality, Šilutė district municipality, Pagėgiai municipality, Jurbarkas district municipality, Tauragė district municipality, Šakiai district municipality (all 6 municipalities borders with the Kaliningrad Region of the Russian Federation), Vilkaviškis district municipality (bordered by the Russian Federation and the Republic of Poland), Kalvarija municipality and Lazdijai district municipality (both bordering by the Republic of Poland) [20]. Although the municipality of Tauragė district does not contact directly with the state border, but it falls into the frontier zone territory; for this reason, it is included in this study.

The length of the Lithuanian state border with Poland is 104.3 km, the border with the Russian Federation is 274.89 km (by land and Curonian Lagoon) [19]. It reaches 21.47% of the total length of the state border. 9 Lithuanian municipalities with 215 thousand inhabitants are located in this border area. From the political point of view, the state border of Lithuania with the Republic of Poland and the Russian Federation has a different status. Poland is a member of the EU and at the same time the Schengen area. The state border with the Kaliningrad Region of the Russian Federation is the external border of the EU, where strict border control requirements are applied.

Recent (2016—2017) statistical data by municipalities are analysed in this study, a comparative analysis is applicable, and the key demographic and socio-economic data presented in graphical form. The paper also presents theoretical studies of border regions. State documents and cross-border agreements are being analysed.

Review of theoretical studies

Crossing national borders, even if these countries belong to the Schengen area, the population suffer more or less obstacles. In the population survey about the obstacles that may occur in border regions when they interacting across the border [26], the most often mentioned barrier is legal and administrative barriers, considered relevant by more than half of all respondents (53%). Other obstacles faced by residents when they cross national borders are language barriers, difficult physical access, lack of cooperation between public authorities on cross-border issues, and economic disparities [26]. These barriers are relevant for citizens crossing the internal borders of the EU. More of barriers are generated at the external borders of the EU. The borderland is one of the most sensitive areas where national and ethnic identities are most intensively reflected upon by the people living there [9]. However, it should be noted that ethnic conflicts do not arise at the Lithuanian border at present.

EU enlargement has changed the spatial characteristics of the borderland within the EU larger space. It has influenced not only faster economic growth. The changing of the status of borders, presents different types of opportunities for informal entrepreneurship [31].

Border municipalities are faced with many demographic, social and economic difficulties. The geographical situation poses more challenges to municipalities located on the border with Russia (Kaliningrad) as compared to other municipalities of Lithuania. The consequences of contemporary international politics have negatively affected the Lithuanian producers and the economy of municipalities. New enterprises are not being established in border municipalities, therefore the number of jobs does not increase in them.

Poverty is not falling there too. Border regions also are fireplaces of increased crime. During the first half of 2018, at the border with Russia officials identified 137 cases of smuggling, arrested 175 thousand packets of smuggled cigarettes, and 6 tons of sugar [12]. Unfortunately, due to the lack of administrative and political agreements, controlling the illegal transfer of cigarettes across borders is quite complicated [5].

V. Ceccato (2007) distinguishes at a few factors which influences criminal activities in border regions: human flows, cross-border trade, illegal business also societal structures and organizational and cultural differences between states. The most common cases of smuggling activities are the illegal export of alcohol, textiles, domestic electrical appliances, clothes, footwear, and food products. However the author focuses on a selection of offences that have an effect that goes far beyond Lithuania's borders: cigarette smuggling, drug-related offences, and human trafficking. Lithuania is the important source country for ecstasy and amphetamines [6].

Specific human activities have formed in border areas — the so-called shuttle trade. Shuttle traders from the Baltic States and Poland specialize mainly in gasoline and cigarettes, which in Russia are two or even more times cheaper than in the corresponding EU member states. This activity has a negative impact on tax collection, as well as increasing congestion in the border area. As a result, shuttle trade is not welcomed by the authorities of neighbouring countries [14].

The opening up of borders creates new opportunities for some residents of border regions. A. Decoville at al. (2018) argues, that there is no reciprocity with regard to the mutual social trust that people have towards their neighbours within cross-border areas [10, p. 1]. According to the results of population surveys, 17.9—27.1% of respondents living in border regions of Western-Southeastern Lithuania feels uncomfortable having an inhabitant of the neighbouring border region as a manager, a work colleague, a neighbour or a family member [10, p. 12—13].

The study of the investment climate of the border regions is very important for attracting foreign investment, increasing the competitiveness of border areas, their sustainable development and improving the living standards of the local population. A. Okhotina (2015) analyse the investment climate in cross-border regions in Latvia, Lithuania and Belarus. The author states, that the territories of the border regions of the three countries have common strengths (an advantageous geographic location between the western and eastern markets; competitive advantage due to the relatively low cost of labour; number of universities; well-developed network of institutions secondary and vocational education; developed basic infrastructure commercial enterprises) [25]. These benefits should be exploited. Aspects of cooperation in border regions analysed by other authors [4; 13; 17; 27; 30]. C. M. Johnson (2009) states that cross-border cooperation is becoming a key tool as localities and other territories strive to become 'global'.

Thus, cross-border issues are dealt with in a theoretical sense in various aspects. However, a specific analysis of border municipalities will help to reveal demographic and socio-economic aspects in a much more detailed way.

Demographic processes in the border municipalities of Southwest Lithuania

In Lithuania, since 1994, for the first time in its history of peace, depopulation has begun — every year the population dies more than they are born [29, p. 154]. Population is constantly decreasing due to negative natural change and rapid emigration. The link between population density and demographic indicators is evident. If population density is lower, demographic indicators are worse [8, p. 37].

The population density of the rural population in the Southwestern Lithuanian border municipalities is not disastrously low (in many elderships it exceeds 12.5 pop/ km², however, in several border elderships (Viešvilė, Gražiškiai, Kapčiamiestis) this indicator

exceeds a dangerous threshold (less than 10 pop/km²). Therefore, Jurbarkas and Lazdijai district municipalities classified as sparsely populated areas [8].

The population of Lithuania has decreased by more than 11% in 2008—2016. The decrease in the number of inhabitants at the border municipalities is even more intense (fig. 1). The population fell by more than 13% in the Southwestern part of the border municipalities, while in Pagėgiai municipality their number decreased by more than 20%. Settlements located close to the state border, has suffered even more intense depopulation. In the period from 2008 to 2016, the population of Kybartai decreased by 27.8%, Smalininkai by 32.9%, and in Panemunė by 40% (all on the border with Russia).

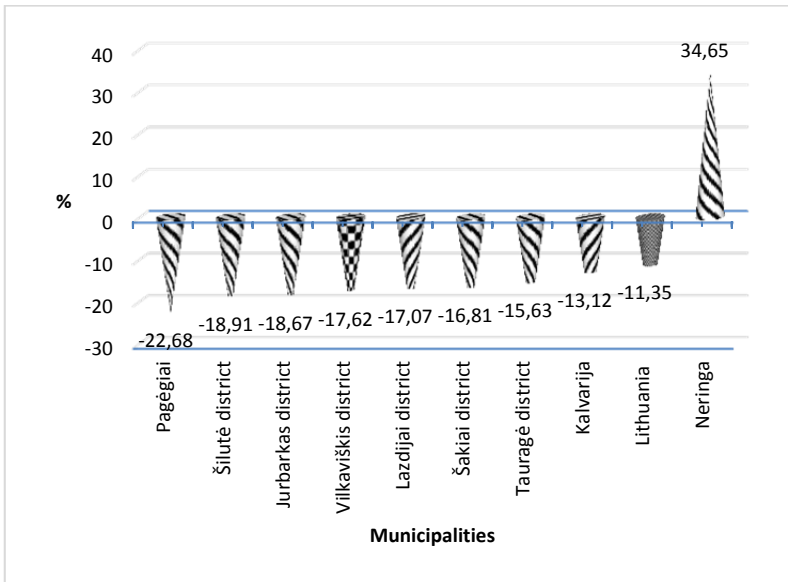

Fig. 1. The change of population in border municipalities of Southwest Lithuania in 2008—2016, %

Source: [24].

In order to assess the population change in the municipality of Neringa, it would be necessary to take into account the specific situation of this municipality. Residents who bought real estate in Neringa register in this municipality. As a result, they have the privilege not to pay entry fees when going to the second home. As a result, the population figures of Neringa municipality indicated in the statistics do not correspond to reality. According to the data of the municipal administration, this difference may reach 10% or more.

International migration forms the largest part of the total population migration in the border municipalities of Southwestern Lithuania. Migration of the population is a consequence of the socio-economic and demographic differences in the country's territory.

In most of the border municipalities, the international migration of the population is 2—3 times higher than the internal migration (fig. 2). In the case of both types of migration, the population is more likely to leave the municipalities than to come to them. Exclusive is only Neringa municipality, where the population has even grown due to positive internal migration.

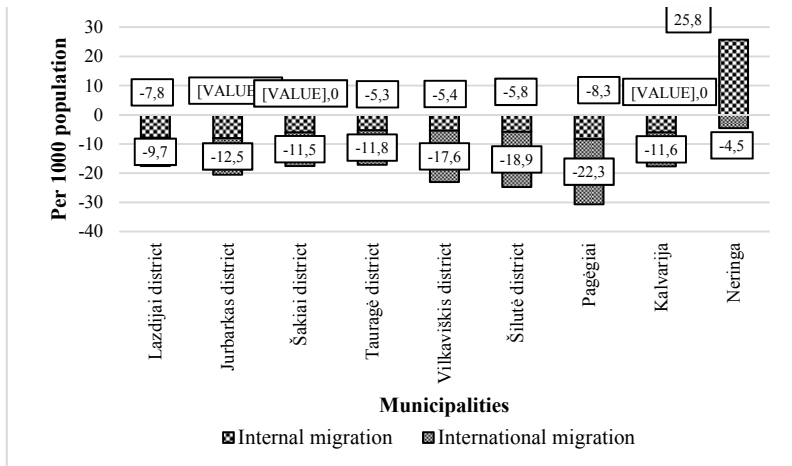

Fig. 2. Net internal migration and net international migration in border municipalities of Southwest Lithuania in 2016 (per 1000 population)

Source: [18].

The inhabitants of the Pagėgiai municipality, being relatively younger than the population of many other border municipalities, massively emigrate to foreign countries. Even higher wages, compared with other municipalities surveyed, cannot stop them. Emigrants are not only young but also older people. Many children left without care when their parents leave.

Natural decrease in population and negative net migration influence the rapid aging of the population throughout Lithuania. Lithuanians are aging as the number of children decreases and the number of pensioners increases [29, p. 182]. In most of the South-western Lithuanian border municipalities, the Index of ageing exceeds the national average. According to the Index of ageing, the Lazdijai district municipality (185) falls among the municipalities with one of the highest rates (others are located on the eastern and north eastern borders). As societies are aging, the number of working people is decreasing, therefore, the need for social services and social welfare expenditures for social protection is increasing. Elderly and disabled people usually need help at home, day care at a person's home or institution and lodging at a care home [28]. In the general context of population aging, the Neringa municipality is in a good position, in which the population Index of ageing (95) in 2016 only slightly exceeded the meanings of largest cities — Vilnius, Klaipėda and Kaunas. This can be explained by the young demographic structure of the population registering a place of residence in the municipality of Neringa.

Overall, there were no significant differences in the demographic indicators between Lithuanian municipalities located on the Russian-Polish border. Individual values appear, but negative tendencies are characteristic for all municipalities, except Neringa resort.

Disparities in employment and wages of border residents

The geographical situation of border municipalities directly affects the labor market. Meanwhile, it is necessary to create a business and new jobs in these municipalities. This would stimulate economic growth, reduce emigration, and increase the incomes of the population.

The share of the employed in Lithuania has been growing in recent years. The number of employed in Neringa municipality doubled in 2012—2015. Unfortunately, this trend does not occur everywhere. The consequences of the crisis remain in the border municipalities in Southwestern and Northern Lithuania. The unemployment rate dropped slower here than in Lithuania [2]. Usually municipalities with the highest unemployment are located at the border.

Despite the massive emigration of the labour force, the high unemployment rate remains in the border municipalities. In 2017 the unemployment rate in all investigated border municipalities (with the exception of Neringa) was higher than the average in Lithuania, and in Lazdijai district municipality it almost doubled the national average (fig. 3). Every eighth resident did not work in the municipalities of Lazdijai district and Kalvarija. Due to high unemployment in Lazdijai district and Kalvarija municipalities, every tenth resident receives social benefits, while in Neringa they received only one in a hundred people.

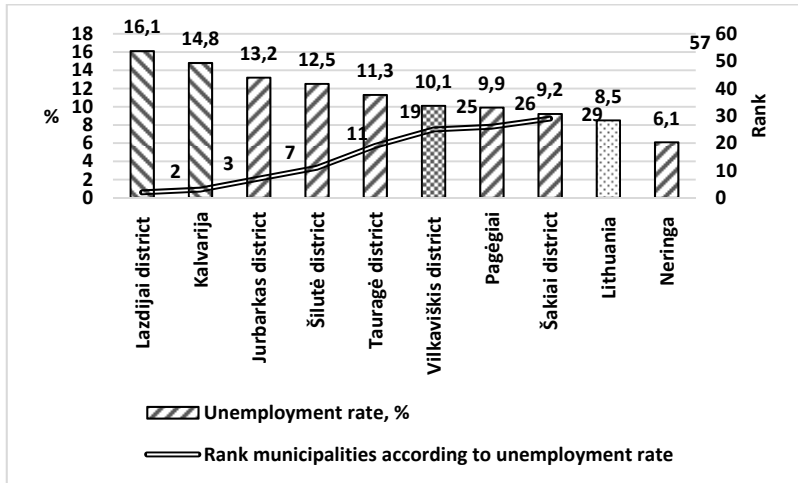

Fig. 3. Unemployment rate (%) and rank of border municipalities by unemployment rate in Southwest Lithuania in 2016

Source: [3].

Long-term unemployment, especially at the border, remains a serious problem. The largest long-term unemployment rate was in Lazdijai district municipality — 52.1% and in Pagėgiai municipality — 50.8% in 2016. So, every second unemployed person did not find a job for a year or longer [3].

In 2018, Lazdijai district municipality has prepared a program for increasing employment. The unemployment rate is high here, but the municipality does not have sufficient financial resources to all persons registered in the Lithuanian Labour Exchange under the priority target groups included in the program [16].

Young people or residents of the border areas that are usually unemployed, often are engaged in illegal smuggling of cigarettes. Typically, cigarettes are manufactured by companies in the Kaliningrad Region and smuggled to Lithuania or sold in the country or sent to other European countries [6, p. 153].

In general, salaries in Lithuania are not high, primarily due to low productivity. In 2017, the average monthly gross wage in Lithuania was 840 Euros. It is determined by a small amount of capital [3].

According to the data of the Department of Statistics of Lithuania, residents of the border municipalities, among them — Kalvarija and Lazdijai district, receive the lowest wages (fig. 4).

The wages of the population are lower by 13—27% in these municipalities compared to the average of Lithuania. A certain regularity has been observed in the surveyed area — in the border municipalities with Poland, wages are on average are lower than in the border municipalities with the Russian Federation.

According to the wages of the population, the rank of these municipalities exceeds 50 (among 60 municipalities arranged in descending order).

Pagėgiai municipality is one of the smallest municipalities in Lithuania, which has a number of modern processing enterprises oriented to export markets. It affects the higher wages of the population than in other municipalities surveyed [21].

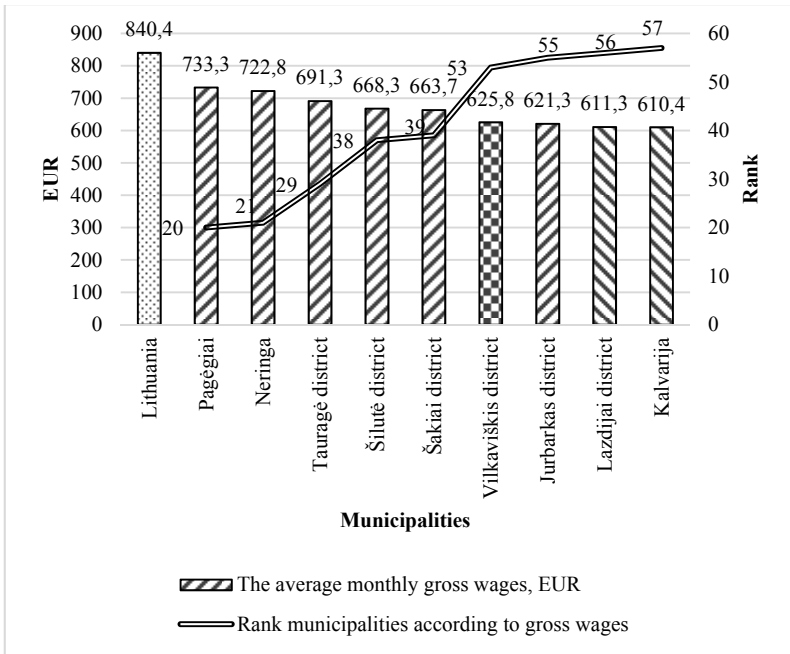

Fig. 4. The average monthly gross wages (EUR) and rank municipalities according to gross wages in border municipalities of Southwest Lithuania in 2017

Source: [7].

A particular case in this regard is the Neringa municipality. As some wealthy residents of other municipalities have acquired real estate and declare their place of residence in the municipality of Neringa, their income tax is included in the municipality of Neringa. Therefore, according to the statistics, the wages of the population in Neringa municipality are one of the highest, although this does not correspond to reality. A strong seasonality is characteristic of the economic activities of this resort. Most of the local population receives income from rental housing, provision of services for vacationers during the summer and fishing.

Municipalities with the worst social indicators attract a minimum of investment. For this reason, the border municipalities, especially in the Southwestern Lithuania, are not attractive to investors. In the municipalities at the border with Poland, foreign direct investment does not reach 100 EUR per capita (when the average of Lithuania was 4673 EUR in 2016). In the municipalities located on the border with Russia, FDI is more than twice lower than in Lithuania.

The standard of living will improve faster in the regions of Lithuania only if they are able to attract investments — both foreign and local. Local and central government should be responsible for this [3]. This could reduce social inequalities between regions of Lithuania.

Municipalities of border region suffered a great isolation for many years. Membership in the European Union made it possible to reduce that isolation. Since 2004, two programs have been implemented between three countries: Lithuania, Poland and Russia: 1) Neighborhood Program of Lithuania, Poland and the Russian Federation. Over the period 2004—2006, more than 44.5 million Euro was spent on this program; 2) Cross-border cooperation programs for Lithuania, Poland and Russia for 2007—2013 [1]. About 50 million Euro of funds will be allocated to Lithuania-Poland border projects for the period 2014—2020. The support for small projects from the European Regional Development Fund amounts to 1.5 million EUR. It is important to note that even 14 small projects will be implemented by institutions located in the border region: hospitals, social support centers, non-governmental organizations and other institutions providing public services. It will contribute to the promotion of social inclusion, the fight against poverty and all forms of discrimination [23].

Another form of Lithuanian-Polish cross-border cooperation is the creation of the functional zone of the Lithuanian-Polish region. This will eliminate the exclusion of this region. This zone will help to develop the infrastructure of the region, to improve the living environment, to strengthen cooperation between Lithuanian and Polish border municipalities and their people [11].

The European Union continues to cooperate with Russia at the external borders of the Union. The EU's external border program aims to strengthen border regions and border cooperation. The fight against poverty, the strengthening of good governance at regional and local level, border and migration management improvement is provided [1]. In the future, it is planned to promote and expand cooperation initiated between Lithuania, Poland and Russia, at the level of border regions.

Conclusions

1. The decrease of the number of inhabitants at the border municipalities is even more intense than in Lithuania in average. The population fell by more than 13% in the Southwestern part of the border municipalities in 2008—2016. International migration forms the largest part of the total population migration in the border municipalities of Southwestern Lithuania. In general, in the case of both types of migration (international and internal), the population is more likely to leave the border municipalities than to come to them. In most of the Southwestern Lithuanian border municipalities, the Index of ageing exceeds the national average. In the general context of population change and aging, the Neringa municipality is in a good position — this could be explained by the young demographic structure of the population registering a place of residence in the Neringa municipality.

2. Unemployment rate in all border municipalities of Southwestern Lithuania (with the exception of Neringa) is higher than the average in Lithuania. Every eighth resident did not work in the municipalities of Lazdijai district and Kalvarija. Border municipalities are also characterized by high long-term unemployment, especially in Lazdijai district municipality and in Pagėgiai municipality. This is a consequence of the lack of jobs and insufficient preparedness of the local population to enter the labour market. Residents of the border municipalities receive the lowest wages (lower up to 27% compared to the average of Lithuania). The situ-

ation in the Lithuanian municipalities bordered by Poland in terms of employment and wages is more complicated than on the border with the Kaliningrad Region. In the municipalities at the border with Poland, foreign direct investment accounts for only about 2% of Lithuania's average, while in the municipalities located on the border with Russia, FDI is more than twice lower than in Lithuania.

In the future, the cooperation initiated between Lithuania, Poland and Russia at the level of border regions could reduce social inequalities and improve the socio-economic and demographic situation there.

References

1. 2014—2020 m. Lietuvos ir Rusijos bendradarbiavimo per sieną programa. EK sprendimas Nr. C (2016) 8463. 2016 [Cross-border cooperation program between Lithuania and Russia for 2014—2020. EC Decision No. C (2016) 8463], available at: http://www.eni-cbc.eu/lr/data/public/uploads/2017/10/d1_lt-ru-2014-2020-bps-programos-dokumentoneoficialus-vertimas.pdf (accessed 02.07.2018). (In Lithuanian).

2. 2016 m. Lietuvos darbo rinkos tendencijų apžvalga ir artimiausio laikotarpio perspektyvos. 2017, Lietuvos darbo birža prie Socialinės apsaugos ir darbo ministerijos [An overview of the Lithuanian labour market trends in 2016 and the outlook for the near term. 2017, Lithuanian Labour Exchange under the Ministry of Social Security and Labour, available at: https://www.ldb.lt/Informacija/DarboRinka/Tendencijos_pdf/Darbo%20rinkos%20ap%C5%BEvalga%202016-N.pdf (accessed 18.06.2018). (In Lithuanian).

3. *Alyginimai, nedarbas ir socialinės pašalpos gavėjai — skirtumai tarp savivaldybių. Faktai ir analizė. Santrauka.* 2017, Lietuvos laisvosios rinkos institutas [Salaries, unemployment and recipients of social benefits — the differences between municipalities. Facts and Analysis. Summary. 2017, Lithuanian Free Market Institute], available at: <https://www.llri.lt/wp-content/uploads/2017/07/PB-soc-invest.pdf> (accessed 18.06.2018). (In Lithuanian).

4. Belova, A. B. 2009, Programma «Sosedstvo: Litva — Polsha — Kaliningradskaya Oblast Rossiyskoy Federatsii» kak vazhnyy instrument stimulirovaniya bipolyarnogo nauchnogo prostranstva Klaipeda — Kaliningrad [The Program „Neighborhood: Lithuania — Poland — Kalinin-

grad Oblast of the Russian Federation“ as an important tool to stimulate the bipolar scientific space of Klaipėda — Kaliningrad], *Issledovaniya Baltijskogo regiona, Vestnik Instituta Baltijskogo regiona RGU im. I. Kanta* [Studies of the Baltic region., Bulletin of the Institute of the Baltic Region of the RSU I. Kant], №3. Kaliningrad, pp. 77—84. (In Russ.).

5. Bikelis, S., Giedrytė-Mačiulienė, R., Mickėnienė, I., Venckevičienė, J. 2017, *Cigarečių neteisėta apyvarta: kompleksinė reiškinio ir kontrolės priemonių analizė*. Lietuvos teisės institutas [Unlawful turnover of cigarettes: complex analysis of phenomena and control measures. Lithuanian Law Institute], Vilnius, „Eugrimas“, 206 p., available at: http://teise.org/wp-content/uploads/2017/04/Cigareciu_apyvarta.pdf (accessed 24.06.2018). (In Lithuanian).

6. Ceccato, V. 2007, Crime Dynamics at Lithuanian Borders, *European Journal of Criminology*. Volume 4 (2), pp. 131—160. doi: 10.1177/1477370807074845, available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1477370807074845?journalCode=euca> (accessed 25.06.2018).

7. *Darbo užmokestis apskrityse ir savivaldybėse*. 2018, Lietuvos statistikos departamentas [Salaries in counties and municipalities. 2018, Statistics Lithuania], available at: <https://osp.stat.gov.lt/informaciniai-pranesimai?articleId=5720098> (accessed 24.06.2018). (In Lithuanian).

8. Daugirdas, V., Burneika, D., Kriaučiūnas, E., Ribokas, G., Stanaitis, S., Ubarevičienė, R. 2013, *Lietuvos retai apgyventos teritorijos*, Lietuvos socialinių tyrimų centras [Sparsely populated areas of Lithuania, Lithuanian Social Research Center], Vilnius, 166 p. (In Lithuanian).

9. Daukšas, D. 2014, Living in the Borderland: The Case of Polish — Lithuanians, *Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*, Vol. 60, No. 4, pp. 43—61, available at: http://www.lituanus.org/2014/14_4_03_Daugasas.html (accessed 26.06.2018).

10. Decoville, A., Durand, F. 2018, Exploring cross-border integration in Europe: How do populations cross borders and perceive their neighbours? *European Urban and Regional Studies*, Sage, pp. 1—24. doi: 10.1177/0969776418756934, available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0969776418756934> (accessed 25.06.2018).

11. *Deklaracja Samorządów Rzeczypospolitej Polskiej: Gminy Puńsk, Rutka Tartak, Gminy Giby, Gminy Sejny, Miasta Sejny, Gminy Szypliszki, Gminy Wiżajny Oraz Republiki Litewskiej: Rejonu Łódzkiego, Rejonu Kalwaryjskiego, Rejonu Wilkowyskiego. Lenkijos Respublikos Punsko, Rutkos-Tartako, Gibų, Seinų, Šipliškės, Vižainio valsčių ir Seinų miesto bei Lietuvos Respublikos Lazdijų, Vilkaviškio rajonų ir Kalvarijos savi-*

valdybių deklaracija. 2018, [Declaration of the municipalities of Pusk, Rutka-Tartak, Giby, Sejny, Szypliszki, Wiżajny and Sejny town of the Republic of Poland, as well as Lazdijai and Vilkaviškis districts and Kalvarija municipalities of the Republic of Lithuania], Urząd Miasta Sejny, available at: http://www.um.sejny.pl/articles_files/5aabc68ea551a.pdf (accessed 08.07.2018). (In Polish and Lithuanian).

12. *Europos Sąjunga (ES) tęsia bendradarbiavimą su Rusija ties išorinėmis Sąjungos sienomis*. 2018, Valstybės sienos apsaugos tarnyba [The European Union (EU) continues to cooperate with Russia at the external borders of the Union. 2018, State Border Guard Service], available at: http://www.pasienis.lt/popup2.php?m_news_id=1228&tmpl_name=m_news_print_form (accessed 25.06.2018). (In Lithuanian).

13. Fedorov, G. M. 2011, The North-West of Russia: the potential and areas of Russian-Lithuanian research and innovation cooperation, *Baltic Region*, 2(8), Kaliningrad, pp. 56—69.

14. Golunov, S. 2016, Organizing against Border Barriers: The Case of EU-Russian Border, *Alternatives: Global, Local, Political*, Vol. 41(3), pp. 154—171. doi: 10.1177/0304375417691295, available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0304375417691295?journalCode=alta> (accessed 25.06.2018).

15. Johnson, C. M. 2009, Cross-Border Regions and Territorial Restructuring in Central Europe, *European Urban & Regional Studies*, No. 16(2), pp. 191—206. doi: 10.1177/0969776409102190, available at: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0969776409102190> (accessed 25.06.2018).

16. *Lazdijų rajono savivaldybės užimtumo didinimo programa 2018 m.* Lazdijų rajono savivaldybės taryba. 2018 m. vasario 2 d. Nr. 5TS-1160 [The program for increasing employment of Lazdijai district municipality in 2018. Council of Lazdijai district municipality, 2 February 2018, No. 5TS-1160], Lazdijai, available at: <http://www.webpartner.lt/lazdijai/subsystems/dhs/preview/2018/01/24/8637/index.php> (accessed 20.06.2018). (In Lithuanian).

17. Leitsin, V. N., Dmitriyeva, M. A. 2011, On the prospects of cooperation between Russian and Lithuanian innovative sectors, *Baltic Region*, 2(8), Kaliningrad, pp. 70—81.

18. *Lietuvos gyventojų tarptautinė migracija 2016*. 2017, Lietuvos statistikos departamentas [International Migration of the Lithuanian Population 2016. 2017, Statistics Lithuania], available at: <https://osp.stat.gov.lt/services-portlet/pub-edition-file?id=27704> (accessed 23.06.2018). (In Lithuanian).

19. *Lietuvos Respublikos valstybės siena*. 2018, Valstybės sienos apsaugos tarnyba [State border of the Republic of Lithuania. 2018, State Border Guard Service], available at: <http://www.pasienis.lt/index.php?2279740605> (accessed 19.07.2018). (In Lithuanian).

20. Muitinės departamento prie Lietuvos Respublikos finansų ministerijos generalinio direktoriaus įsakymas. 2005 m. vasario 28 d. Dėl asmenų, gyvenančių Lietuvos Respublikos pasienio zonoje, besiribojančioje su Rusijos Federacija ir Baltarusijos Respublika, Rusijos Federacijos arba Baltarusijos Respublikos pasienio zonose, besiribojančiuose su Lietuvos Respublika, nuolatinės gyvenamosios vietos nustatymo metodikos patvirtinimo [Order of the Director General of the Customs Department under the Ministry of Finance of the Republic of Lithuania. The approval of the methodology for determining the place of residence of persons residing in the border area of the Republic of Lithuania adjoining the Russian Federation and the Republic of Belarus, in the border areas of the Russian Federation or the Republic of Belarus adjoining the Republic of Lithuania], *Valstybės žinios*, 2005-03-08, Nr. 32—1058, available at: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.252022> (accessed 19.07.2018). (In Lithuanian).

21. *Pagėgių savivaldybės 2016—2018 metų strateginis veiklos planas*. 2016, Pagėgių savivaldybės administracija [Strategic Plan of Pagėgiai municipality for 2016—2018, 2016, Administration of Pagėgiai municipality], available at: <http://www.pagegiai.lt/index.php?2374533542> (accessed 01.07.2018). (In Lithuanian).

22. *Pasienio zonos savivaldybės*. 2018, Lietuvos Respublikos muitinė. [Border Area Municipalities. 2018, Customs of the Republic of Lithuania.], available at: <http://www.cust.lt/web/guest/keleiviams/pasieniosavi-valdybes> (accessed 02.07.2018). (In Lithuanian).

23. Patvirtintas finansavimas 38 Lietuvos-Lenkijos bendradarbiavimo iniciatyvoms. 2017, *Europos Sąjungos teritorinis bendradarbiavimas* [Approved funding for 38 Lithuanian-Polish cooperation initiatives. 2017, Territorial Cooperation of the European Union] Interreg Lietuva-Polska, available at: <http://www.esbendradarbiavimas.lt/patvirtintas-finansavimas-38-lietuvos-lenkijos-bendradarbiavimo-iniciatyvoms/> (accessed 02.07.2018). (In Lithuanian).

24. *Resident population by county and municipality at the beginning of the year*. 2018, Lietuvos statistikos departamentas. available at: https://osp.stat.gov.lt/EN/statistiniu-rodikliu-analize?hash=43740cdd-f29a-4f9c-9e8c-e4499c56908e# (accessed 19.07.2018).

25. Okhotina, A. 2015, Prigranichnyye regiony Latvii, Litvy, Belarusi — gde investitsionnyy klimat «tepleye»? [The border regions of Latvia, Lithuania, Belarus — where the investment climate is „warmer?” No. 2 (21), *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, pp. 27—47, available at: http://humanities.social.lv/wp-content/uploads/2016/02/SZF-vestnesis_2015_2_DRUKA-1.pdf (accessed 25.06.2018). (In Russ.).

26. *Overcoming obstacles in border Regions — Summary report on the online public consultation*. 2016. European Commission, Directorate-General for Regional and Urban Policy, available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/consultation/overcoming-obstacles-border-regions/results/overcoming_obstacles_en.pdf (accessed 30.06.2018).

27. Spirajevs, E. 2009, Vzaimodeystviye v bipolyarnom prostranstve Klaipeda — Kaliningrad: problemy i perspektivy issledovaniya. *Issledovaniya Baltijskogo regiona, Vestnik Instituta Baltijskogo regiona RGU im. I. Kanta* [Interaction in bipolar space Klaipeda — Kaliningrad: problems and prospects of research, Studies of the Baltic region., Bulletin of the Institute of the Baltic Region of the RSU I. Kant], №3. Kaliningrad, pp.70—76. (In Russ.).

28. *Šakių rajono savivaldybės 2018 metų socialinių paslaugų planas*. 2018, Patvirtinta Šakių rajono savivaldybės tarybos 2018 m. balandžio 25 d. sprendimu Nr. T-149 [The plan of social services for Šakiai district municipality in 2018. 2018, Approved by decision of Council of Šakiai district municipality, 25 April 2018, No. T-149, available at: http://www.sakiai.lt/sakiai/m/m_doc_shop_v2/wfiles/23709.docx (accessed 17.06.2018). (In Lithuanian).

29. Vaitekūnas, S. 2006, *Lietuvos gyventojai. Per du tūkstantmečius* [Residents of Lithuania. Over two millennia], Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 477 p. (In Lithuanian).

30. Zverev, Yu M., Batorshina, I. A., Megem, M. Ye. 2011, The research and technology development in Lithuania and the prospects of research and technology cooperation between Lithuania and Russian federation, *Baltic Region*, 2(8), Kaliningrad, pp. 49—55.

31. Xheneti, M., Smallbone, D., Welter, F. 2012, EU enlargement effects on cross-border informal entrepreneurial activities, *European Urban and Regional Studies*, No. 20(3), pp. 314—328. doi: 10.1177/0969776411434849, available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0969776411434849> (accessed 25.06.2018).

The author

Dr Daiva Verkulevičiūtė-Kriukienė, Associate Professor, Centre of Social Economic Geography Studies, Faculty of Social Sciences and Humanities, Klaipėda University, Lithuania.

E-mail: verkuleviciute.daiva@gmail.com

Об авторе

Веркулевичюте-Крюкене Дайва, кандидат наук, доцент Центра социально-экономических географических исследований, факультет социальных и гуманитарных наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: verkuleviciute.daiva@gmail.com

Т. Студзенецки¹, И. С. Гуменюк²

¹ Морской университет в Гдыне (Гдыня, Польша)

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРУППА
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (ЕГТС)
КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Цели статьи — познакомить с новым инструментом приграничного сотрудничества — Европейской группой территориального сотрудничества (ЕГТС), а также проанализировать возможности его использования на польско-российской границе. Данная граница с конца XX в. — область интенсивного трансграничного сотрудничества. Для повышения качества этого сотрудничества требуется поиск оптимальных институциональных и организационных решений. В контексте предыдущего опыта таким инструментом сотрудничества выступали еврорегионы. Внедрение Европейским союзом (ЕС) нового инструмента ЕГТС в 2006 г. дало возможность активизировать приграничное сотрудничество не только на внутренних, но и на внешних границах ЕС. Это стало результатом внедрения отдельных механизмов политики сплочения для политики соседства.

Калининградская область, будучи российским эксклавом, окруженным странами Европейского союза, стала областью, подходящей для развития инструмента ЕГТС. Создание ЕГТС на польско-российской границе определяется рядом условий, анализ которых позволит лучше диагностировать текущее состояние и выработать направления развития российско-польского трансграничного сотрудничества.

The aim of the article is to introduce a new instrument of cross-border cooperation — the European Group for Territorial Cooperation (EGTC) — and analyse the possibilities of its use on the Polish-Russian

border. Since the end of the 20th century, this border has been an area of intense cross-border cooperation. Intensification of this cooperation requires a search for optimal institutional and organizational solutions. Having gained experience, Euroregions acted as such a tool for cooperation. The introduction by the European Union (EU) of a new EGTC instrument in 2006 made it possible to intensify cross-border cooperation not only on the internal borders of the EU but also on its external borders. This was the result of the adoption of separate cohesion policy mechanisms for the Neighborhood policy. The Kaliningrad region, being a Russian exclave surrounded by the countries of the European Union, has become an area suitable for the development of the EGTC tool. The establishment of the EGTC on the Polish-Russian border is determined by a number of conditions, the analysis of which allows the authors to better diagnose the current state and future development of Russian-Polish cross-border cooperation.

Ключевые слова: Европейская группа территориального сотрудничества, польско-российская приграничная территория, приграничное и трансграничное сотрудничество.

Keywords: European Group of Territorial Cooperation, Polish-Russian border, cross-border cooperation.

Условия разработки ЕГТС

Комплексная интерпретация инструмента ЕГТС требует междисциплинарного анализа с акцентированием внимания на политических и экономических аспектах данного инструмента. ЕГТС — это инструмент для достижения в первую очередь экономических и социальных целей. Вместе с тем правовые, географические, социальные и исторические условия также определяют развитие ЕГТС. Исследования научной литературы и анализ деятельности еврорегионов на территории Европейского союза позволяют разработать модель, описывающую условия для развития ЕГТС [14].

Условия разделяются на внутренние, зависящие от самих членов ЕГТС, и внешние, зависящие от ключевых организа-

ций, определяющих модель территориального сотрудничества. К числу последних можно отнести Европейский союз и страны, из которых происходят члены группы (рис. 1). К наиболее важным факторам развития ЕГТС относятся финансовые ресурсы. Эти ресурсы преимущественно являются внешними средствами (например, софинансированием программ европейского территориального сотрудничества), в меньшей степени — внутренними (из взносов членов группы).

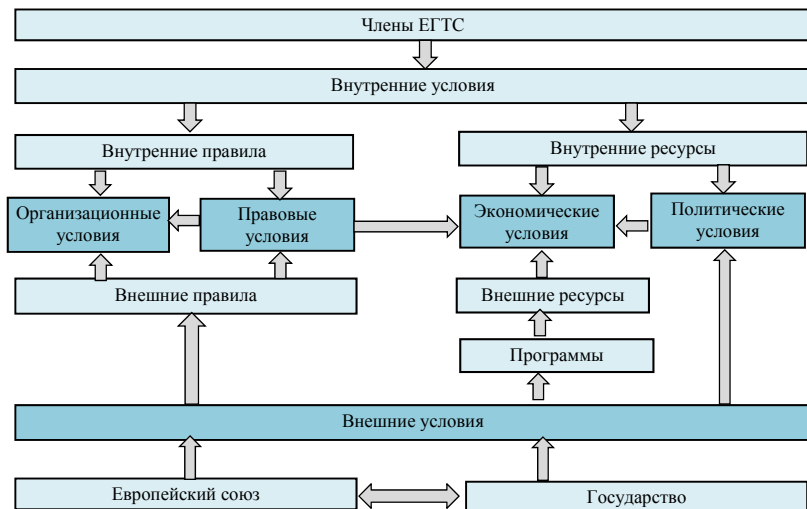

Рис. 1. Модель развития ЕГТС

Источник: [14, s. 78].

Создание и содержание ЕГТС

Европейская группа территориального сотрудничества является правовым документом Европейского союза, позволяющим странам, органам местного самоуправления и другим субъектам осуществлять более эффективное трансграничное,

транснациональное и межрегиональное сотрудничество [14, с. 9]. ЕГТС является первым инструментом такого типа с европейской юридической правосубъектностью и правоспособностью с самыми широкими полномочиями, который предоставляется в соответствии с законодательством ЕС и национальным законодательством. В 2018 г. в Европе насчитывается 70 ЕГТС [1].

Можно утверждать, что с появлением данного инструмента началась новая эпоха территориального сотрудничества, в которой ЕГТС станут ключевыми игроками. Если символами предыдущего периода были еврорегионы, то следующим символом могут стать «еврогруппы»².

Европейский союз в рамках своих компетенций с самого начала поддерживал субъектность местных сообществ путем активизации сотрудничества «через границы». Однако в течение долгого времени он воздерживался от регулирования своей правовой формы, признавая, что вопросы, касающиеся прав местных и региональных организаций, относятся к исключительной компетенции органов государств-членов и не входят в сферу компетенции органов местного самоуправления [2, s. 31].

Растущее значение региональной политики способствовало развитию и институционализации приграничного сотрудничества в Европе. Еврорегионы стали инструментом данного сотрудничества [19, с. 75]. Они не имели статус наднациональных организаций и подчинялись национальной юрисдикции государства и его органов. Структура межгосударственного сотрудничества определялась государственными органами в соответствии с принятыми ими международными стандартами и обязательствами. Ни одна из сторон, входящих в еврорегион, не обладала элементами суверенитета.

---

² Термин «еврогруппа» является сокращенным рабочим названием европейских групп территориального сотрудничества.

Важную роль в процессе европейской интеграции сыграла программа «Интеррег»³, обеспечивающая финансирование приграничного сотрудничества. Однако она не смогла обеспечить революционные изменения в рамках нынешнего правового поля, поскольку «региональная политика не обеспечивала высокого уровня трансграничного сотрудничества» [4]. Поэтому возникла необходимость в разработке системных решений, которые бы всесторонне устраняли существующие барьеры и придавали новый импульс в развитии трансграничного сотрудничества, повышая его статус в иерархии деятельности Европейского союза.

Только в 2006 г. появился долгожданный новый правовой документ [11] — Европейская группа территориального сотрудничества. Инструмент ЕГТС позволил и значительно облегчил органам территориального самоуправления реализацию более эффективного территориального сотрудничества путем создания трансграничных инструментов с правосубъектностью.

В первоначальной версии этого документа использовалось название «Европейская группа приграничного сотрудничества» (ЕГПС). Название было изменено под влиянием предложений Европейского парламента. Европейская группа территориального сотрудничества охватывает более широкий круг партнерств, называемый «межтерриториальным», что включает в себя не только приграничное, но и транснациональное и межрегиональное сотрудничество. С другой стороны, Комитет регионов предложил использовать термин «трансъевропейское сотрудничество» [3, с. 2].

В 2013 г. формула ЕГТС была улучшена [10]: расширилась область компетенций, внедрена дополнительная категория членства и упрощена формула регистрации. Основная цель

---

³ Инициатива Европейского союза, цель которой заключалась в поддержке трансграничного, международного и межрегионального сотрудничества как на внешних, так и на внутренних границах ЕС. Эта инициатива софинансировалась из Европейского фонда регионального развития (ЕФРР).

ЕГТС — содействие территориальному сотрудничеству в таких направлениях, как приграничное, транснациональное и межрегиональное [11, s. 1].

Управление программами территориального сотрудничества стало одной из главных целей ЕГТС. Другие задачи связаны с реализацией других проектов в области территориального сотрудничества (рис. 2).

Рис. 2. Задачи ЕГТС

Источник: [13, s. 18].

Европейская группа территориального сотрудничества обладает определенным набором задач [10], заключающихся в поддержке территориального сотрудничества с целью повышения экономической, социальной и территориальной сплоченности и преодоления барьеров на внутреннем рынке. Каждая задача определяется ее членами как входящая в компетенцию каждого члена, если только государство-член или третья страна не одобряет участие члена, созданного в соответствии с их национальным законодательством, даже если этот член не обладает компетенцией по всем задачам, изложенным в документах, регламентирующих создание и функционирование ЕГТС.

Задачи групп ЕГТС связаны в первую очередь с осуществлением программ сотрудничества, поддерживаемых ЕС через

Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд или Фонд сплочения. Государства-члены конкретизируют перечень задач, которые могут выполнять ЕГТС без финансовой поддержки со стороны ЕС.

В контексте нового постановления было принято решение разрешить юридическим лицам из третьих стран, соседствующих с государствами-членами, включая их самые отдаленные регионы, участвовать в ЕГТС. Эти субъекты могут иметь разный иерархический статус: статус государства, региональный орган власти, орган местного самоуправления или отдельное предприятие (рис. 3).

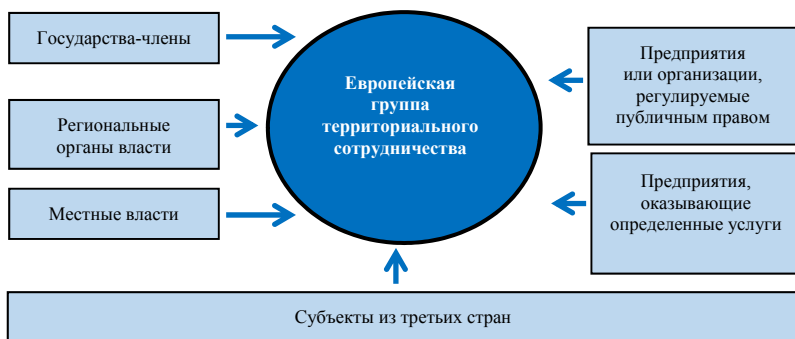

Рис. 3. Категории членства в ЕГТС в соответствии с Регламентом 2013 г.

Источник: [13, s. 20].

Польско-российская пограничная территория как область приграничного сотрудничества

Польско-российское сотрудничество было официально инициировано в 1991 г. центральными органами исполнительной власти Российской Федерации и Республики Польша. Постепенно в сотрудничество были включены территориальные органы государственной администрации обеих стран. Этому сотрудничеству способствовала все более активная интегра-

ция региона Балтийского моря [17, р. 772]. Территориальная реформа Польши, в том числе создание трехуровневой административной системы, повысила роль воеводств, которые стали самостоятельными партнерами Калининградской области. Эволюция сотрудничества заключалась в постепенном включении городов и коммун и, в меньшей степени, повятов в сотрудничество. В то же время активизировалось сотрудничество между коммерческими и некоммерческими организациями. Можно выделить четыре уровня сотрудничества (табл.). Субъектами ЕГТС могут быть участники всех четырех уровней с ограничениями на последнем уровне⁴.

Структура польско-российского сотрудничества

Тип сотрудничества	Суть сотрудничества
Сотрудничество между правительствами	Двустороннее сотрудничество осуществляется Польско-российской межправительственной комиссией по межрегиональному сотрудничеству и Польско-российским советом по сотрудничеству регионов Польши с Калининградской областью Российской Федерации. В задачи Совета входят, в частности, вопросы поддержки развития спортивной и туристической инфраструктуры, а также развитие транспортных объектов и соответствующей инфраструктуры
Сотрудничество между региональными властями	Власти Поморского и Варминьско-Мазурского воеводств признали в официальных документах сотрудничество с Калининградской областью одним из приоритетов международного сотрудничества. Соглашение о сотрудничестве между Варминьско-Мазурским воеводством и администрацией Калининградской области с 2001 г. предполагало, что стороны будут поддерживать экономическое и социальное развитие путем активизации контактов между коммерческими организациями, способствовать организации семинаров и конференций, совместных торговых ярмарок, инициирование прямых контактов между туристическими компаниями

⁴ Правила ограничивают участие хозяйствующих субъектов в ЕГТС, в то время как они не создают препятствий для некоммерческих объединений хозяйствующих субъектов, например торговых палат.

Окончание табл.

Тип сотрудничества	Суть сотрудничества
Еврорегиональное сотрудничество	Создание еврорегионов внесло значительный вклад в активизацию международного сотрудничества между территориями Польши и России. Приграничное сотрудничество осуществлялось через еврорегионы «Балтика», «Неман» и «Лына-Лава». В уставах всех еврорегионов есть положения, касающиеся поддержки социально-экономического развития приграничных территорий. С польской стороны еврорегионные структуры функционируют как ассоциации местного самоуправления
Сотрудничество между субъектами предпринимательства	Сотрудничество польских и российских хозяйствующих субъектов благоприятствовало деятельности Польско-российской торгово-промышленной палаты, которая занимается коммуникацией партнеров, продвижением торговых ярмарок и операционным деловым туризмом. Кроме того, регулярно организуется польско-российский форум по туризму. Туристические фирмы из России принимают участие в торговых ярмарках в Польше, например, в Гданьской туристической ярмарке. Представители польской туристической индустрии приглашаются на Международную туристическую ярмарку «Янтур» в Калининграде

Составлено по [16, р. 549].

В контексте развития приграничного сотрудничества можно выделить 5 типов трансграничных районов:

- пограничная территория;
- приграничная административная территория;
- еврорегионы;
- территория Европейского инструмента соседства;
- пограничная трансграничная зона.

Каждая область оказывает различное влияние на развитие сотрудничества. Пограничная территория является областью ужесточения режима и контроля, что оказывает тормозящее

влияние на развитие сотрудничества. Административный регион, включающий Калининградскую область и два польских воеводства, является областью формального сотрудничества, рамки которого определяются подписанными соглашениями. По мнению авторов, такая область может ограничивать пространство деятельности ЕГТС. В этом смысле территория действия механизма местного приграничного движения (МПП), включающая участки двух провинций и всей Калининградской области, естественно, войдет в функциональную зону ЕГТС. Территория Европейского инструмента соседства охватывает части трех польских провинций и всю Калининградскую область (рис. 4).

Рис. 4. Границы приграничных территорий по польско-российской границе

Составлено Т. Студзенецким.

Территория Европейского инструмента соседства обозначает пространство, в котором могут быть реализованы проекты, финансируемые из средств Европейского союза. Поэтому присоединение Подляского воеводства к ЕГТС было бы открытым вопросом, зависящим от самостоятельного решения властей этой провинции. На польско-российской границе функционируют три еврорегиона, два из которых («Балтика» и «Неман») включают представителей третьих стран. Эта ситуация открывает дискуссию о возможности более широкого охвата территории функционирования ЕГТС. Исследования [13, s. 10—25] показывают, что ЕГТС расположенные только в двух странах, являются наиболее эффективными, особенно когда функциональная область совпадает с областью институционализированного приграничного сотрудничества.

**ЕГТС как потенциальный участник
Программы приграничного сотрудничества
Польша — Россия 2014—2020 гг.**

Польская и российская стороны совместно участвуют в Программе приграничного сотрудничества Польша — Россия 2014—2020 гг., финансируемой совместно Европейским союзом и Российской Федерацией. Финансовый вклад ЕС обеспечивается Европейским инструментом добрососедства и Европейским фондом регионального развития. Территория реализации Программы сотрудничества Польша — Россия 2014—2020 гг. охватывает четыре региона (рис. 5): три польских и один российский.

Главная цель польско-российской программы заключается в поддержке приграничного сотрудничества в социальной, экологической, экономической и институциональной сферах. Программа разработана таким образом, что осуществление мероприятий в вышеупомянутых аспектах создает основу для развития приграничного сотрудничества и добрососедских отношений в трансграничном регионе. Следует ожидать, что

такая деятельность будет способствовать интеграции территорий, на которых реализуется программа. Для этого необходимо устранить барьеры на пути развития и активнее использовать существующий потенциал и возможности развития.

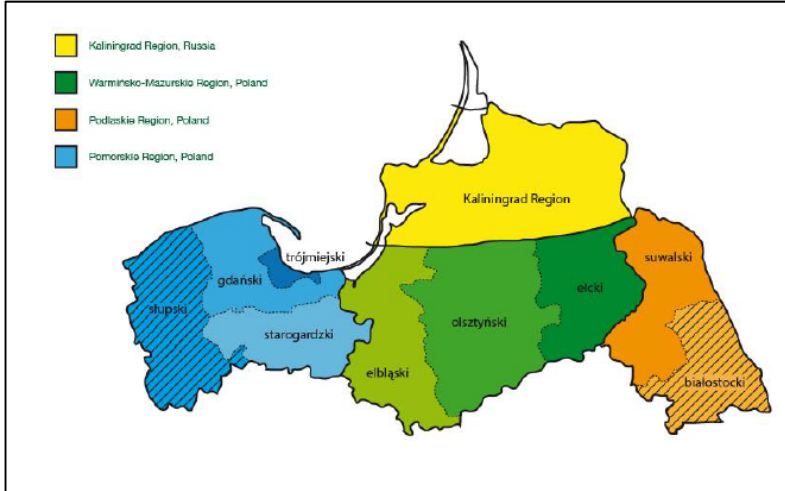

Рис. 5. Территория действия программы Польша — Россия 2014—2020 гг.

Источник: [8].

На основе анализа социально-экономического положения соответствующей территории, используя опыт, накопленный в предыдущих программах приграничного сотрудничества, были определены четыре приоритета программы 2014—2020 гг.:

1. Поощрение местной культуры и сохранение исторического наследия;
2. Охрана окружающей среды, смягчение последствий изменения климата в приграничном регионе;
3. Улучшение доступности регионов, развитие устойчивых и устойчивых к климату видов транспорта, а также сетей и систем связи;

4. Поддержка управления границами и безопасности границ, управление мобильностью и миграцией.

Достижение этих целей планируется обеспечить через реализацию трансграничных проектов. В соответствии с принципами Программы в каждом проекте должны участвовать партнеры из Республики Польша и Российской Федерации. Программа предоставляет возможность для развития ЕГТС, так как Европейская группа территориального сотрудничества указана в качестве потенциального получателя независимо от места нахождения при условии, что он работает в пределах территории Программы.

Возможности и угрозы для деятельности ЕГТС в польско-российском пограничном регионе

Создание и развитие ЕГТС на польско-российской границе полностью согласуется с политикой ЕС, в том числе с политикой соседства. Стимулы, связанные с программами Европейского территориального сотрудничества (ЕТС), являются шансом для развития ЕГТС на польско-российской границе. Калининградская область претендует на получение средств из программы «Регион Балтийского моря», из которой ЕГТС также может получать финансирование [5]. Кроме того, есть возможность использовать средства из программы Южной Балтики 2014—2020, несмотря на то что она напрямую не адресована России: «Организации, расположенные за пределами действия программы, а также за пределами Европейского союза, могут также участвовать в проектах, финансируемых по Программе Южной Балтики, но после выполнения определенных условий. В этом контексте приветствуется сотрудничество с заинтересованными сторонами из Калининградской области» [7].

В программе среди потенциальных бенефициаров в свою очередь приводится список ЕГТС. В контексте анализа сотрудничества между ЕС и Российской Федерацией представляется, что вопрос о создании ЕГТС на российских границах учитывается обеими сторонами, несмотря на объективные трудности: «Такие новые законодательные инициативы, как

Европейская группа по территориальному сотрудничеству (ЕГТС)... должны быть изучены и, если возможно, использованы для создания объединенных структур. Очевидно, что эти решения гораздо сложнее реализовать на внешних границах ЕС, и мы, наверное, должны признать, что Еврорегионы на внешних границах ЕС никогда не достигнут того уровня интеграции, который мы наблюдаем внутри Европейского союза, но постановка высоких целей иногда помогает достичь лучших результатов» [9].

В контексте анализа приграничного сотрудничества между польским и российским регионами можно предположить три сценария развития ситуации:

1. Преобразование функционирующего еврорегиона в ЕГТС.
2. Создание ЕГТС в рамках деятельности еврорегионов.
3. Создание нового ЕГТС.

Еврорегион «Балтика» является наиболее перспективным среди трех еврорегионов, которые могут быть преобразованы в ЕГТС. Это отражено во внутренних документах. В повестке развития указано, что «инициативы касаются реализации институциональных приоритетов и проектов, подготовленных совместно всеми заинтересованными сторонами в сотрудничестве между участниками еврорегиона. Одним из таких мероприятий должно быть изучение возможности создания Европейской группы территориального сотрудничества (ЕГТС) на условиях, обеспечивающих участие всех партнеров еврорегиона» [7]. Власти еврорегиона «Неман» также проанализировали возможность создания ЕГТС. Трансформация еврорегиона «Лына-Лава» в ЕГТС представляется менее вероятной, поскольку ее активность по сравнению с другими регионами очень скромна [6]. Вопрос о создании двустороннего российско-польского еврорегиона⁵ был рассмотрен польскими и российскими местными органами власти [15]. Из-за отсутствия соответствующих положений в то время формула ЕГТС не была принята во внимание.

---

⁵ Среди предложений по названию этого Еврорегиона было название Ambar (англ. AMBer Baltic Region).

Заключение

ЕГТС — это инструмент, предназначенный для применения главным образом государствами-членами ЕС. Это связано с его истоками, относящимися к Европейскому территориальному сотрудничеству. Существует реальная возможность использовать ЕГТС в качестве инструмента для трансграничного сотрудничества между польскими и российскими приграничными территориями. Правовая основа использования инструмента ЕГТС на внешних границах ЕС появилась только после 2013 г., когда ЕС ввел новые правила, а польские власти внедрили национальные правила реализации. Ведущую роль в продвижении идей ЕГТС играли еврорегионы. Обсуждались проекты по созданию ЕГТС в еврорегионе «Балтика».

Власти Калининградской области [18] принимают активное участие в работе еврорегиона «Балтика» и с интересом восприняли идею превращения еврорегиона в ЕГТС «Балтика».

Необходимо согласиться с мнением экспертов [20, с. 127], что создание ЕГТС на российско-польской границе в контексте геополитических условий маловероятно, но возможно. Создание ЕГТС на внешней границе ЕС с Венгрией и Украиной открыло новый этап приграничного сотрудничества. По данным Польского института международных отношений [12, s. 1] ЕГТС может быть привлекательной формой сотрудничества для органов местного самоуправления, расположенных вдоль восточной границы. Но решающее слово будет принадлежать государственным органам. Тем не менее члены ЕГТС, как и члены еврорегионов, в основном представляют собой региональные власти, политическая воля которых будет определять будущее территориального сотрудничества.

Благодарности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. *Committee of Region*. (2018). EGTC full list. URL: <https://portal.cor.europa.eu/egtc/CoRAactivities/Pages/egtc-list.aspx> (дата обращения: 01.07.2018).

2. *Dumala H.* Współpraca międzyterytorialna w prawie Wspólnot Europejskich // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K : Politologia*. 2009. Vol. 16, № 1.

3. *Jóskowiak K.* Europejskie Ugrupowanie Współpracy Terytorialnej — innowacyjny instrument polityki spójności Unii Europejskiej // *Polsko-słowacka współpraca samorządów lokalnych w latach 2012—2013 / Związek Euroregionu Tatry w Nowym Targu. Nowy Targ*, 2013.

4. *Komitet Regionów* (2007). Europejskie Ugrupowanie Współpracy Terytorialnej — EUWT. URL: <https://cor.europa.eu/en> (дата обращения: 02.07.2018).

5. *Program Baltic Sea Region 2014—2020*. URL: https://www.interreg-baltic.eu/fileadmin/user_upload/how-to-apply/1_call_step_1/1-3.Programme_Manual.pdf (дата обращения: 02.07.2018).

6. *Perkowski Z.* Uwarunkowania i rozwoju mechanizmu Europejskiego Ugrupowania Współpracy Terytorialnej na północno wschodnim pograniczu Polski // *Optimum. Studia Ekonomiczne*. 2017. № 1 (85). S. 117—127.

7. *Program Interreg Południowy Bałtyk 2014—2020*. URL: https://www.uw.olsztyn.pl/images/stories/2016/23112016/2_call_-Podr%C4%99cznik_Programu_Interreg_Program_Po%C5%82udniowy_Ba%C5%82tyk_2014-2020.pdf (дата обращения: 01.07.2018).

8. *Program współpracy transgranicznej Polska-Rosja 2014—2020*. URL: https://www.plru.eu/files/uploads/O%20Programie%20-%20dokumenty/WPO%20PL-RU%2014-20_wersja%20polska.pdf (дата обращения: 01.07.2018).

9. *Radvilavicius M., Mezhevich N.* Роль приграничного сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией в двусторонних и региональных программах экономического развития / *European Consultants Organisation*. 2010. URL: http://investa.spb.ru/i_rus/act_i/246/cbc_publ_ru.pdf (дата обращения: 01.07.2018).

10. *Rozporządzenie* (UE) nr 1302/2013. Rozporządzenie Parlamentu Europejskiego i Rady (WE) nr 1302/2013 z dnia 17 grudnia 2013 r.

zmieniające rozporządzenie (WE) nr 1082/2006 w sprawie europejskiego ugrupowania współpracy terytorialnej (EUWT) w celu doprecyzowania, uproszczenia i usprawnienia procesu tworzenia takich ugrupowań oraz ich funkcjonowania. Dz. U. UE, L. 347/303.

11. *Rozporządzenie* (WE) nr 1082/2006 Parlamentu Europejskiego i Rady z dnia 5 lipca 2006 r. w sprawie europejskiego ugrupowania współpracy terytorialnej (EUWT). Dz. U. UE, L 210/19.

12. *Skorupska A.* Europejskie ugrupowania współpracy terytorialnej — ocena i perspektywy // *Biuletyn PISM*. 2017. № 59 (1501). S. 1—3.

13. *Studzeniecki T.* Europejskie Ugrupowanie Współpracy Terytorialnej — ujęcie podmiotowe, przedmiotowe i przestrzenne / *Academia Europa Nostra*. Lubieszyn, 2015.

14. *Studzeniecki T.* The determinants of EGTC development in Poland // *Optimum. Studia Ekonomiczne*. 2016. № 5 (83). S. 75—95.

15. *Studzeniecki T., Wołoszyk A., Mazurek T.* Rola i znaczenie Amber Baltic Region w Europie Bałtyckiej // *Uwarunkowania rozwoju turystyki w regionie*. Gdańsk, 2011.

16. *Studzeniecki T., Palmowski T., Korneevets V.* The system of cross-border tourism in the Polish-Russian borderland // *Procedia Economics and Finance*. 2016. № 39. S. 545—555.

17. *Studzeniecki T., Palmowski T., Korneevets V.* The tourism accessibility of the Kaliningrad Region in Baltic Europe // *Conference Proceedings of 20th International Colloquium on Regional Sciences*. Kurdějov, June 14—16, 2017. Kurdějov, 2017. S. 770—779.

18. *Агентство по международным и межрегиональным связям Калининградской области.* (2016). Участники Еврорегиона «Балтика» намереваются усилить партнерские связи. URL: <https://id.gov39.ru/news/detail.php?ID=83097> (дата обращения: 01.07.2018).

19. *Федоров Г., Корнеевец В.* Еврорегионы — новый формат взаимодействия // *Космополис*. 2008. № 2. S. 78—85.

20. *Ярьшев С.Н.* Единство и конфликтность приграничной экономики (международно-правовые вопросы) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2010. Сер. 14. Вып. 1. С. 86—95.

Об авторах

Студзенецки Томаш, профессор кафедры экономики услуг, Морская академия Гдыни, Польша.

E-mail: t.studzeniecki@wpit.am.gdynia.pl

Гуменюк Иван Сергеевич, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

The authors

Tomasz Studzieniecki, Gdynia Maritime Academy, Poland.
E-mail: t.studzieniecki@wpit.am.gdynia.pl

Dr Ivan S.Gumenyuk, Associate Professor, Department of Geography, Nature Management, and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ФОКУСЕ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ И ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

УДК 911.53

О. В. Буцерова¹, Е. И. Голубева²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Москва, Россия)

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ В СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ САДОВ РОССИИ

Университетские сады рассматриваются как неотъемлемая часть культурного наследия европейской цивилизации и особые городские публичные пространства. Формирование структуры университетского сада было обусловлено несколькими факторами: природными условиями, научно-практическим назначением, а также влиянием синтеза европейских и российских традиций в садово-парковой архитектуре. Университетские сады характеризуются набором заданных функций: исследовательская, рекреационная, образовательная, экономическая, экологическая, медицинская и другие. Университетские сады европейских городов представляют собой примеры формирования планировочной структуры, принципов функционального зонирования и специфических приемов ландшафтного проектирования. Выявлены особенности европейских традиций в проектировании университетских садов, обозначены перспективы формирования новых функций университетских садов в России.

University gardens are considered an integral part of the cultural heritage of European civilization and a special type of public spaces. The

---

© Буцерова О. В., Голубева Е. И., 2018

formation of the structure of university gardens was influenced by several factors: natural conditions, research objectives, practical use and the influence of the synthesis of European and Russian traditions in landscape architecture. University gardens perform a number of important functions, those of research, recreation, education, economic, environmental, medical and others. University gardens of European cities are examples of the formation of the planning structure, the principles of functional zoning and specific methods of landscape design. The authors argue that European traditions in the design of university gardens facilitate the development of new functions of university gardens in Russia.

Ключевые слова: культурный ландшафт, университетский сад, городское планирование, ландшафтный дизайн.

Keywords: cultural landscape, university garden, urban planning, landscape design.

Университетский сад — неотъемлемая часть культурного наследия европейской цивилизации. На всем протяжении своего развития университетский сад представлял одну из форм пространственной организации жизнедеятельности, а в настоящее время ему отводится значительная часть национального культурного и научно-исследовательского опыта. Университетские сады с XV в. оставались своего рода центрами, которые распространяли европейскую культуру, науку и философию [3].

Расцвет университетских садов приходится на период с XV по XIX в. Тогда в Европе, а также на европейской территории России образовалось более 100 университетских садов, большая часть из которых существует и по сей день в своих прежних границах или увеличив свою территорию за счет переноса на новое место. Идея университетского сада не была новым явлением в научной, просветительской, хозяйственной, экономической и социальной жизни европейских стран: достаточно вспомнить философские сады Античности, которые сначала являлись местом для занятия физическими упражнениями, а потом стали площадкой для ведения философских бесед [1].

Современные комплексы университетских садов представляют собой типичные примеры культурного ландшафта, сформированные посредством умелой трансформации ландшафта природного. Ценность подобных комплексов весьма высока и обусловлена тем, что они демонстрируют национальные особенности преобразования природных ландшафтов в различных целях с достижением максимального эстетического эффекта.

При формировании структуры комплекса университетского сада в России использовались как традиции западноевропейской школы ландшафтной архитектуры, так и сложившиеся отечественные концепции садово-паркового строительства. Часто для обустройства ландшафтов университетских садов в России приглашали зарубежных ботаников, архитекторов и садовников. Так, для устройства Аптекарского сада в Санкт-Петербурге, ставшего впоследствии Императорским ботаническим садом, были приглашены Иоганн Христиан Буксбаум, немецкий специалист-ботаник, а также известный ганноверский садовник Гаспар Фохт. Важно отметить, что сад не только выполнял научную функцию, являясь коллекцией редких лекарственных растений, но и занимался просветительской деятельностью — в нем было организовано чтение публичных лекций по ботанике, работала школа садоводства.

В целях выявления особенностей европейских традиций в проектировании университетских садов интересно рассмотреть обширную европейскую практику, элементы которой могут быть с успехом применены при создании или реновации университетских садов в крупных городах России.

Университетские сады Голландии используют научный и технический потенциал университетов и являются площадкой для внедрения новых зеленых технологий. Так, в состав новой территории университетского сада в Амстердаме входит *Startup village* — зеленая зона, где используются современные технологии энергосбережения и зеленые крыши. Другим примером территории университетского сада, развивающейся в ногу со временем, может служить сад Дельфтского технического университета. Он занимает огромную территорию, пред-

ставленную с одной стороны, историческим ботаническим садом, а с другой — зелеными зонами, где сохранены естественные природные ландшафты — болота, по которым можно перемещаться по системе деревянных настилов и мостков, зелеными крышами, партерным парком с элементами геопластики. На территории также действует выставка зеленых и энерго-сберегающих технологий — *Green village*.

Университетский сад Мадридского университета образует единую зеленую зону с городскими парковыми территориями, являясь органичным продолжением череды городских парковых ансамблей: Сады Кампо дель Моро (Campo del Moro), Сады Сабатини (Jardines de Sabatini), сады храма Дебод (Jardines del Templo de Debod), сад Рамона Ортиза (Jardin de Ramon Ortiz), Парк Оэсте (Parque del Oeste), Королевский Ботанический сад Альфонсо XIII (Real Jardin Botanico Alfonso XIII).

Особое значение в исследованиях университетских садов приобретает рассмотрение факторов, определяющих их структурно-функциональные особенности. С одной стороны, влияние природных условий на особенности размещения и организацию университетских садов, с другой — влияние комплексов университетских садов на характер преобразований природного ландшафта. Особого внимания требует анализ влияния национальных и западноевропейских традиций садово-парковой архитектуры на функционально-планировочную структуру университетских садов как элементов культурного ландшафта.

Исследования показали, что при формировании университетского сада факторы преобразования природного ландшафта в культурный выражаются в следующем:

1. Ландшафт начинает выполнять утилитарные функции (планирование территории университетского сада в целях ведения хозяйства и обеспечения студентов и преподавателей материальной базой для научно-исследовательской деятельности).

2. Городской пейзаж обогащается за счет фрагментации территории университетского сада, появляется новая инфраструктура.

3. Скорость экзогенных природных процессов (эрозионных, процессов заболачивания и т.д.) снижается за счет средств ландшафтного планирования.

4. Озелененные территории сада способствуют увеличению биоразнообразия.

В Средние века в Европе масштабы преобразования естественных ландшафтов в культурные при строительстве университетских садов были довольно значительными: сады и парки при университетах создавались на месте лесных массивов или полностью на пустырях или заброшенных землях; за счет интродуцентов менялся видовой состав древесных, кустарниковых, кустарничковых и травяных растений, увеличивалась фрагментация территории за счет появления прудов, каналов, масштабных рокариев и других форм рельефа.

Помимо расчлененного рельефа ведущая роль в украшении комплексов университетских садов принадлежит растительности, потому что сады и парки — «благороднейшее украшение земли» [4], а также «приятнейшее убежище» для отдыха и источник дохода. Как утверждает Д. С. Лихачев, «сад — это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой...», «некий интерьер» человеческого существования [5].

В создании любого университетского сада можно выделить две основные тенденции в трансформации растительности:

1. Растительный покров в университетских садах всегда изменялся в сторону увеличения биоразнообразия (в том числе и за счет введения интродуцентов).

2. Усиливалась фрагментация территории (за счет садово-парковых планировочных приемов).

Объекты собственно садово-паркового искусства, находящиеся на территории университетских садов, породили систему принципов ландшафтного проектирования: объемно-пространственные композиции зеленых насаждений (аллеи, рощи, лабиринты, топиарные сады, «зеленые кабинеты» и т.д.), оран-

жерейные комплексы, водные объекты (пруды квадратной, прямоугольной, овальной формы или с естественными очертаниями, системы каналов, фонтаны).

Университетские сады, выросшие на месте аптекарских огородов, основанных в Москве и Санкт-Петербурге при Петре I, отличаются регулярным стилем планировки, господствовавшим в начале XVIII в., для которого характерна строгая, геометрическая планировка сада, регулярные посадки и стрижка деревьев и кустарников [2].

Часть посадочного материала для университетских садов выписывалась из-за границы, но многие паркообразующие породы Западной Европы не могли существовать в климатических условиях европейской территории России, поэтому значительная часть посадок в сохранившихся садах — это местные «аборигенные» породы (береза, вяз, дуб, клен, лиственница). На территориях университетских садов сохранилось также значительное количество интродуцированных растений, некоторые из них натурализовались, то есть могут жить и успешно возобновляться без специального ухода, обогатив местную флору.

Надо отметить, что многие университетские сады в настоящее время являются объектами охраны и памятниками садово-паркового искусства, имеют в своем ассортименте растения редких экзотических пород, уникальные деревья старого возраста. Так, в «Аптекарском огороде», филиале Ботанического сада МГУ, растет лиственница, посаженная Петром I.

На структурно-функциональные особенности университетских садов России влияли, с одной стороны, мода и тенденции в садово-парковом искусстве, господствовавшие в момент основания сада, а с другой — ландшафтные особенности, которые позволяли определенным функциям развиваться в большей или меньшей степени. Функции университетских садов со временем трансформировались, а новые функции возникали вслед за концепцией развития города.

Список литературы

1. *Андреев Л. Н., Бер М. Н., Егоров А. А. и др.* Ботанические сады и дендрологические парки высших учебных заведений // Hortus botanicus. 2006. Т. 3. URL: <http://hb.karelia.ru> (дата обращения: 01.07.2018).
2. *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. Основоположник русской сельскохозяйственной науки. М., 1988.
3. *Джеллико Д., Джеллико С.* Ландшафт человека. М., 2016.
4. *Жиарден Р. Л. де.* О составлении ландшафтов, или о средствах украшать природу вокруг жилищ, соединяя приятное с полезным. 2-е изд. М., 2011.
5. *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. 3-е изд. М., 1998.

Об авторах

Буцорова Олеся Викторовна, доцент кафедры «Инженерная графика и дизайн», Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия.

E-mail: olesya.butserova@gmail.com

Голубева Елена Ильинична, доктор биологических наук, профессор кафедры рационального природопользования, географический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: egolubeva@gmail.com

The authors

Dr Olesya V. Butserova, Associate Professor, Department of Engineering Graphics and Design, National Research University MIET, Moscow, Russia.

E-mail: olesya.butserova@gmail.com

Prof. Elena I. Golubeva, Department of Rational Nature Management, Geographical Faculty, Moscow State University, Russia.

E-mail: egolubeva@gmail.com

Е. В. Краснов¹, Г. М. Баринаова¹, А. Ю. Романчук¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**БАЛТИЙСКОЕ МОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ:
ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ**

Развивается новое представление о геоэкологическом потенциале оптимизации природопользования, критериях его оценки и предпосылках использования в качестве интегральной характеристики взаимодействий природно-ресурсных составляющих. Обсуждается значение геоэкологического подхода для реализации целей более устойчивого развития контактной зоны «суша — море», обладающей значительными природно-ресурсными и интеллектуальными возможностями постиндустриального прорыва в экономике и социальной сфере с минимизацией ущерба геоэкологическим системам. Предложен вариант пространственной дифференциации геоэкологических систем морского побережья по целям постиндустриального развития сопряженных природохозяйственных кластеров (новое сельское хозяйство, марикультура, санаторно-курортное дело, сеть особо охраняемых природных территорий, туризм и ревитализация нарушенных земель).

The authors offer a new understanding of the geoecological potential of nature management, identify criteria for its evaluation and prerequisites for its rational use as an integral characteristic of the nature preservation — natural reserves dichotomy. The authors argue the importance of the geoecological approach for a more sustainable development of the land-sea contact zone, having a significant natural and intellectual capacity for a post-industrial breakthrough in the economic and social spheres. Special attention is paid to minimizing damage to geo-ecosystems. The authors suggest their idea of spatial differentiation of marine geo-ecosystems based on the goals of post-industrial development of associated environmental clusters.

Ключевые слова: морское побережье, геоэкологический потенциал, структура понятия, природный и человеческий капитал, критерии, предпосылки постиндустриального развития.

Keywords: sea coast, geoeological potential, concept structure, natural and human capital, criteria, prerequisites for post-industrial development.

Введение

В конце XX в. способность природных геосистем (ландшафтов) без ущерба для себя производить необходимую для человечества продукцию и осуществлять другую полезную для него деятельность Н. Ф. Реймерс [27] определил в качестве «природно-ресурсного потенциала», подчеркнув при этом его тесную связь с хозяйственным укладом конкретного исторического этапа. В близких по смыслу, но словесно различных понятиях «экологический» [17] и «геоэкологический потенциал» [29] природные системы, процессы и условия представлены бесплатным производителем товаров и услуг для обеспечения возрастающего по численности человечества, необходимых и достаточных потребностей непрерывного экономического роста. Понятие «природно-ресурсный потенциал» [21] все более расширялось и детализировалось за счет включения в него качественных и количественных характеристик климата, запасов полезных ископаемых, разнообразия растительности, животного мира и многих других «даровых» благ. В последние годы с учетом обостряющихся экологических рисков, некоторые авторы потенциал стали именовать «природно-экологическим» [39], а другие вернулись к «геоэкологическому», но с принципиально иным содержанием, включив в него не только рекреационную привлекательность, благоприятные биоклиматические и иные условия, но также объем инвестиций на природоохранную деятельность [3; 4; 30].

Во всех определениях главного понятия, детерминирующего совокупность биокосных связей и отношений, отсутствовал человек как неотъемлемая часть единого объект-субъект-

ного целого [2]. И лишь совсем недавно Х. Ш. Забураева, обучаясь в докторантуре БФУ им. И. Канта, пришла к выводу, что кроме природно-ресурсного капитала в геоэкологический потенциал следует включить и человеческий капитал [15; 28; 38]. На этой основе открывается возможность интегральных оценок состояния сложных территориально-акваториальных геоэкосистем морского побережья, исследования их эмерджентных свойств и инвариантов аналогично подходам, развиваемым геоэкологами и географами Санкт-Петербургского государственного университета [9—11; 20]. Продолжая развивать этот методологически новый подход, авторы настоящей статьи рассматривают геоэкологический потенциал как междисциплинарное социоэкологоэкономическое понятие, необходимое для интегральной оценки перспектив более устойчивого развития территорий и акваторий на побережье Балтийского моря.

В Докладах о человеческом развитии в Российской Федерации [12; 13] приведены результаты анализа сложнейших взаимосвязей социально-экономических и геоэкологических процессов, определяющих возможности ускорения российской экономики в целом и ее регионов. Среди первоочередных целей развития человеческого потенциала (капитала) в этом важнейшем аналитическом документе для Правительства нашей страны обозначены укрепление систем здравоохранения и образования, сокращение социального и регионального неравенства и др. [2; 28; 38]. Значительно меньше внимания уделено природно-хозяйственным системам, пространственной дифференциации показателей природно-ресурсной составляющей геоэкологического потенциала в региональном и межрегиональном сопоставлении.

Методические приемы и способы оценки геоэкологического потенциала

Проблема введения человека в географию природопользования приобрела большое значение на рубеже XIX и XX вв. в связи с появлением зачатков интегративных подходов на фоне

все еще доминировавших суммативных описательных приемов оценки геоэкологического потенциала. В. В. Докучаев одним из первых в мире предвосхитил становление «новой науки», включающей в систему природных условий и показателей, определяющих функционирование экосистем (биогеоценозов) и показатели человеческой деятельности в «обширнейшем смысле этого слова». Особое значение он придавал анализу биогеоценологических связей и отношений, включая воздействие на них человека, его быта, культурного уровня и др.

Биоиндикация качества природных водоемов и их экологического состояния

В результате хозяйственной деятельности одним из мощных факторов, влияющих на морские экосистемы, стало загрязнение прибрежной зоны моря бытовыми, промышленными стоками и нефтепродуктами. На изменение качества прибрежно-морских водоемов раньше всех реагируют морские водоросли, что выражается в изменении количественного и качественного состава и позволяет использовать их в качестве одного из критериев биоиндикации вод [1; 6; 7; 37]. Сообщества морских трав, в том числе *Zostera marina*, широко используются в программах мониторинга экосистем и оценки их состояния [16]. С этой целью наиболее часто описывают изменения анатомической и морфологической структуры вегетативных органов растений.

Сравнительное исследование гидробионтов выявило ряд информативных структурных показателей зоопланктона (видовое разнообразие, численность, биомасса), отражающих степень гидрохимической (по N и P) и биогенной нагрузки на речные и озерные водоемы. В итоге была разработана региональная классификация водных экосистем [34]. По биологическим и биохимическим показателям их качество ухудшается, а трофический статус увеличивается в ряду: реки Шешупе и Ан-

грапа → Приморская → Дейма → Неман. В водоемах озерного типа качество ухудшается, а трофический статус увеличивается в ряду: оз. Виштынецкое (олиго-мезотрофное) → Вислинская лагуна → Правдинское водохранилище → Куршский залив (гиперэвтрофный).

К ухудшению качества водоемов приводит «цветение», вызываемое цианобактериями. К примеру, в Куршском заливе выявлены потенциально токсичные виды цианобактерий, с которыми некоторые авторы связывают случаи массовой гибели рыбоядных птиц, особенно в жаркие летние месяцы [5].

Индикаторная роль зоопланктона в мониторинге процессов евтрофирования водоемов установлена вполне достоверно, разработана система биотических показателей, которые используются при диагностике трофического статуса прибрежно-морских вод. Вместе с тем биохимические функции цианобактерий обеспечивают снижение уровня CO_2 в воздухе, выделение O_2 при фотосинтезе и формирование донных отложений, накопление значительных масс органических веществ, металлов и других веществ.

На юго-западном побережье Самбийского полуострова в районе пос. Мечниково сборы створок двустворчатых моллюсков проводились в летний период на трех прибойных участках пляжа: с максимальным, средним и минимальным количеством. На первом и втором из них к видам-доминантам отнесены *Macoma baltica* и *Cerastoderma rusticum*. Примечательно, что количество целых створок, размеры которых значительно варьировали по сравнению с остальными видами, впервые превысило численность неповрежденных *Macoma baltica*. Менее всего в сборах оказались представленными створки *Mya arenaria*, причем из 13 найденных на первом участке только 3 оказались целыми, а на втором — из 5 лишь 1 целая створка. На третьем участке были собраны: створки *Macoma baltica* — 17, *Cerastoderma rusticum* — 6 и поврежденные *Mya arenaria* — 2. Таким образом, если на зелено-

градском пляже доминировали *Macoma baltica* и *Mytilus edulis*, то в районе пос. Мечниково — *Macoma baltica* и *Cerastoderma rusticum*. Это указывает на явные различия качества условий обитания видов моллюсков: характера рельефа, донных осадков дна, гидродинамического режима, температурных и других условий [22; 26; 31; 32].

Весьма перспективный метод оценки качества вод основан на способности моллюсков аккумулировать тяжелые металлы в своих мягких тканях и раковинах [25]. Ранее было показано, что максимальные концентрации Hg, Cd, Cu, Pb, Zn, Ni у массового вида *Macoma baltica* L. приурочены к приустьевым акваториям рек и густонаселенным пунктам на побережье. Этот вид наиболее пригоден для биомониторинга загрязнения морских вод. Коэффициент биоконцентрирования металлов у разных видов колеблется от 10^2 до 5×10^4 , причем избирательность аккумуляции одних металлов по сравнению с другими отчетливо проявляется, к примеру, у *Mytilus edulis* («предпочитает» Cd), а *Pilagella littoralis* L. концентрирует Pb.

При оценке содержания Cu, Zn, Cd и Pb в мягких тканях *Macoma baltica*, собранных в припортовых акваториях Балтийска, Вентспилса, Клайпеды и в районе разрабатываемого Кравцовского морского месторождения нефти, было установлено, что значения по Cu, Zn, Cd в несколько раз превышали нормативные, и только концентрация Pb была меньше предельно допустимой.

Вместе с тем загрязненность моллюсков Cu повышалась в направлении от Балтийска к Вентспилсу. «Лидером» по биоконцентрированию Pb оказался главный морской порт Литвы — Клайпеда, а по Zn высокие значения характерны для всех изученных портов, тогда как в акватории Кравцовского нефтяного месторождения Zn в тканях моллюсков значительно меньше [32].

Интродукция растительноядных рыб в зарастающие водоемы используется как метод их очистки и повышения рекреа-

ционной привлекательности. Рыбы-санитары прорежают заросли водной растительности, при этом улучшается гидродинамический режим и гидрохимический состав водоемов. Однако при этом необходимо учитывать и вероятность негативных последствий — увеличения испаряемости, снижения уровня вод, запасов водных ресурсов и т. д. [33].

Общие методологические установки и принципы оптимизации природопользования в прибрежно-морских условиях должны быть сопряжены с конкретно-индивидуальным подходом к каждому трансформируемому объекту, всесторонним учетом самой разнообразной информации и составлением адекватного баланса соотношений биогенных и абиогенных компонентов при проведении, к примеру, мероприятий по интродукции и акклиматизации «чужеродных» видов. Важнейшим принципом водохозяйственных инноваций геосистемного подхода к решению подобных задач должен стать упреждающий прогноз, направленный на выявление возможных последствий.

Биоразнообразие в системе геоэкологического мониторинга

Традиционные методы оценки состояния наземных и водных объектов, основанные на анализе предельно допустимых уровней загрязнения «окружающей среды» разнообразными химическими соединениями, температурными, акустическими, электромагнитными, радиоактивными и т. п. воздействиями давно уже перестали восприниматься как «единственно верные и руководящие» показатели, в связи с тем что они не учитывают многообразия адаптивных реакций и приспособлений живых существ не только к ординарным, но и к чрезвычайным внешним изменениям.

На первый план все больше выступают интегральные методы оценок биологического (от атомно-молекулярного до видового включительно), биоценотического и биогеоценоти-

ческого разнообразия в различных по степени антропогенного воздействия условиях и местоположениях с учетом широтной, долготной и высотной дифференциации.

На морском побережье Балтийского моря видовое разнообразие, плотность поселения и биомасса морских, солоноватоводных и пресноводных моллюсков сопоставимы с аналогичными характеристиками рыб. Многие виды рыб питаются моллюсками, и этим определяется высокая прикладная значимость современных исследований биоразнообразия, прежде всего двустворчатых моллюсков. Кроме того, моллюски — фильтраторы и способны очищать водоемы и водотоки, концентрировать в своих мягких тканях и раковинах металлы, изотопы, аминокислоты и др.

Наиболее интересны новые данные о связи параметров биологического разнообразия моллюсков с природной и антропогенной неоднородностью условий в эстуарных водоемах Балтийского побережья (заливах, бухтах, лагунах, устьях рек).

Для эстуарных вод Юго-Восточной Балтики Д. П. Филиппенко [35] впервые выявил зоогеографическую структуру малакофауны, в которой доминируют европейские и палеоарктические виды (66%). В лагунных экосистемах северной Германии от 25% до 90% продукции принадлежит *Mya arenaria*. Между производимой моллюсками продукцией и соленостью лагун установлена высокая степень корреляции. Некоторые виды моллюсков с высокой плотностью поселений и биомассой (например, *Mya arenaria*) играют значительную роль в очищении водоемов, потребляя микроорганизмы и одноклеточные водоросли.

Исследования фрагментов митохондриальной ДНК *Valvata piscinalis* выявили генетическую идентичность моллюсков из Куршского залива и реки Неман по нуклеотидным основаниям и их сходство с черноморскими и североморскими формами, резко различающимися с северогерманскими и северопольскими. Морфологическая изменчивость исследованных мол-

люсков, обитающих в различных по условиям водоемов, не обнаружила какой-либо связи с генетической и связана в основном с абиотическими факторами [35].

В условиях воздействия железнодорожных и нефтяных поллютантов выявлено накопление антоциановых пигментов, аскорбиновой кислоты и рибофлавина в растениях, произрастающих вблизи транспортных магистралей. Это явление обнаружено в эксперименте с проростками ячменя, кукурузы, проса и др. на загрязненной нефтью (5—10%) почве [18; 36]. По содержанию растительных пигментов предложено тестировать степень загрязнения придорожных почв. С другой стороны, выработка пигментов растениями указывает на их адаптацию в стрессовых условиях.

Природно-ресурсный потенциал рекреационного природопользования

Пространственная дифференциация рекреационного потенциала Калининградской области, выполненная с использованием матрицы, интегрирующей 24 показателя, отражает специфику природных условий, распространенность аттрактивных объектов, их экологическое состояние и специализацию.

Наибольшей рекреационной привлекательностью здесь обладает морское побережье благодаря многим благоприятным и мотивирующим развитие рекреации факторам: достаточное количество солнечных дней, наличие минеральных источников, археологических и архитектурно-исторических памятников, уникальных природных объектов. В связи с этим здесь наиболее приоритетно развитие инфраструктуры лечебно-профилактических учреждений [24]. Однако прежде всего необходимо картографическое обоснование пространственной дифференциации рекреационного потенциала [23], попытка которого была предпринята одним из авторов (Г. М. Баринаова) при составлении географического атласа Калининградской области.

Матрица предпосылок развития рекреации в Калининградской области

Символ	1	2	3	4
	Характер признака ландшафта	Преобладание зеленых территорий	Контрастность природных сред	Пейзажное разнообразие
	Климат	Увеличение солнечных дней	Годовое количество осадков более 800 мм	Наибольшая продолжительность благоприятного периода рекреации
	Лесные массивы	Разнообразие породного состава и типов леса	Проходимость хорошая	Обилие грибов, ягод
	Поверхностные и подземные воды	Наличие минеральных источников	Обилие водоемов	Интенсивное загрязнение сточными водами
	Познавательные объекты	Археологические памятники	Архитектурно-исторические памятники	Уникальные природные объекты
	Рекреационная специализация	Лечебно-профилактические центры	Туристско-оздоровительная	Спортивный и познавательный туризм

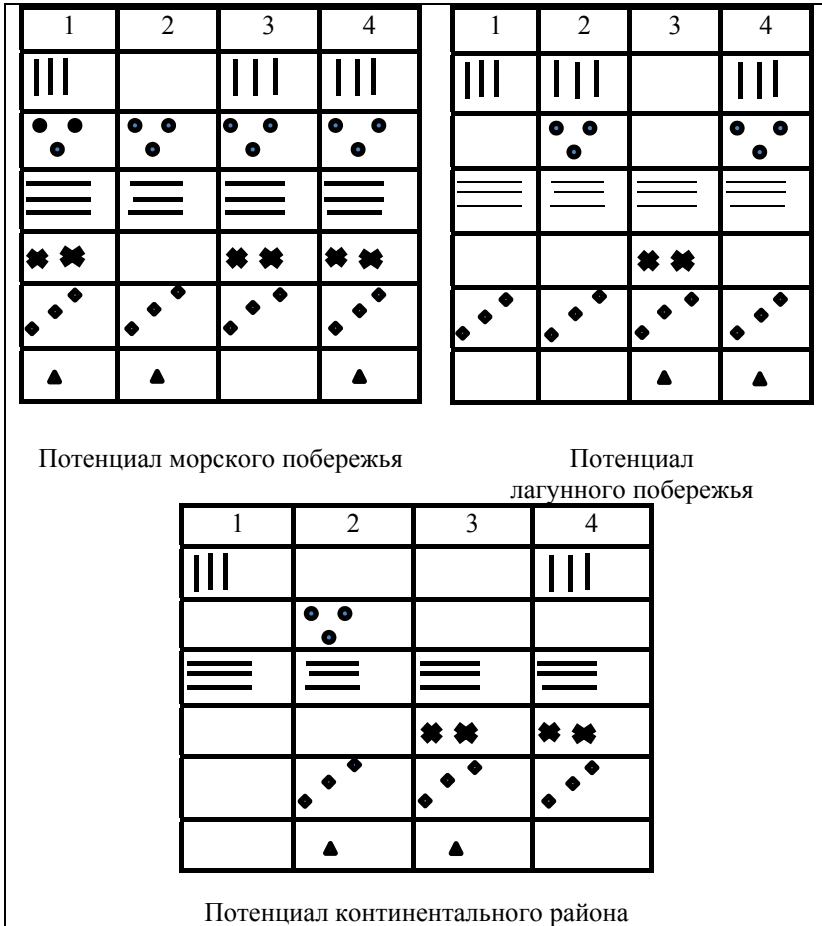

Рис. Матричная визуализация пространственной специфики рекреационного потенциала

К факторам, ограничивающим развитие рекреации и туризма, могут быть отнесены наличие умеренных и сильных ветров, высокая пожароопасность лесных массивов. Рекреационный потенциал лагунного побережья в пределах Калининград-

ского залива также отличается наличием благоприятных условий в первую очередь для туристско-оздоровительного, спортивного и познавательного туризма, что требует специальных инновационных программ развития. Континентальные районы можно отнести к территориям с пригодным рекреационным потенциалом, на основе которого возможно развитие познавательного, спортивного туризма.

Прибрежные районы в силу географического положения и климатических условий обладают наиболее благоприятным природно-ресурсным потенциалом для развития рекреации и различных видов туризма, в том числе лечебно-оздоровительного [8; 14]. На Балтийском побережье расположены крупнейшие климатические, бальнеологические, грязевые курорты: Юрмала на берегу Рижского залива, Паланга в Литве, Колобжег в Польше, Зеленоградская курортная зона в Ленинградской области, группа курортов в Калининградской области (Зеленоградск, Светлогорск, Отрадное, Пионерский).

На курортах Латвии природно-ресурсный потенциал побережья используется достаточно эффективно, он включает 15 небольших поселков, растянувшихся на 30 км (серные источники, железистые воды, торфяные и сапропелевые грязи, мягкий климат). Курорты Латвии, Польши, специализирующиеся, как и Калининградская область, на пляжном отдыхе, имеют явное преимущество и в количестве средств размещения, и в ассортименте предлагаемых объектов [19]. Для развития специализированной туристской и сопутствующей инфраструктуры в Калининградской области необходимы специально разработанные программы, прежде всего по созданию экологически ориентированного туристического кластера или нескольких сопряженных кластеров, включая агропроизводственный и природоохранный.

Список литературы

1. *Александров С. В.* Влияние климатических изменений на уровень эвтрофирования Куршского залива // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 1. С. 49—57.

2. *Базарова А. Г.* Человеческий потенциал Бурятии: опыт измерения на муниципальном уровне // Известия Иркутского гос. университета. 2012. Т. 5, № 1. С. 83—91.

3. *Баринаева Г. М., Кохановская М. И., Краснов Е. В., Шихотарова Т. В.* Геоэкологические индикаторы управления развитием приморских регионов России // Государственное управление ресурсами : спецвыпуск. Пермь, 2013. С. 197—202.

4. *Баринаева Г. М., Рябкова О. И.* Стратегия управления трансграничными рекреационными ресурсами на побережье Балтийского моря // Трансграничные особо охраняемые природные территории. Улан-Удэ, 2007. С.

5. *Белых О. И., Дмитриева О. А., Гладких А. С., Сороковникова А. Г.* Идентификация токсикогенных цианобактерий рода *Muscocystis* в Куршском заливе Балтийского моря // Океанология. 2013. Т. 53, № 1. С. 78—87.

6. *Биоиндикаторы* и биотест-системы в оценке окружающей среды техногенных территорий / под ред. Т. Я. Ашихминой, Н. М. Алапкиной. Киров, 2008.

7. *Гончарова О. В., Шошина Е. В.* Морфофункциональные параметры *Fucus vesiculosus* в условиях Кольского залива // Вестник МГТУ. 2013. Т. 16, № 3. С. 437—448.

8. *Григорьев А. А.* Космический мониторинг динамики антропогенных изменений особо охраняемых природных территорий Петербурга и Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7: Геология. География. 2009. Вып. 1. С. 73—82.

9. *Дмитриев В. В.* Интегральные оценки состояния сложных систем в природе и обществе // Биосфера. 2010. Т. 2, № 4. С. 507—520.

10. *Дмитриев В. В., Каледин Н. Н.* Интегральная оценка состояния региональных социоэкологоэкономических систем и качества жизни населения (на примере субъектов Северо-Западного федерального округа России) // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 125—140.

11. *Дмитриев В. В., Огурцов А. Н., Васильев В. Ю. и др.* Оценка эмерджентных свойств сложных систем в природе и обществе на основе моделей интегрального оценивания // Экологические и гидрометеорологические проблемы больших городов и промышленных зон, экогидромет — 2012 : сб. тр. VI междунар. конф. СПб., 2013. С. 18—27.

12. *Доклад* о человеческом развитии в Российской Федерации / Экологические приоритеты для России. 2017. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15600.pdf> (дата обращения: 01.07.2018).

13. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / Цели устойчивого развития ООН и Россия. 2016. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf> (дата обращения: 01.07.2018).

14. *Ефремова Ж.М.* Социально-экономический потенциал здоровья населения в Тюменской области // Нефть и газ. 2005. №4. С. 122.

15. *Забураева Х.Ш.* Геоэкологический потенциал устойчивого развития: эволюция понятия и его структура // Вестник Балтийского федерального университета. 2014. Вып. 1. С. 181—185.

16. *Зенкина В.Г., Павлова А.В.* *Zostera marina* — информативный показатель экологического состояния морских вод // Международный журнал экспериментального образования. 2016. №10—2. С. 190—192.

17. *Исаченко А.Г.* Экологический потенциал ландшафта, расселение, хозяйственная освоенность территории // География в школе. 2001. №3. С. 3—11.

18. *Капков В.И., Шошина Е.В.* Реакции гидробионтов на загрязнение морских вод нефтью // Материалы IV Всероссийской конференции по водной экотоксикологии «Антропогенное влияние на водные организмы и экосистемы». Борок, 2011. Ч. 1. С. 126—128.

19. *Корнеев В.С., Семенова Л.В.* Кластерный подход в развитии туризма Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 153—159.

20. *Корчагина Е.В.* Анализ и оценка устойчивого развития социо-эколого-экономических систем : дис. ... д-ра экон. наук. Гатчина, 2012.

21. *Косолапов О.В.* Природный потенциал региона: сущность и структура // Горный журнал. 2012. №8. С. 31—37.

22. *Краснов Е.В., Романчук А.Ю.* Проблема биоразнообразия — геоисторический подход // Балтийский регион. 2011. №1.

23. *Малькова И.Л., Саранча М.А., Белова А.А.* Оценка биоклиматического потенциала территории Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Биология. Науки о Земле. 2014. Вып. 2. С. 142—145.

24. *Михайлова А.А.* Инновационная инфраструктура Калининградской области: особенности и барьеры развития // Инновационное развитие Российской экономики, Москва 25—28 октября 2016 : сб. тр. IX междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. Т. 6 : Регионально-отраслевой потенциал инновационной экономики. С. 86—89.

25. *Морская доктрина Российской Федерации* (утв. Президентом РФ 26.07.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения: 01.07.2018).

26. *Пономарева Е. А., Краснов Е. В.* Двустворчатые моллюски как индикаторы геоэкологического состояния прибрежно-морских вод южной Балтики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Естественные науки. 2012. Вып. 21. С. 59—62.

27. *Реймерс Н. Ф.* Природопользование : словарь-справочник. М., 1990.

28. *Римашевская Н. М.* Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель // Народонаселение. 2004. № 3. С. 17—27.

29. *Родзевич Н. Н.* Геоэкологический потенциал России // География в школе. 2001. № 1. С. 16—23.

30. *Родионова А. И.* Комплексная оценка, биоклиматический и геоэкологический потенциалы устойчивого развития административных районов Калужской области // Проблемы региональной экологии. 2011. № 6. С. 90—94.

31. *Романчук А. Ю., Краснов Е. В.* Жизненные формы кардиид Калининградского морского побережья // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 1. С. 115—120.

32. *Романчук А. Ю., Пономарева Е. А.* Методы оценки качества прибрежно-морских вод: состояние и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 1. С. 77—82.

33. *Руднева И. И., Скуратовская Е. Н., Дорохова И. И. и др.* Биоиндикация экологического состояния морских акваторий с помощью биомаркеров рыб // Водные ресурсы. 2011. Т. 38, № 1. С. 92—97.

34. *Семенова А. С.* Разработка региональной классификации для оценки качества воды водоемов и водотоков Калининградской области с использованием показателей зоопланктона // Вода: химия и экология. 2012. № 6. С. 61—69.

35. *Филиппенко Д. П.* Фауна и экология моллюсков эстуарных водоемов юго-восточной части Балтийского моря : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Калининград, 2012.

36. *Чухакина Г. Н., Масленников П. В.* Адаптация растений к нефтяному стрессу // Экология. 2004. № 5. С. 330—335.

37. *Шошина Е. В., Воскобойников Г. М., Макаров М. В. и др.* Макроводоросли в системе биологического мониторинга морских прибрежных экосистем // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17, № 1. С. 180—189.

38. *Щукина А. С.* Качество человеческого потенциала Тверской области // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 31. С. 62—81.

39. *Яковлев А. А.* Социально-экономическая сущность ресурсного потенциала региона // Вестник Чувашского университета. 2010. С. 552—556.

Об авторах

Краснов Евгений Васильевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Баринова Галина Михайловна, кандидат географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Романчук Анна Юрьевна, кандидат биологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: annaroman@mail.ru

The authors

Prof. Yevgeny V. Krasnov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Prof. Galina M. Barinova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Dr Anna Yu. Romanchuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: annaroman@mail.ru

**Г. Н. Чупахина¹, П. В. Масленников¹, Л. Н. Скрыпник¹
Н. Ю. Чупахина², П. В. Федуреаев¹**

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

² Калининградский государственный технический университет
(Калининград, Россия)

ОВОЩЕВОДСТВО — ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Калининградская область характеризуется своеобразием почв, спецификой их формирования и развития, значительной пестротой почвенного покрова, опытом природопользования и целым рядом экономических и политических инструментов для оптимизации использования земель самого разного назначения. В сочетании с благоприятными климатическими условиями все эти факторы обеспечивают хорошие условия для произрастания и выращивания растений, в том числе сельскохозяйственных и, в частности, овощных культур. Приводится характеристика состояния овощеводства в Калининградской области в последние годы (2015—2016 гг.). Рассматриваются основные проблемы и приоритетные направления развития аграрной политики в регионе.

Soils of the Kaliningrad region are characterized by the specificity of their formation and development and a considerable variety of soil cover. The Kaliningrad region has gained a significant experience in environmental management and has developed a number of economic and political tools for optimizing the use of land. In combination with the favourable climatic conditions, the region has all the prerequisites for the cultivation of plants, including agricultural, and vegetables. The article describes the production of vegetables in the Kaliningrad region in 2015—2016. The authors analyse the main problems and priorities of the agrarian policy in the region.

Ключевые слова: сельское хозяйство, овощеводство, продовольственная безопасность, Калининградская область.

Keywords: agriculture, vegetable growing, food security, Kaliningrad region.

В условиях стресса уровень свободных радикалов в живых организмах увеличивается в разы [1; 2]. Для их нейтрализации требуется повышенное содержание антиоксидантов, источником которых являются в основном зеленые растения, например овощные культуры. Овощи богаты витаминами (А, Е, С, β -каротином), содержат высококачественные белки, сбалансированные по аминокислотам, макро- и микроэлементы. В них могут присутствовать биологически активные вещества лекарственного действия, особенно ценные формы углеводов [3]. Поэтому самой полезной и сбалансированной является средиземноморская диета, богатая овощами, фруктами, оливковым маслом, свежей рыбой. Дефицит полезных компонентов в пище пытаются ликвидировать с помощью биологически активных добавок к пище, а также за счет новых технологий обогащения продуктов питания с помощью биологически активных веществ [3; 4]. Однако синтетические антиоксиданты не равноценны природным антиоксидантам. В этом плане показателен пример использования минерального антиоксиданта селена [5]. Использование экзогенного минерального селена не позволяло ликвидировать селенодефицит, так как он быстро выводится. Только использование биогенного селена ряда растений — стахиса, якона, чеснока, у которых селен находится в связанном состоянии в виде комплексов, приводило к созданию селенового статуса в организме. Поэтому оптимальной будет ликвидация дефицита жизненно важных соединений потреблением в пищу натуральной растительной продукции, в частности овощной.

Многие годы в нашей стране доминировали импортные овощи (в 2014 г. ввезено в Россию 2,8 млн т овощей, томатов — 845,8 тыс. т). Ввозилось 10% овощей открытого грунта, 67%

тепличных овощей. После того как Россия ввела продуктовое эмбарго в ответ на санкции Запада, увеличить собственное выращивание овощей стало приоритетной задачей для страны. Эта проблема оказалась решаемой, в 2015 г. произведено 15,4 млн т овощей. Большой вклад в решение данной задачи внесли личные фермерские хозяйства ($\frac{2}{3}$ выращенных овощей на их счету). Площади открытого грунта под овощи были увеличены на 50%, и в 2016 г. было собрано 16 млн т овощей [6].

Выращивание овощей — это тяжелый и сложный бизнес с низким запасом прочности. У овощеводов много проблем: дорогая электроэнергия, низкие импортные пошлины для зарубежных овощей, невысокая инвестиционная привлекательность из-за долгой окупаемости.

Импортные овощи хранятся дольше, чем отечественные, а цены у них ниже, что снижает рентабельность производства для отечественного производителя: это средняя рентабельность производства овощей — 9%, тогда как мяса птицы — 17%, а свинины — 23%. Из-за такой низкой рентабельности производства овощей окупаемость проектов по выращиванию овощей достигает 11 лет.

Имеются трудности с сохранением уже выращенных овощей. Необходимо строительство овощехранилищ. В этом аграрии надеются на поддержку государства — возмещение 20% капитальных затрат на строительство овощехранилищ и теплиц.

Еще одной проблемой аграриев является проблема семеноводства. От импорта семян по сахарной свекле Россия зависит более чем на 95%, по гибридам перцев, баклажанов — на 5—10%, по гибридам томатов и огурцов — на 50—55% [6].

Почвенно-климатические условия Калининградской области благоприятны для овощеводства. Область расположена в самой западной части Нечерноземной зоны РФ. Ее климат благодаря приморскому положению носит черты переходного к умеренно-континентальному. Среднегодовая температура воздуха в прибрежных районах равняется 6—7°C. Продолжи-

тельность безморозного периода составляет 160—190 суток, а вегетационного 200—205 суток. Среднегодовое количество осадков 680—800 мм с максимумом их выпадения в апреле — октябре (до 65—75%). Начало устойчивого промерзания почвы в холодные зимы наблюдается во II — III декадах декабря, оттаивание — в III декаде марта. Среднегодовые температуры поверхности почвы только на 1—1,5 °С выше среднегодовых значений температуры воздуха [1].

Площадь территории области составляет 1512,5 тыс. га (с площадью акватории заливов и внутренних водных объектов): площадь поверхности суши — 1281,2 тыс. га. Большую часть области занимают сельскохозяйственные угодья — 813,5 тыс. га (63,2% от площади суши); земли под лесами и дерново-кустарниковой растительностью — 315,8 тыс. га (24,5% от площади суши); болота — 32,6 тыс. га (около 2,5%). Значительная часть земель осушается (1048 тыс. га — 79% площади суши) [6].

Почвенный покров Калининградской области сформировался в специфических почвенно-климатических условиях, характеризующихся приморским теплым и влажным климатом в равномерном распределении температур в течение всего года. На территории области выделено 80 разновидностей почв, которые могут быть сгруппированы по ряду основных признаков в 6 групп с учетом их генезиса, характера почвообразовательного процесса, географического распространения, гранулометрического состава и других признаков [6].

Площадь земель сельскохозяйственного назначения в Калининградской области составляет около 60%. Немалые площади занимают и личные подсобные хозяйства населения (огороды), которые относятся к землям поселений (8,2% от всей площади области) и не считаются сельскохозяйственными угодьями, хотя именно по этому назначению и используются [6].

Вовлечение в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель Калининградской области является приоритетным

направлением аграрной отрасли региона. Для решения этой задачи Правительство Калининградской области в 2011 г. приняло целевую программу «Вовлечение в сельскохозяйственное производство неиспользуемых по целевому назначению земель сельскохозяйственного назначения Калининградской области на период 2011—2016 годов». В рамках реализации данной Программы в 2011—2015 гг. введено в хозяйственный оборот более 120 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Посевные площади за четыре года увеличились в 1,5 раза, или на 78,4 тыс. га. Однако этот показатель достигнут в основном за счет выращивания зерновых, зерно-бобовых культур и рапса [6].

В 2015 г. размер господдержки аграрного сектора экономики из областного бюджета увеличен до 1,2 млрд руб., что на 15% выше уровня 2014 г. По итогам 2015 г. Калининградская область продемонстрировала рост производства по разным направлениям сельского хозяйства — объем производства сельхозпродукции по сравнению с 2014 г. вырос на 10,2% и составил 30 197,1 млн рублей. В 2016 г. на поддержку агропромышленного комплекса было выделено 4,1 млрд рублей, в том числе 1,1 млрд рублей из областного бюджета и 3 млрд из федерального бюджета [6].

Таким образом, Калининградская область характеризуется своеобразием почв, спецификой их формирования и развития, значительной пестротой почвенного покрова, опытом природопользования и целым рядом экономических и политических инструментов для оптимизации использования земель самого разного назначения. В сочетании с благоприятными климатическими условиями все это обеспечивает хорошие условия для произрастания и выращивания растений, в том числе сельскохозяйственных и, в частности, овощных культур.

В настоящее время, к сожалению, в области производится недостаточное количество овощей, для того чтобы полностью обеспечить население овощами местного производства. В промышленном масштабе в основном выращиваются капуста, свек-

ла, морковь, лук, чеснок, горох, кабачки, тыква, огурцы, помидоры. Этот список, конечно, будет полнее с учетом приусадебных и садово-огородных хозяйств.

В 2015 г. урожай овощей в Калининградской области составил 64,2 тыс. т, при этом аграрии существенно расширили линейку выращиваемых культур. Одно из приоритетных направлений аграрной политики на текущий момент времени — развитие овощеводства закрытого грунта [6].

В Калининградской области лидером в овощной отрасли является Гурьевский район. Сельское хозяйство Гурьевского городского округа разворачивается к овощной отрасли как приоритетному направлению и делает крен в сторону выращивания продуктов «быстрого реагирования», каковыми являются овощи и ягоды. Это «естественный выбор», потому что Гурьевский район имеет значительно меньший потенциал залежных земель по сравнению с иными двенадцатью районами области. Поэтому основная задача растениеводов всегда состояла в максимально эффективном использовании имеющихся земель. Один из мощных потенциалов эффективности — развитие овощеводства, продукты которого относятся к разряду быстрого производства. Например, в закрытом грунте можно снимать за год два полноценных урожая помидоров, огурцов, редиса, моркови, различной зелени, сохраняя неизменно их высокое качество.

Количество овощей, выращенных в Калининградской области в 2014—2015 гг., составило: капусты — 152 824 ц, свеклы — 81 172,3 ц, огурцов — 78 096,6 ц, моркови — 66 666,8 ц и лука репчатого — 60 664 ц. При этом хозяйства населения внесли более весомый вклад в урожай, чем сельскохозяйственные организации. Однако последние продемонстрировали более высокий процент прироста в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом [6]. В закрытом грунте в 2015 г. выращено примерно одинаковое количество огурцов (23 585,8 ц) и томатов (28 937,2 ц). В закрытом грунте получено огурцов в три раза меньше, чем в открытом, но томаты, конечно, предпочитают закрытый грунт [6].

Итоги сбора овощей в 2015—2016 гг. демонстрируют увеличение количества собранных овощей закрытого грунта. Так, хозяйства населения почти на 20% увеличили сбор овощей закрытого грунта. Особенно ощутимой оказалась прибавка у сельскохозяйственных организаций: они на 42,7% собрали больше овощей закрытого грунта в 2016 г. по сравнению с 2015 г. Учитывая урожай овощей открытого и закрытого грунта сельскохозяйственных организаций, огурцов было собрано в 2016 г. на 17,9%, а томатов — на 53,6% больше, чем в 2015 г. Хорошая прибавка по сбору моркови — увеличение на 57,7% [6]. Таким образом, калининградцы стали получать больше овощей местного производства.

В Калининградской области, согласно обнародованным официальным данным Госкомстата последней переписи населения Российской Федерации, проживают 955,3 тыс. человек. Всемирная организация здравоохранения рекомендует потреблять взрослому человеку 600 граммов овощей и фруктов в сутки, поэтому дефицит производимых в области овощей составляет около 50% от потребительской нормы. В связи с этим региональное правительство Калининградской области разработало комплекс мер, направленных на исправление данной ситуации, обеспечение продовольственной безопасности нашего региона и замещение импортных продуктов питания на отечественные.

Список литературы

1. *Maslennikov P. V., Chupakhina G. N., Skrypnik L. N.* The Content of Phenolic Compounds in Medicinal Plants of a Botanical Garden (Kaliningrad Oblast) // *Biology Bulletin*, 2014. Vol. 41, №2. P. 133—138.
2. *Chupakhina G. N., Maslennikov P. V., Skrypnik L. N. et al.* The influence of the Baltic regional conditions on the accumulation of water-soluble antioxidants in plants // *Russian Chemical Bulletin*. 2014. Vol. 63, №9. P. 1946—1953.
3. *Чупахина Г. Н., Масленников П. В., Скрыпник Л. Н. и др.* Антиоксидантные свойства культурных растений Калининградской области. Калининград, 2016.

4. *Чупахина Г. Н., Масленников П. В., Скрыпник Л. Н.* Природные антиоксиданты (экологический аспект). Калининград, 2011.

5. *Кононков П. Ф., Гинс В. К., Пивоваров В. Ф. и др.* Овощи как продукт функционального питания. М., 2008.

6. *Чупахина Г. Н., Панасин В. И., Масленников П. В. и др.* Овощеводство и его перспективы в Калининградской области. Калининград, 2018.

Об авторах

Чупахина Галина Николаевна, доктор биологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: tchoupakhina@mail.ru

Масленников Павел Владимирович, кандидат биологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: pashamaslennikov@mail.ru

Скрыпник Любовь Николаевна, кандидат биологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: skr_sun@mail.ru

Чупахина Наталья Юрьевна, кандидат биологических наук, доцент, факультет биоресурсов и природопользования, Калининградский государственный технический университет, Россия.

E-mail: tchupakhina.nataliya@yandex.ru

Федураев Павел Владимирович, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: pavelf15@mail.ru

The authors

Prof. Galina N. Chupakhina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tchoupakhina@mail.ru

Dr Pavel V. Maslennikov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: pashamaslennikov@mail.ru

Dr Lubov N. Skrypnik, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: skr_sun@mail.ru

Dr Natalia Yu. Chupakhina, Kaliningrad State Technical University, Russia.

E-mail: tchupakhina.nataliya@yandex.ru

Pavel V. Feduraev, Doctoral Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: pavelf15@mail.ru

С. И. Зотов¹, И. И. Кесорецких²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

² Некоммерческое партнерство «Институт пространственного планирования, развития и внешних связей» (Калининград, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗЕЙ В СИСТЕМЕ «УЯЗВИМОСТЬ ЛАНДШАФТОВ — ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ — ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ»

Проведено сравнение результатов оценки полей уязвимости ландшафтов на региональном и локальном уровнях, соответственно в Калининградской области и на участках территорий Правдинского городского округа и Озёрского района. Детализирована матрица критериев уязвимости природных комплексов к антропогенному воздействию. В качестве оптимальной территориально-операционной единицы оценки на локальных участках выбрана регулярная сеть точек с шагом 250 м с учетом индекса сложности ландшафтного рисунка. Результаты исследования показывают, что можно осуществлять территориальное планирование и функциональное зонирование даже для тех муниципалитетов, которые находятся на преимущественно однородных в ландшафтном отношении территориях.

The authors compare the results of the assessment of the vulnerability fields of landscapes in the Kaliningrad region with a special focus on the territories of the Pravdinsk and Ozersk municipalities. Based on this comparison, the authors offer a matrix of vulnerability criteria of natural complexes to anthropogenic influence. The authors suggest an optimal unit of assessment of local territories — a network of land points with a grid of 250 m — and take into account the complexity index of landscape patterns. The results of the research show that it is possible to carry out territorial planning and functional zoning even for the municipalities characterized by predominantly homogeneous landscapes.

Ключевые слова: уязвимость ландшафтов, антропогенные воздействия, природопользование, территориальное планирование.

Keywords: vulnerability of landscapes, anthropogenic impacts, environmental management, spatial planning.

Современная тенденция перехода к устойчивому развитию территорий как необходимое условие оптимизации природопользования ставит новые задачи по поиску эффективных практических инструментов изменения действующих подходов в системе «природа — человек». Признается, что любой природный объект, попадающий в сферу природопользования, должен эксплуатироваться в соответствии с принципами рационального хозяйства, а создаваемые новые инфраструктурные системы обязаны минимизировать любые негативные последствия для природной среды. Баланс интересов в этой системе является основополагающим принципом для обеспечения условий рационального природопользования. Как отмечает А. В. Тулохонов, эти подходы были заложены еще в работах по системному анализу Л. Бергаланфи, А. Д. Арманда и В. С. Преображенского [8]. В них подчеркивалось, что любая система обладает принципиально новыми качествами, которых нет в отдельности у каждого из ее составных элементов.

Таким образом, возможность принятия управленческих решений в сфере природопользования с целью сохранения и улучшения окружающей среды возможно только с использованием комплексного подхода, основанного на геоэкологическом анализе систем разного уровня.

В практической плоскости принципы рационального природопользования находят свое продолжение в системе территориального планирования субъектов и муниципалитетов. Данный подход реализуется и на территории Российской Федерации, где экологические вопросы занимают важное место в документах территориального планирования [1]. Однако в случае российского опыта задача эта решена только декларативно и на практике, в системе территориального планирова-

ния, комплексные геоэкологические исследования не производятся. Как правило, их место занимают работы по выделению зон с особыми условиями использования (например, водоохранные, санитарные зоны и т. д.), что само по себе не обеспечивает условий для системного анализа природной (ландшафтной) основы оцениваемой территории.

В мировой практике задача поиска необходимой методологической базы для системного подхода реализации экологических задач уже решена за счет использования ландшафтного планирования. Это целостный экологически ориентированный вариант территориального планирования, реализуемый на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном [6]. При этом решается целый комплекс задач, включающих сохранение природообразующих функций ландшафта, выявление потенциальных конфликтов природопользования, мер по их разрешению и обеспечению устойчивого развития территории.

Возможность использования ландшафтного подхода для целей территориального планирования российским законодательством специально не оговаривается. Тем не менее данный подход имеет широкие возможности и ряд преимуществ перед теми, что используются сейчас, в частности возможность рассмотрения лишь тех свойств ландшафтов, которые являются информативными для решения поставленных задач территориального планирования, а также возможности иерархического рассмотрения территории в виде совокупности природных комплексов разного уровня [9].

В качестве практического инструмента его реализации может быть использована методика оценка уязвимости природных комплексов для антропогенных воздействий, представляющая собой многокритериальный анализ компонентов природной среды.

Таким образом, мы видим четкую взаимосвязь в системе «уязвимость ландшафтов — территориальное планирование — природопользование». Методика оценки уязвимости ландшафтов обеспечивает комплексную геоэкологическую характеристику территории, основанную на системном подходе, что в

свою очередь позволяет реализовать ландшафтный принцип территориального планирования на уровне регионов и муниципалитетов. Такой подход призван обеспечить внедрение сбалансированных с вопросами охраны окружающей среды управленческих решений в части районирования территории, выделения функциональных зон и определения мест размещения объектов федерального, регионального и местного значения, что в свою очередь является одной из задач территориального планирования муниципального образования, закрепленного в Градостроительном кодексе Российской Федерации [2]. В свою очередь территориальные планы муниципалитетов и субъектов РФ призваны обеспечить сбалансированное развитие территорий включая принципы рационального природопользования за счет баланса интересов между социально-экономическим благополучием и целостностью экологического каркаса природных комплексов.

В более широком смысле эти планы рационального природопользования должны встраиваться в систему международных и трансграничных планов развития государств-соседей. Это направление имеет большую перспективу для Калининградской области, граничащей с Польшей и Литвой, в целях выработки единой стратегии развития, использования народнохозяйственных комплексов, организации совместной природоохранной деятельности в трансграничных водных бассейнах.

Рассмотрим на конкретных локальных участках пример адаптации методики оценки уязвимости ландшафтов, ранее уже апробированной и показавшей хорошие результаты для оценки на региональном уровне [3].

Объектом оценки уязвимости является сложный многокомпонентный территориальный объект, рассматриваемый на нескольких иерархических уровнях [5]. Так можно выделить региональный, локальный и объектный уровень. На целевом для данной работы уровне — локальном, решаются задачи выделения функциональных зон (селитебная, промышленная, транспортная и т.д.), а также планирования элементарных территориальных объектов (объекты транспортной инфра-

структуры, коммунальные и промышленные предприятия и т. д.) для отдельных муниципалитетов. В силу того, что для таких планов требуется достаточно высокая детальность, было принято решение о внесении ряда изменений в параметрическую матрицу критериев оценки, а также в условия выбора оптимальной территориальной единицы оценки.

В качестве объектов районов исследования были выбраны два участка. Один (Правдинский участок) располагается на территории Правдинского городского округа на юге Калининградской области РФ и является приграничным муниципалитетом с Республикой Польшей. Второй (Дубровский участок) располагается также в южной части области — в Озёрском районе. Они выбраны неслучайно: несмотря на общую схожесть в ландшафтной структуре на уровне типов ландшафтов, эти участки имеют различные индексы сложности ландшафтного рисунка. Оценка индекса произведена на основании расчета коэффициента Шеннона и отражает характер встречаемости и равномерности ландшафтов различных генетических групп [7]. Для Правдинского участка показатель составил 1,70, для Дубровского — 1,18. Это свидетельствует о том, что для первого ландшафтный рисунок более неоднородный. Это важно учитывать при адаптации методики, так как на разных по специфике ландшафтного разнообразия участках она потенциально может давать разные результаты.

В качестве основы были использованы ландшафтные картосхемы отмеченных участков масштаба 1 : 25000 с описанием типов ландшафтов в ранге урочищ, составленные при участии Н. Н. Лазаревой. В качестве оптимальной территориально-операционной единицы оценки была выбрана регулярная сеть точек с шагом 250 м.

Проведенная на этом этапе сравнительная оценка полей уязвимости ландшафтов регионального и локального уровня показала значительные различия (рис. 1, 2). Они выражались в более детальном распределении ареалов уязвимости разных классов, изменении формы и площади их распространения.

В случае Дубровского участка были выявлены локальные ареалы высокой уязвимости, которые отсутствовали на региональной схеме.

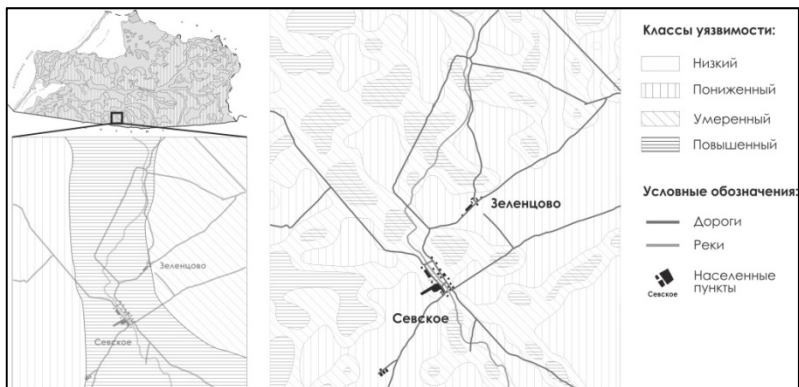

Рис. 1. Схема сравнения ареалов уязвимости Правдинского участка (региональный и локальный уровни)

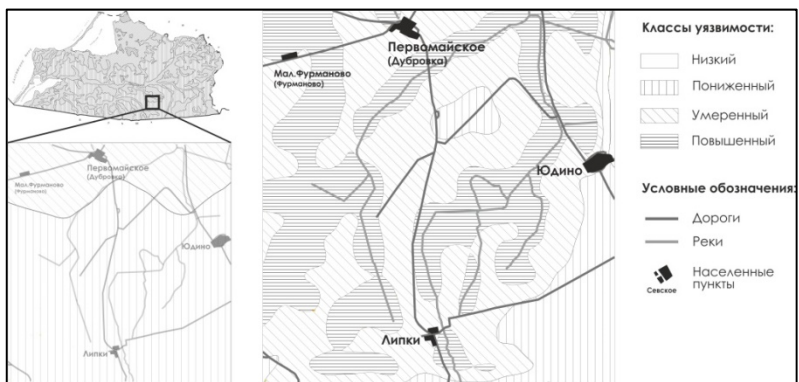

Рис. 2. Схема сравнения ареалов уязвимости Дубровского участка (региональный и локальный уровни)

Выявленные различия носили закономерный характер и соответствовали местным водным объектам, которые в силу своего размера не отражались на региональных картах; также для локальных участков были рассчитаны значения показатели густоты речной сети и уклонов земной поверхности. Уточненные данные в значительной степени (почти в 1,5 раза) отличались от усредненных данных, представленных на региональных картах.

Несмотря на это, можно констатировать, что региональная схема распределения полей уязвимости имеет схожие черты с локальной и может использоваться как основа для оценки общей ситуации в регионе или планирования крупных промышленных или транспортных проектов.

Однако полученные локальные схемы ареалов уязвимости ландшафтов не совсем подходят для целей муниципального территориального планирования: несмотря на выявленные отличия от региональных схем, они имеют слишком высокую степень генерализации показателя уязвимости. Таким образом, значительные участки площадью несколько десятков квадратных километров попадают в одну категорию уязвимости. А некоторые отдельные сельские поселения располагаются в пределах ареала одного и того же класса уязвимости, что, безусловно, создает сложности для выявления более и менее приоритетных территорий для различных направлений использования (сельское хозяйство, селитебная, промышленная зона и т. д.).

Для этих целей было принято решение о введении дополнительных классов уязвимости в существующую параметрическую матрицу. Стоит отметить, что добавление групп производилось внутри существующего ранжирования таким образом, чтобы полученные данные для локальных участков могли сопоставляться с данными региональных исследований. В результате каждый из классов уязвимости был поделен еще на два подкласса, для удобства восприятия им были присвоены индексные идентификаторы (I—X) (табл. 1).

Таблица 1

Параметрическая матрица критериев оценки уязвимости природных комплексов для антропогенного воздействия

Параметр	Градация уязвимости (класс уязвимости)											
	Высокая		Повышенная		Умеренная		Пониженная		Низкая			
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X		
Расстояние до водотока (м)	0—100	100—200	200—300	300—400 400	400—500 500	500—600	600—700	700—800	800—900	900—1000		
Уклон земной поверхности (°)	20—18	18—16	16—14	14—12	12—10	10—8	8—6	6—4	4—2	2—0		
Густота речной сети (км/км ²)	1,4—1,32	1,32—1,24	1,24—1,16	1,16—1,08 1,08	1,08—1,0 1,0	1,0—0,92	0,92—0,84	0,84—0,76	0,76—0,68	0,68—0,60		
Нерестовый статус	Нет											
Охраняемый статус	Нет											
Уровень грунтовых вод (м)	0,5—1	1—2	2—3	3—4	4—5	5—6	6—7	7—8	8—9	9—10		
Гранулометрический состав почв	Песчаные		Супесчаные		Супесчано-суглинистые		Легкосуглинистые		Тяжелосуглинистые		Глинистые, Тяжелые Глинистые	
Тип угодий	Болотные, Верховые		Болотные, Низинные		Леса в урочищах озерно-ледниковых равнин		Леса в урочищах моренных равнин		Сельскохозяйственные угодья в урочищах озерно-ледниковых равнин		Сельскохозяйственные угодья в урочищах моренных равнин	
	Болотные		Лесные		Луговые (сельскохозяйственные)							

Для количественных критериев, таких как уровень грунтовых вод или уклон земной поверхности, введение новых ступеней градации не составило проблем, в отличие от критериев качественных, где потребовалось введение дополнительных промежуточных значений критериев.

Для показателя «Тип угодий» были установлены следующие градации.

Леса в урочищах:

- 1) моренных равнин на дерново-слабоподзолистых супесчаных почвах и легкосуглинистых почвах;
- 2) озерно-ледниковых равнин на дерново-подзолистых средне- и тяжелосуглинистых почвах;
- 3) пойм рек на аллювиальных почвах.

Сельскохозяйственные угодья в урочищах:

- 1) моренных равнин на дерново-слабоподзолистых супесчаных почвах и легкосуглинистых почвах;
- 2) озерно-ледниковых равнин на дерново-подзолистых средне- и тяжелосуглинистых почвах;
- 3) пойм рек на аллювиальных почвах.

Болота:

- 1) верховые;
- 2) низинные.

Для показателя «Гранулометрический состав почв» установлены следующие градации.

Суглинистые:

- 1) легкосуглинистые;
- 2) тяжелосуглинистые.

Глинистые:

- 1) легкие;
- 2) тяжелые.

На основании данной матрицы параметров была произведена повторная оценка территорий. Она показала существенные различия в характере распределения ареалов уязвимости ландшафтов для антропогенного воздействия (рис. 3, 4). Стоит отметить, что введение новых подклассов уязвимости позволило не только скорректировать площадные показатели

различных групп ареалов уязвимости, но и визуализировать эти данные и получить новую пространственную схему их распределения.

Рис. 3. Схема сравнения ареалов уязвимости Правдинского участка (локальный уровень)

Рис. 4. Схема сравнения ареалов уязвимости Дубровского участка (локальный уровень)

Оценку пространственной схемы распределения ареалов разных категорий уязвимости проще всего представить в виде сравнительной таблицы их площадей (табл. 2). В каждой колонке таблицы представлены данные о количестве точек опорной сети попадающих в ту или иную градацию уязвимости и их процентное соотношение к общему числу точек.

Показательно, что для Правдинского участка, характеризующегося высоким значением показателя ландшафтного раз-

нообразия, распределение значения площадей разных категорий носит очень плавный характер — внутри каждого класса уязвимости распределение площадей по подклассам почти всегда соответствует 50%. В то время как для Дубровского участка, который в отношении разнообразия ландшафтного рисунка более гомогенный, ситуация совсем иная. Для отдельных классов распределение площадей соответствует пропорции 1 : 5 или 2 : 3.

Таблица 2

**Площади распространения ареалов
разных классов уязвимости**

Участок	Градации уязвимости									
	Высокая		Повышенная		Умеренная		Пониженная		Низкая	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Правдинский	0	0	0	87 (23%)	57 (15%)	52 (14%)	86 (23%)	95 (25%)	1 (0,5%)	1 (0,5%)
	0		87 (23%)		109 (29%)		181 (48%)		2 (1%)	
Дубровский	0	0	0	120 (32%)	129 (34%)	60 (16%)	45 (12%)	9 (2%)	0	16 (4%)
	0		120 (32%)		189 (50%)		54 (14%)		16 (4%)	

С точки зрения территориального планирования, такой метод позволяет детально подходить к районированию территории и выделению функциональных зон даже для тех муниципалитетов, которые находятся на весьма однородных в ландшафтном отношении территориях.

Не стоит забывать, что многие муниципалитеты Калининградской области находятся в бассейнах трансграничных рек. Таков случай Правдинского участка, который лежит в пределах реки Лава (Лына). Она относится к категории трансграничных, ее длина составляет 264 км, а площадь водосбора 7126 км² (5719 км² в польской части). Применение методик комплексной оценки территорий и ландшафтного планирования для таких территорий является ключевым условием для

создания совместных планов природопользования. Существующая сейчас нестыковка в подходах к территориальному планированию, имеющих место в российском и международном законодательстве, тормозит этот процесс.

Таким образом, при всей актуальности задачи комплексной оценки территорий и включения экологически ориентированных подходов в территориальное планирование, реализация описанной методики пока что довольно ограничена. Ближайшая перспектива внедрения методологии ландшафтного планирования заключается в том, чтобы не менять законодательные нормы градостроительного права РФ, а вписаться в существующие процедуры территориального планирования в плане повышения их наукоемкости и эффективности [4].

Список литературы

1. *Ивашкина И.В.* Экологические аспекты территориального планирования городов // На пути к устойчивому развитию России. 2014. №69. С. 10—21.

2. *Калманова В.Б.* Роль геоэкологического анализа при территориальном планировании городов // Региональные проблемы. 2017. Т. 20, №4. С. 74—78.

3. *Кесорецких И. И., Зотов С. И., Дробиз М. В.* Оценка пространственной и временной изменчивости показателя уязвимости ландшафтов Калининградской области как компонент экологически ориентированного территориального планирования // Балтийский регион. 2015. №4 (26). С. 162—180.

4. *Кирюшин В.И.* Развитие территориального планирования в России // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. №1 (39). С. 125—130.

5. *Осипов В.И., Бурова В.Н., Заиканов В.Г., Минакова Т.Б.* Основы оценки уязвимости территорий для опасных природных процессов, определяющих чрезвычайные ситуации (принципы и методические подходы) // Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология. 2015. №3. С. 195—203.

6. *Сазонов Э.В., Смольянинов В.В.* Зарубежный опыт реализации экологических задач в документах территориального планирования // Научный журнал строительства и архитектуры. 2010. №1. С. 183—191.

7. *Соколов А. С.* Картографический анализ региональных особенностей ландшафтного разнообразия Белоруссии // Псковский региональный журнал. 2016. №4 (28). С. 59—70.

8. *Тулохонов А. К.* Системный подход к природопользованию в Байкальском регионе // География и природные ресурсы. 2009. №3. С. 17—22.

9. *Черных Д. В.* Ландшафтно-экологические оценки для целей территориального планирования (на примере Усть-Канского района республики Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №3—1. С. 69—73.

Об авторах

Зотов Сергей Игоревич, доктор географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: zotov.prof@gmail.com

Кесорецких Иван Иванович, кандидат географических наук, Некоммерческое партнерство «Институт пространственного планирования, развития и внешних связей», Калининград, Россия.

E-mail: ivan.k.loki@gmail.com

The authors

Prof. Sergey I. Zotov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: zotov.prof@gmail.com

Ivan I. Kesoretskih, Leading Researcher, Non-profit Partnership Institute of Spatial Planning, Development, and International Relations, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ivan.k.loki@gmail.com

М. В. Куркина¹, В. П. Дедков¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ
ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПЕСЧАНО-АККУМУЛЯТИВНЫХ ЭКОСИСТЕМ
ЮГО-ВОСТОКА БАЛТИКИ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

В работе представлены данные, характеризующие экосистемы национального парка «Курильская коса» по их физико-географическим, физико-химическим показателям и состоянию почвенной микрофлоры. Расширение базы данных, созданной на их основе, позволит оценить состояние экосистем трансграничных территорий в рамках международного сотрудничества для их охраны и управления.

The paper presents the data characterising the ecosystems of the Curonian Spit nature reserve according to their physical, geographical and chemical indicators with a special emphasis on its soil microflora. The database created on this basis will allow researchers to assess the state of ecosystems of transboundary territories within the framework of international cooperation for their protection and management.

Ключевые слова: экосистемы, почвенная микрофлора, песчаные косы, Балтийский регион.

Keywords: ecosystems, soil microflora, sand spit, Baltic region.

Калининградская область — самый западный регион Российской Федерации, расположенный в Центральной Европе на побережье Балтийского моря. Область занимает сравнительно небольшую территорию, характеризуется контрастным рельефом, неповторимыми ландшафтами и многообразием растительного и животного мира. На территории области распола-

гаются две песчаные пересыпи — Куршская и Балтийская косы. Это два уникальных для Балтийского региона морских аккумулятивных образований со странствующими дюнами [1].

Куршская коса простирается от города Зеленоградск, расположенного у северного берега Калининградского полуострова, к северо-востоку до города Клайпеда Литовской Республики. Длина косы 98 км, а ширина колеблется от 0,4 до 3,8 км. Самая узкая часть косы находится в районе поселка Лесной на российской территории, а самая широкая — в Литве, чуть севернее Ниды у мыса Бульвикё. Расположение и рельеф Куршской косы уникальны, а сочетание ее разнообразных ландшафтов обуславливает высокий уровень биологического разнообразия на косе. Природные ареалы Куршской косы, а особенно те, которые включают и сохраняют редкие и исчезающие виды растений и животных, очень важны с научной точки зрения для сохранения биоразнообразия [2].

Другая аккумулятивно-песчаная коса простирается к юго-западу от Калининградского полуострова. Она отходит от его западной границы и отделяет Калининградский залив от Гданьского. С российской стороны между косой и материком проходит судоходный пролив, а на польской территории ее юго-западный конец соединен с материком. Ширина косы в средней и южной ее части колеблется от 300 до 1800 м, а в северной — от 8 до 9 км. Длина косы составляет 65 км. Ее тридцатипятикилометровая северо-восточная часть располагается на территории России в Калининградской области и называется Балтийской косой. Остальная часть косы под названием «Вислинская коса» принадлежит Республике Польша.

Балтийская и Куршская косы являются морскими аккумулятивными образованиями и представляют собой природный феномен, заключающийся в противодействии двух природных сил: воды и ветра. Береговые течения и морские волны перемещают песок к берегу, а ветер переносит его на косы, образуя эоловые отложения — дюны. Высота дюн Балтийской косы не превышает 40 м. Высота дюн Куршской косы несколько больше, самая высокая точка составляет 55 м. Она расположена на дюне Ореховой и названа высотой Эфа.

Куршская и Балтийская косы представляют собой крупнейшие песчаные образования и вместе с Хельской косой, расположенной на территории Польши, образуют балтийский комплекс песчаных кос, аналогов которому нет в мире. Эти уникальные для Балтийского региона песчаные косы представляют собой трансграничные территории и вызывают большой научный интерес для изучения в рамках международного сотрудничества.

В настоящее время научно-исследовательская работа является одним из приоритетных направлений деятельности национального парка «Куршская коса». Проводятся изучение биоразнообразия экосистем, изучение редких и уязвимых видов растений и животных, инвентаризация ландшафтов с высокой динамичностью, метеорологические и фенологические наблюдения, наблюдения за изменениями фитоценозов [2]. Все большую актуальность приобретает контроль над состоянием прибрежных и лесных экосистем. В этой связи сотрудниками и студентами лаборатории микробиологии и биотехнологий Балтийского федерального университета им. И. Канта в 2008 г. были начаты работы по изучению состояния лесных экосистем национального парка «Куршская коса». В рамках этого комплексного исследования нами были заложены четыре ключевых участка в различных фитоценозах, изучены их видовой состав, микроклимат, физико-химические показатели почв и состояние почвенной микрофлоры. Полученные результаты представляют собой комплекс данных, которые в совокупности отражают состояние экосистем в конкретный промежуток времени.

В таблице 1 обобщена информация, характеризующая фитоценозы изученных ключевых участков. В основном они представлены сосняками, расположенными на склонах дюн разной экспозиции и характеризующимися особенностями травянистого покрова: сосняк разнотравный, сосняк мохово-лишайниковый, сосняк вейниково-булавоносный. Последний вызывает особый интерес, поскольку демонстрирует геоэколо-

гические характеристики не закрепленных растениями дюн Куршской косы. Зона пальве чаще всего представлена ольховыми и березовыми лесами. В понижениях равнины во влажных местах располагаются фитоценозы с преобладанием черной ольхи. Особенно много их в российской части территории косы.

Таблица 1

**Характеристика фитоценозов национального парка
«Куршская коса»**

№ участка	Местоположение	Название фитоценоза
1	Зона пальве	Ольс крапивно-подмаренниковый
2	Заросшая дюна; верхняя часть склона западной экспозиции	Сосняк злаково-разнотравный
3	Подножье дюны; нижняя часть склона восточной экспозиции	Сосняк мохово-лишайниковый
4	Незакрепленная дюна; средняя часть склона восточной экспозиции	Сосняк вейниково-булавоносный

Данные фитоценозы отличаются физическими характеристиками, которые в совокупности с растительным покровом формируют микроклимат экосистем. Основными показателями в этом смысле являются уровень освещенности, относительная влажность воздуха и температура поверхности почвы. Информация по этим данным представлена в таблице 2. Она показывает, что в летний период низким уровнем освещенности составляющим 0,2 тыс. лк под кронами деревьев в травостое, влажностью, приближающейся к 100%, и относительно невысокой температурой 18°C характеризуются ольшаники. Эти леса с густым высокорослым травостоем на равнинной

местности с понижением формируют особый характерный для зоны палеве микроклимат. Сосновые леса в этом плане отличаются более высоким уровнем освещенности, который возрастал от 5,2 тыс. лк в сосняке разнотравном до 46,9 тыс. лк в сосняке вейниково-булавоносном на не закрепленной растением дюне при увеличении температуры поверхности почвы от 25,2 до 50,4 °С соответственно. Относительная влажность воздуха в дневное время понижалась в ряду: сосняк разнотравный — сосняк мохово-лишайниковый — сосняк вейниково-булавоносный.

Таблица 2

Характеристика микроклимата экосистем национального парка «Куршская коса»

№ участка	Уровень освещенности, тыс. лк		Относительная влажность воздуха, %		Температура поверхности почвы, t	
	в травостое	на открытой местности	в травостое	на открытой местности	в травостое	на открытой местности
1	0,2±0,04	23,4±8,2	96,2±1,8	58,2±4,9	18,3±0,7	28,5±1,2
2	5,2±2,5	32,1±9,3	66,8±5,1	45,6±3,4	25,2±1,4	37,8±4,8
3	10,1±4,8	32,1±9,3	58,0±15,6	45,6±3,4	30,2±3,0	37,8±4,8
4	На склоне дюны 46,9±1,2	32,1±9,3	На склоне дюны 36,0±6,2	45,6±3,4	На склоне дюны 50,4±2,6	37,8±4,8

Почвы экосистем Куршской косы не отличаются большим разнообразием и в основном представлены торфянисто-подзолистыми маломощными песчаными на эоловых глауконитовых песках (табл. 3). Ольс крапивно-подмаренниковый характеризуется болотной низинной торфяной глеевой маломощной на моренных отложениях почвой с влажностью 36,7% и рН 6,93.

Сосняк разнотравный и сосняк мохово-лишайниковый представлены дерново-торфяно-среднеподзолистой и торфянисто-поверхностно-подзолистой почвами со значениями pH соответственно 4,95 и 5,43. Что касается сосняка вейниково-булавоносного, то данный фитоценоз только формируется на дюне, почва которого песчаная неполноразвитая с нейтральной реакцией среды и влажностью 2,7%.

Таблица 3

**Характеристика почв экосистем национального парка
«Куршская коса»**

№ участка	Тип почвы	Влажность почвы, %/г сухой почвы	Температура почвы, t	pH H ₂ O почвенной среды
1	Болотная низинная торфяная глеевая маломощная на морских отложениях	36,7±18,6	10,9±1,1	6,93
2	Дерново-торфяно-среднеподзолистая маломощная песчаная на эоловых глауконитовых песках	4,5±2,2	11,9±0,5	4,95
3	Торфянисто-поверхностно-подзолистая маломощная песчаная на эоловых глауконитовых песках	3,7±0,7	11,6±0,8	5,43
4	Песчаная неполноразвитая	2,7±0,7	14,8±2,5	6,79

Исследование микрофлоры почв различных экосистем национального парка «Куршская коса» показало, что состав их неоднороден, а качественное и количественное содержание разных групп микроорганизмов значительно варьируется. В структуре микробоценозов всех исследованных экосистем преобладала группа микроорганизмов, использующих минеральные формы азота, выделенная на крахмалло-аммиачном агаре (КАА) (рис. 1).

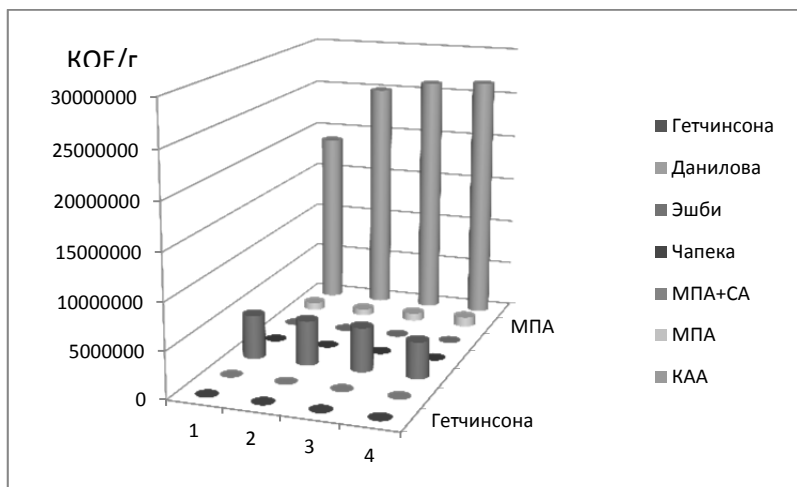

Рис. 1. Количественное содержание микроорганизмов, выделенных на разных питательных средах, из почв экосистем национального парка «Куршская коса»:

- 1 — ольс крапивно-подмаренниковый;
- 2 — сосняк злаково-разнотравный;
- 3 — сосняк мохово-лишайниковый;
- 4 — сосняк вейниково-булавоносный

В основном эта группа микроорганизмов представлена микробактериями и актиномицетами — прокариотическими организмами, обладающими широким набором ферментов, разрушающими сложные вещества. В большом количестве представлены азотфиксирующие микроорганизмы (на среде Эшби) и аммонифицирующие микроорганизмы, выделенные на мясопептонном агаре (МПА) и участвующие в процессе разложения органического вещества на ранних этапах его деструкции.

Рисунок 2 демонстрирует долю участия микроорганизмов, выделенных на разных питательных средах для каждого исследованного ключевого участка.

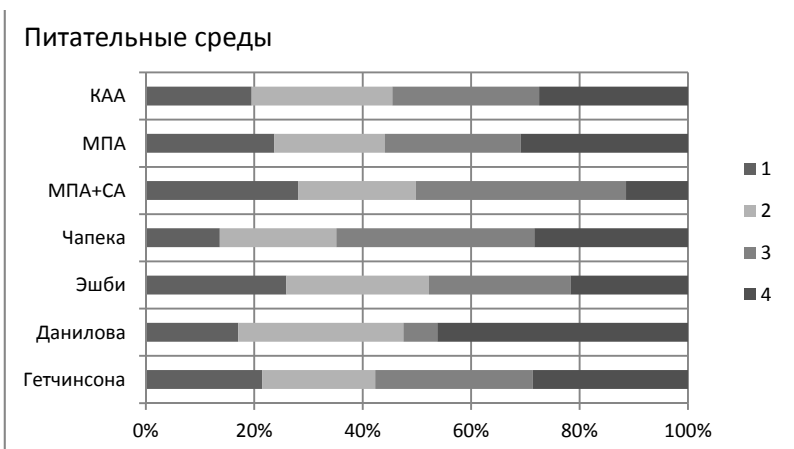

Рис. 2. Соотношение разных групп микроорганизмов в почвах различных экосистем национального парка «Куршская коса»: 1 — ольс крапивно-подмаренниковый; 2 — сосняк злаково-разнотравный; 3 — сосняк мохово-лишайниковый; 4 — сосняк вейниково-булавоносный

Показано, что микроскопические водоросли, выделенные на среде Данилова, превалировали в почве сосняка на незакрепленной дюне, а их минимальное количество было в почве сосняка мохово-лишайникового. Последний характеризовался более высоким содержанием аэробных спорообразующих бактерий рода *Bacillus* (среда МПА + СА) и микромицетов (среда Чапека), а наименьшее их содержание выявлено соответственно в почвах сосняка вейниково-булавоносного и ольса крапивно-подмаренникового. Наименьшее количественное содержание микроорганизмов использующих минеральные формы азота (КАА) выявлено в почве ольшаника, а в почвах сосняков их процентное соотношение было практически одинаковым.

Состояние почвенной микрофлоры является одним из показателей качества почвы и ее плодородия. Микроорганизмы очень быстро реагируют на изменения, происходящие в окружающей среде. Их реакции выражаются в изменении количественного и качественного состава микробного сообщества

почвы. При неблагоприятных факторах среды и изменении условий обитания одни виды микроорганизмов исчезают, а другие появляются, соответственно меняется состав доминантов. В зависимости от определенных экологических условий изменяются реакции микроорганизмов на популяционном уровне, которые выражаются в изменении кинетики их роста и развития. Высокая чувствительность и индикационная способность микроорганизмов позволяют использовать их в качестве инструмента мониторинга антропогенных изменений в биосфере, а их микробиологические показатели — для ранней диагностики техногенного повреждения почвы. Например, высокую чувствительность к уплотнению почвы проявляют актиномицеты. Их содержание снижается с увеличением плотности почвы. У данной группы организмов при неблагоприятных экологических условиях затрудняется образование воздушного мицелия, то есть нарушается репродуктивная функция. С увеличением свинцового загрязнения почвы возрастает содержание стерильных актиномицетов, возрастает число актиномицетов группы *Niger*, снижается видовое разнообразие бактерий, увеличивается доля микромицетов [3].

Вместе с тем микроорганизмы, обладая высокой чувствительностью к различным неблагоприятным воздействиям и загрязнениям, сами являются очистителями окружающей среды и, как следствие, могут использоваться для биоремедиации почв и решения многих вопросов, связанных с природоохранными технологиями.

Полученные нами данные о качественном и количественном содержании микроорганизмов в почвах различных экосистем Куршской косы, а также детальное изучение каждой группы микроорганизмов, выделение видов индикаторов, определение чувствительных и устойчивых к неблагоприятным факторам среды микроорганизмов позволит оценить состояние экосистем и наметить пути по их сохранению. Результатом нашей работы стала база данных, включающая геоэкологические и биологические показатели, которые необходимо пополнять с целью использования их в оценке состояния песчано-аккумулятивных образований. Мы предлагаем расши-

ритель спектр вопросов по изучению микробиологических показателей почв описанных выше трансграничных территорий с привлечением к исследованию этих фундаментальных и прикладных аспектов специалистов из Литвы и Польши.

Список литературы

1. Калининградская область. Природные условия и ресурсы: рациональное использование и охрана / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2016.

2. *Проблемы* изучения и охраны природного и культурного наследия национального парка «Куршская коса»: сб. науч. ст. / сост. И. П. Жуковская. Калининград, 2013. Вып. 9.

3. Мосина Л. В., Довлетярова Э. А., Андриенко Т. Н. Лесная опытная дача РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева как объект экологического мониторинга лесных и лесопарковых ландшафтов мегаполиса Москва. М., 2014.

Об авторах

Куркина Марина Викторовна, кандидат биологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: MKurkina@kantiana.ru

Дедков Виктор Павлович, доктор биологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VDedkov@kantiana.ru

The authors

Dr Marina V. Kurkina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: MKurkina@kantiana.ru

Prof. Viktor P. Dedkov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VDedkov@kantiana.ru

Е. А. Романова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Россия)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Статья посвящена изучению приграничных районов Балтийского региона. Для сравнения облика ландшафтов смежных приграничных административных единиц был использован синтетический показатель — индикатор социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза, который характеризует степень антропогенной дифференциации ландшафтов любой выбранной территориальной единицы. В результате исследования выявлены наиболее контрастные по облику современных ландшафтов приграничные территории в западном приграничье Латвии и Литвы и в приграничных районах Польши и России.

The article is devoted to the study of the border regions of the Baltic region. To compare landscapes of border administrative units, a synthetic indicator was used — the indicator of the socio-economic conditionality of landscape genesis, which characterises the degree of anthropogenic differentiation of landscapes of any selected territory. The author studies the western borderlands of Latvia, Lithuania, Poland and Russia and identifies border areas, which are the most contrasting in terms of their landscapes.

Ключевые слова: Балтийский регион, приграничные районы, ландшафт, система расселения, землепользование.

Keywords: Baltic region, border areas, landscape, settlement system, land use.

Введение

Работа посвящена особенностям приграничных районов Балтийского региона, отчетливо выраженным в пространстве. Географическое понятие «Балтийский регион» здесь используется в узком смысле и включает в себя территории Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Дании, Ленинградской, Псковской, Новгородской и Калининградской областей РФ, Варминьско-Мазурское, Поморское и Западно-Поморское воеводства Польши, а также земли Мекленбург — Передняя Померания и Шлезвиг-Гольштейн Германии [2]. Приграничные районы понимаются как единые территориально-социально-экономические системы, обладающие внутренними структурными связями, часть административных границ которых совпадает с границами зарубежных государств (сухопутными или морскими) [1]. Целью работы является сравнение облика ландшафтов смежных приграничных административно-территориальных единиц и выявление определяющих его факторов.

В пространственном аспекте государственные границы воздействуют на ландшафт приграничья двояким образом: они могут образовывать линейные и узловые антропогенные ландшафты, а также своим существованием определять особенности расселения и землепользования на разделяемых ими территориях. Степень отражения государственной границы в ландшафте зависит от конкретной геополитической обстановки и определяется взаимоотношениями между соседствующими государствами. По своим функциям государственные границы бывают интеграционными, соединяющими, полупроницаемыми и отчуждающими [3]. На местности более четко выражены границы последних двух типов. Границы государств внутри Европейского союза интеграционные и практически не обозначены территориально, но иногда совпадают с природными объектами (например, реками). В некоторых районах эти границы отражены в ландшафте из-за разницы в землепользовании, так как особенности землепользования отдельных территорий формируют не только природные факторы, а в большей степени совокупность различных социально-экономических, политических и даже технических условий [4; 5].

Границы между Россией и другими государствами Балтийского региона являются полупроницаемыми и присутствуют в ландшафте в виде линейных образований, они видны на спутниковых снимках, а территории, ими разделяемые, часто обладают отличными друг от друга системами землепользования.

В Балтийском регионе некоторые государственные границы в новейшее время были исключительно подвижны, что вызывало неоднократные изменения систем расселения и землепользования и, как следствие, изменение облика ландшафтов приграничных районов.

Методика исследования

Предварительное изучение границ стран Балтийского региона показало, что государственные границы не совпадают с природными рубежами, лишь в некоторых случаях они проходят по водным объектам. Различия в облике ландшафтов смежных приграничных районов (если таковые имеются) невозможно объяснить природными причинами. Поэтому для сравнения пространственных особенностей смежных территориальных единиц был использован синтетический показатель — индикатор социально-экономической обусловленности ландшафтогенеза [6]. Он характеризует степень антропогенной дифференциации ландшафтов любой выбранной территориальной единицы и складывается из пяти компонентов: средней плотности населения; степени лесистости и степени распаханности; доли земель, занятых постройками и дорогами; а также доли не затронутых человеческой деятельностью ландшафтов (голых скал, песков, водно-болотных угодий, ледников и пр.). Для расчетов были использованы статистические материалы Евростата и национальных статистических бюро стран¹ [7—17]. Значение индикатора для разных территориальных единиц может колебаться в интервале от 5 до 25 бал-

---

¹ <https://ec.europa.eu/Eurostat>; <https://stat.fi>; <https://scb.se>; <https://dst.dk>; [https:// statistic-portal.de](https://statistic-portal.de); <https://stat-gov.pl>; <https://osp.stat.gov.lt>; <https://csb.gov.lv>; <https://stat.ee>; <https://stat.fi>; <https://gks.ru>+

лов. Чем выше значение этого индикатора, тем большее значение в развитии ландшафтов территории имеют социально-экономические факторы, которые изменяют облик и структуру современных ландшафтов посредством систем расселения и землепользования.

Значение индикатора во многом зависит от того, какой уровень в иерархии территориальных единиц был выбран. Например, страны Балтийского региона демонстрируют широкий разброс значений индикатора — от 7 баллов для территорий Швеции и Финляндии до 21 балла для территории Дании. Швеция и Финляндия имеют невысокие значения индикатора социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза, но это не говорит об обусловленности развития ландшафтов их территорий исключительно природными факторами. Эти страны имеют большую протяженность в направлении «север — юг», поэтому значение этого показателя маскирует региональные различия. В случае таких территорий целесообразно рассчитывать индикаторы для территориальных единиц более низкого иерархического уровня. Очевидно, что на уровне стран изучать пространственные особенности приграничных районов тоже нецелесообразно. Поэтому для данного исследования был выбран уровень регионов: для Швеции — это лены, для Финляндии и Дании — области, для Эстонии и Литвы — уезды, для Латвии — края (новады), для Германии — земли, для Польши — воеводства, для территории России — субъекты федерации (области).

Результаты исследования и их обсуждение

Расчет индикатора социально-экономической обусловленности ландшафтогенеза для региональных единиц выявил их большую пространственную неоднородность: на юго-западе Балтийского региона территориальные единицы имеют высокие значения этого показателя (от 20 баллов в Сконе, Швеция до 24 баллов в земле Шлезвиг-Гольштейн, Германия), в то время как на севере очень низкие (по 6 баллов в Норботтене,

Швеция и Лаппи, Финляндия). На остальной части Балтийского региона картина чрезвычайно пестрая и объяснению только природными причинами не поддающаяся: территории, единые в климатическом и ландшафтном отношении, демонстрируют разброс индикатора от 9 до 15 баллов. Объяснить такое явление можно только социально-экономическими причинами. Интересно, что отдельные территориальные единицы компактной и небольшой по площади страны могут иметь разную степень социально-экономической обусловленности: в Литве индикатор варьирует от 11 до 20 баллов, в Латвии и Эстонии от 10 до 20. Здесь все еще идет речь обо всех региональных единицах стран, не только приграничных, и, как мы видим, ситуация здесь достаточно контрастная.

Теперь следует перейти к рассмотрению собственно приграничных районов и попробовать выявить контрасты по этому показателю у смежных территориальных единиц. Результаты проведенного сравнения оказались довольно неожиданными: большинство приграничных районов вне зависимости от величины индикатора не имеет контрастов с соседями (разница в значениях индикатора не превышает 4 баллов): то есть в Балтийском регионе развитые районы граничат с развитыми, а депрессивные — с депрессивными. Значительные различия в значении показателя (более 6) продемонстрировали лишь приграничные районы Южная Карелия (Финляндия) / Ленинградская область РФ, а также Руцавас и Приекуле новады Латвии / Клайпедский уезд Литвы. Кроме того, определенные сомнения вызвали 15 баллов для территории Варминьско-Мазурского воеводства Польши и 17 баллов для территории Калининградской области. Очевидно, что эти три случая потребовали более пристального изучения.

Приграничные районы Ленинградской области и Финляндии, несмотря на один иерархический уровень, слишком отличаются по площади, поэтому сравнивать их между собой ошибочно. Подсчет индикатора для Выборгского района (соразмерного по площади со смежным районом Финляндии) снизил разницу между ними до 3 баллов.

Объяснение большого контраста в приграничье Латвии и Литвы также следует искать на более низком иерархическом уровне, так как по площади новадам Латвии больше соответствуют районы, а не уезды Литвы. Тем не менее даже с переходом на более низкий уровень, контраст приграничных районов сохранился: Руцавас новадс имеет 9 баллов — приграничные к нему городское самоуправление Паланга и Кретингский район (самоуправление) Литвы, соответственно, 16 и 18 баллов; Приекуле новадс Латвии (10 баллов) граничит со Скуодским районным самоуправлением (17 баллов). Эти приграничные районы Латвии имеют крайне низкую плотность населения (4 и 11 чел./км²), невысокую степень распаханности и застройки. Смежные к ним районы Литвы более благополучны и по расселению, и по землепользованию.

Подсчет индикатора социально-экономической обусловленности ландшафтогенеза для территориальных единиц более низкого иерархического уровня для Варминьско-Мазурского воеводства Польши и Калининградской области также дал более объективную картину. На польской части территории региона значение этого индикатора социально-экономической обусловленности ландшафтогенеза изменяется по отдельным районам (повятам) от 11 до 19 баллов. Наименьшие значения (11 и 12 баллов) имеют только два района из девятнадцати — Щитненский и Пишский повяты, где современный ландшафтогенез в большей степени обусловлен природными, а не общественными факторами. Большая часть территории имеет значения индикатора выше 16 — то есть ландшафтогенез здесь обусловлен преимущественно общественными факторами (10 повятов), в остальных на ландшафтогенез влияют в одинаковой степени как природные, так и общественные факторы. В Калининградской области районов, где в ландшафтогенезе преобладают природные факторы, значительно больше (6 районов из 22). Но из-за более дробного административно-территориального деления здесь также больше районов, где ландшафтогенез полностью обусловлен общественными фак-

торами — это 6 городских округов. На территории Польши города включены в состав повятов, что ведет к выравниванию индикатора обусловленности.

Особый интерес представляют приграничные районы Варминьско-Мазурского воеводства Польши и Калининградской области, так как до Второй мировой войны они были единым территориальным образованием и принадлежали одному государству. В 1945 г. линия новой государственной границы Польши и СССР (РСФСР) пересекла их территории. Части «разделенных» районов стали развиваться автономно и заняли соответствующие места в иерархии административно-территориальных единиц разных государств.

Повяты северной части Варминьско-Мазурского воеводства представляют собой южные части ранее существовавших районов Восточной Пруссии. Таких повятов на территории северной Польши сейчас пять: Браневский, Бартошицкий, Кентшинский, Венгожевский и Голдапский (табл. 1).

Таблица 1

«Разделенные районы». Южная (польская) часть

Название	Центр	Площадь повята, км ²	Численность населения (2013 г.), чел.
Браневский	Бранево	1204,54	60 205
Бартошицкий	Бартошице	1308,54	42 740
Кентшинский	Кентшин	1212,97	65 509
Венгожевский	Венгожево	693,43	23 693
Голдапский	Голдап	771,93	27 460

Пять районов на юге Калининградской области являются северными частями существовавших ранее районов Восточной Пруссии: это городской округ Мамоново, Багратионовский, Правдинский, Озёрский и Нестеровский районы (табл. 2).

Таблица 2

«Разделенные районы». Северная (российская) часть

Название	Центр	Площадь района, км ²	Численность населения (2015 г.), чел.
Мамоновский городской округ	Мамоново	100	8274
Багратионовский район	Багратионовск	1146	33 116
Правдинский район	Правдинск	1300	19 334
Озерский район	Озерск	871	14 438
Нестеровский район	Нестеров	1061	15 657

По сравнению с «разделенными» районами Польши при примерно одинаковых площадях территориальных единиц районы Калининградской области демонстрируют гораздо меньшую численность населения, например Голдапский повят при площади 771,9 км² имеет численность населения 27460 чел., что почти в два раза превышает численность населения соседнего Озёрского района, близкого Гольдапскому по площади.

Государственная граница между Варминьско-Мазурским воеводством Польши и Калининградской областью РФ, не совпадает с природными рубежами, поэтому разделяет территории, обладающие общностью природного происхождения. Так как разграниченные части некогда единых районов с 1945 г. стали развиваться изолированно друг от друга, степень освоенности ландшафтной среды к настоящему времени была достигнута разная, что не могло не отразиться на облике современных ландшафтов.

Некоторые части разделенных районов имеют градиент индикатора обусловленности больше 4, что свидетельствует об условном совпадении государственной границы с границей новых (до 1945 г. не существовавших) ландшафтных районов.

Таковыми районами, например, являются некогда прусские районы Бартенштайн и Гердауен, северные части которых в настоящее время относятся к Правдинскому району Калининградской области (индикатор обусловленности равен 12 баллов), а южные — к Кентшинскому (18 баллов) и Бартошицкому повяту (17 баллов) Варминьско-Мазурского воеводства Польши. В природно-генетическом отношении эти районы едины: большая их часть занята озерно-ледниковой низменностью и полого-холмистой равниной основной морены, но современные облик и ландшафтная структура у них отличаются из-за разной степени освоенности среды. Южная часть этого «разделенного» района имеет более высокую плотность населения и большее количество населенных пунктов, чем северная. Средняя плотность населения по гминам здесь составляет от 21 до 27,5 чел./км², количество населенных пунктов в каждой гмине около шестидесяти. Плотность населения северной части «разделенного» района значительно ниже (15,1 чел./км²), а количество населенных пунктов в два раза меньше. В ландшафтной структуре различия в расселении отразились следующим образом: доля селитебных ландшафтов в северной части значительно меньше; транспортная инфраструктура редуцирована, из-за исчезновения мелких сел и хуторов в послевоенное время дорожные ландшафты стали реликтовыми. Еще больше повлияли на современный облик ландшафта особенности землепользования. В южной части «разделенного» района велика доля сельскохозяйственных угодий (по разным гминам от 62 до 82 % от общей площади), причем большую часть этих угодий составляют пашни и многолетние насаждения (сады и ягодники). В северной части территории только половину площади территориальных единиц составляют сельскохозяйственные угодья (в среднем 55,5%), причем пашня занимает менее трети от них (29,7%).

Таким образом, в настоящее время по обе стороны границы формируются два новых ландшафтных района, где главными факторами ландшафтогенеза на юге являются расселение и землепользование, а на севере — природные факторы.

Еще одним примером контрастов в расселении и землепользовании, а также разного облика и структуры генетически единого ландшафта является Вислинская (Балтийская) коса. Польская часть Вислинской косы освоена намного лучше, чем российская: здесь находится 4 населенных пункта, общее население которых превышает 2300 чел., она обладает хорошей транспортной инфраструктурой и является развитым рекреационным районом северной Польши. Калининградская часть Вислинской косы практически не освоена: население сосредоточено только на севере территории и в половину меньше, большая часть косы необитаема, почти на всем протяжении отсутствуют дороги с твердым покрытием.

Все приграничные районы Варминьско-Мазурского воеводства и Калининградской области вне зависимости от степени их сходства обладают общими чертами: средняя плотность населения в них, по сравнению с «глубинными», неприграничными, значительно меньше; в приграничной полосе опорный каркас расселения сильно деформирован — транспортная сеть редуцирована, в направлении государственной границы наблюдается сокращение количества населенных пунктов и уменьшается их людность; велика доля населенных пунктов, утративших прежний городской или административный статус. Пространственный рисунок расселения по обе стороны российско-польской границы демонстрирует эффект «зеркальности»: по направлению к границе реальная плотность населения и плотность поселений значительно снижается, практически стремясь к нулю.

Выводы

В подавляющем большинстве приграничные районы Балтийского региона являются едиными по природному генезису. Различия в современном облике и структуре ландшафтов этих районов обусловлены разной степенью освоенности районов. Часть районов развивается по природному сценарию, но для

большинства главными ландшафтообразующими системами являются системы расселения и землепользования. Для выявления пространственных особенностей приграничных районов был использован синтетический показатель, определяющий степень антропогенной освоенности среды, — индикатор социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза. В ходе исследования рассмотрены наиболее контрастные по облику современных ландшафтов приграничные территории в западном приграничье Латвии и Литвы и в пограничных районах Польши и России. В «разделенных» районах в приграничье Варминьско-Мазурского воеводства Польши и Калининградской области были выявлены общие для всей приграничной полосы пространственные явления: искажение опорного каркаса расселения и уменьшение доли используемых для сельскохозяйственного производства угодий.

Список литературы

1. Гуменюк Л. Г. Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2017.
2. Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7—28.
3. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география : учебник для вузов. М., 2001.
4. Holman I. P., Brown C., Janes V., Sandars D. Can we be certain about future land use change in Europe? A multi-scenario, integrated-assessment analysis // *Agricultural Systems*. 2017. Vol. 151. P. 126—135. URL: www.elsevier.com/locate/agsy (дата обращения: 01.07.2018).
5. Popp A. et al. Land-use futures in the shared socio-economic pathways // *Global Environmental Change*. 2017. Vol. 42. P. 331—345. URL: www.elsevier.com/locate/gloenvcha (дата обращения: 01.07.2018).
6. Romanova E. Socioeconomic Conditionality of the Baltic Macro-region Landscape Development and Zoning // *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 2017. Vol. 8, №2. P. 131—137. URL: <http://jssp.reviste.ubbcluj.ro> (дата обращения: 01.07.2018).

Об авторе

Романова Елена Альбертовна, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: alberta63@mail.ru

The author

Dr Elena A. Romanova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: alberta63@mail.ru

О. Л. Виноградова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Россия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ СИСТЕМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

В результате совместного действия разнонаправленных процессов развития сельского и лесного хозяйства, урбанизации и субурбанизации происходит трансформация систем природопользования Балтийского региона. Проведены анализ и моделирование структуры систем природопользования на временные срезы 1909—1913 и 2016—2017 гг. По соотношению основных и дополнительных видов хозяйственного использования территории определены типы систем природопользования, выявлены направления их развития.

The systems of nature management in the Baltic region have transformed under the effect of differently directed processes of the development of agriculture and forestry, urbanization and suburbanization. The author analyses and compares the structure of the systems of nature management in 1909—1913 and 2016—2017. The author identifies several types of environmental management systems according to the ratio of basic and additional types of land use. The author offers her perspective on the development of each territory type.

Ключевые слова: региональная система природопользования, пространственно-временная динамика.

Keywords: regional system of nature management, spatiotemporal dynamics.

Введение

Природопользование — открытая, неравновесная, сложная система, ее структура представляет собой совокупность взаимосвязанных функциональных и пространственных видов использования территории.

В настоящее время действуют разнонаправленные процессы трансформации систем природопользования Европы и России [1; 3; 10—12]:

- общее снижение площади сельскохозяйственных угодий при росте интенсивности земледелия;
- переход от промышленных лесозаготовок на лесовосстановление или плантационное лесное хозяйство;
- процессы урбанизации и субурбанизации;
- расширение сети охраняемых территорий;
- прекращение добычи невозобновляемых полезных ископаемых;
- поддержка традиционного природопользования.

Модель динамики региональных систем природопользования

Моделирование эволюции региональных систем природопользования включает следующие вопросы:

- определение общих направлений и интенсивности процессов природопользования;
- периодизация процессов эволюции систем природопользования;
- установление структуры систем природопользования стран и областей РФ Балтийского региона.

Моделирование систем природопользования субъектов Балтийского региона осуществлено на два исторических среза — 1909—1913 и 2016—2017 гг. При расчете балансовых моделей использованы статистические и картографические материалы

[3—9], проведен анализ трансформации ведущих видов хозяйственного освоения территорий, определена их роль в системах природопользования.

Динамика ведущих видов природопользования Балтийского региона

На протяжении последних ста лет *сельское хозяйство* играло ведущую роль в системе землепользования Балтийского региона в целом. Как в 1909—1913, так и в 2016—2017 гг. наименьшая площадь сельскохозяйственных угодий отмечалась в Швеции и Финляндии (менее 10% от общей территории стран), максимальная — в Дании и Германии (более 60%). Доля обрабатываемых угодий в южном субрегионе по сравнению с северным была на оба исторических среза в 8,3—8,4 раза. Внутрирегиональные различия стали еще отчетливее в настоящее время по сравнению с ситуацией на 1909—1913 гг., так как интенсификация земледелия и глобализация экономики позволили отказаться от обработки низкоэффективных угодий.

Процесс сжатия сельхозугодий в разных частях региона шел разными темпами. Быстрее всего площадь ареалов обрабатываемых земель за последние 100 лет уменьшалась в странах Балтии, Калининградской и Ленинградской областях Российской Федерации (от 0,25 до 0,50% от площади сельхозугодий в год), что обусловлено прежде всего кризисом 1990-х гг. Повторное освоение заброшенных земель началось в странах Балтии в 2003—2004 гг., в Калининградской области — в 2010—2011 гг. Самые низкие темпы снижения доли обрабатываемых земель были в Финляндии и Швеции — 0,04 и 0,01% в год, в Польше, Германии и Дании — от 0,10 до 0,16% в год. В результате самое существенное снижение площади сельскохозяйственных земель с 1909—1913 гг. по 2016—2017 гг. произошло в Эстонии, Калининградской и Ленинградской областях (в 2,7—7,8 раза), наименьшее — в Дании, Германии, Польше и Финляндии (в 1,2—1,3 раза).

Лесное хозяйство — еще один из фоновых видов природопользования Балтийского региона. В 1909—1913 гг. промышленные объемы заготовки производили в Польше, Германии, Швеции и Литве, в Финляндии и на территории современной Ленинградской области были меньшие объемы рубки, в основном для внутреннего потребления. В Латвии, Эстонии и Восточной Пруссии леса уже были сильно истреблены (лесистость менее 20%), в Дании они занимали всего 8,2% территории. Искусственное лесовозобновление в Швеции, Польше, Германии, Дании началось в 1930-х гг., в Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, Ленинградской области — в середине 1950-х гг.

В настоящее время промышленные лесозаготовки ведутся в Швеции, Финляндии, странах Балтии, в остальных странах проводятся санитарные и выборочные рубки. Лесозаготовки в Швеции и Финляндии компенсируются лесопосадкой. В Калининградской области, Польше, Германии и Дании лесопосадки выполняют средообразующую и средовосстанавливающую функции. В Дании площадь плантаций составляет 76,9% от площади лесов, в Польше — 91,1%, в Швеции — 48,1%, Финляндии — 30,5%. В странах Балтии лесозаготовка в 2012—2017 гг. рубки компенсируется лесопосадкой только на 15—20%.

Новый для стран Балтии фоновый вид природопользования — *природоохранное*. Первые охраняемые территории, обладавшие государственным статусом, появились в 1930-х гг. в Германии, Дании, Ленинградской области. В других странах статус природоохранных стали придавать землям в 1950—1960-х гг. К началу 2000-х гг. природоохранное природопользование приобрело масштабы фонового вида. Максимальной площади природоохранных территорий к 2016 г. достигли в Польше — 30%, самая низкая доля — в Ленинградской области (менее 6%), в остальных субъектах Балтийского региона их доля в системе природопользования составляет от 15 до 20%.

Сеть поселений вместе с транспортной инфраструктурой выполняют роль системообразующего элемента для всех фоно-

вых видов природопользования — сельского, лесного хозяйства и т. д. Земли поселений на протяжении всего столетнего периода наибольшую площадь занимали в Германии, Дании и Ленинградской области, наименьшую — в Финляндии и Швеции.

На севере Финляндии и Швеции существуют территории традиционного природопользования — кочевое оленегонное хозяйство.

Системы природопользования Балтийского региона

Соотношение основных и дополнительных видов (по площади землепользования каждого из видов) определяет индивидуальные и общие черты систем природопользования стран и областей Российской Федерации Балтийского региона на каждом из исторических этапов.

Территория Балтийского региона по структуре систем природопользования на оба исторических среза делится на три зоны: преимущественно лесохозяйственный (Швеция и Финляндия), преимущественно сельскохозяйственный (Польша, Германия, Дания, Калининградская область), промежуточное положение занимают страны Балтии со смешанной сельскохозяйственно-лесохозяйственной специализацией. Особый случай — Ленинградская область, где главным видом природопользования является селитебное землепользование (Санкт-Петербург с пригородами) и сопутствующие виды — промышленный, транспортный и рекреационный. В Польше и Калининградской области природоохранное природопользование играет ведущую роль наряду с сельским хозяйством.

Выводы

1. Основные тенденции эволюции систем природопользования Балтийского региона:

— сжатие сельскохозяйственных земель в большей части региона, в странах Балтии и Калининградской области — расширение после кризиса 1990-х гг.;

- повышение интенсивности сельскохозяйственного производства в Балтийском регионе;
- снижение роли лесохозяйственного природопользования повсеместно, кроме стран Северной Европы — стран Балтии, Финляндии и Швеции;
- в Финляндии и Швеция вырубки компенсируются лесопосадками, в странах Балтии происходит дефицитное лесопользование;
- в Германии, Дании и Польше искусственное лесовозобновление служит природоохранным целям;
- с середины XX в. в Балтийском регионе происходит расширение охраняемых земель, в Польше и Калининградской области природоохранное природопользование стало одним из фоновых видов;
- на севере Финляндии и Швеции поддерживается традиционное природопользование.

2. За столетний период произошло усложнение структуры Балтийского региона: увеличилось разнообразие основных видов природопользования, появились новые дополнительные виды природопользования. Такая диверсификация хозяйства увеличивает его устойчивость.

3. На протяжении столетнего периода сохранялись общие черты внутрирегиональной дифференциации систем природопользования Балтийского региона: по преобладающим видам хозяйственного использования территории регион делится на три зоны — сельскохозяйственная, лесохозяйственная и переходная.

Список литературы

1. *Виноградова О.Л.* Эволюция моделей сельскохозяйственного природопользования стран Балтии и Калининградской области (с 1890 по 2016 г.) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2017. № 3. С. 21—29.

2. *Капиталистические страны в 1913, 1920—1936 гг.* : стат. сб. М., 1937. Т. 2. URL: istmat.info/files/uploads/20577/kap_stran_1937_cx.pdf (дата обращения: 14.03.2018).

3. Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А. и др. Динамика сельскохозяйственных земель России в XX веке и постаграрное восстановление растительности и почв. М., 2010.
4. Народное хозяйство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : стат. сб. / Госкомстат СССР. М., 1990. URL: istmat.info/node/350 (дата обращения: 12.10.2006).
5. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году : стат. ежегодник. М., 1959.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1975 году : стат. ежегодник. М., 1976.
7. Народное хозяйство СССР в 1990 году : стат. ежегодник. М., 1991.
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <http://Kaliningrad.gks.ru> (дата обращения: 12.11.2016).
9. Agriculture, forestry and fishery statistics (2016) KS-FK-16-001-EN.N.pdf. URL: www.istmat.info/files/uploads/44220/agriculture_forestry_fishery_statistics_2016_edition.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
10. Ausubel J.H., Vernick I.K., Waggoner P.E. Peak farmland and the Prospect for Land Sparing // Population and Development Review. 2013. Vol. 38, Issue Supplement S1. P. 221—242. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1728-4457.2013/00561.x> (дата обращения: 05.05.2018).
11. Cartwright A. Uncultivated Agricultural Land in Europe. Central European University. 2015. URL: <https://cps.ceu.edu/research/ua-land-europe> (дата обращения: 16.01.2018).
12. Kuemmerle T. et al. Hotspots of land use change in Europe. Environmental Research Letters. 2016. Vol. 11, №6. DOI <https://doi.org/10.1088/1748-9326/11/6/064020>

Об авторе

Виноградова Ольга Леонидовна, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: OLVinogr69@mail.ru

The author

Dr Olga L. Vinogradova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: OLVinogr69@mail.ru

Н. М. Кащенко¹, Н. Н. Лазарева¹, В. П. Ковалев²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

² ООО «Бюро мелиоративных технологий» (Калининград, Россия)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЛЬДЕРНЫХ СИСТЕМ АГРОЛАНДШАФТОВ ДЕЛЬТЫ РЕКИ НЕМАН С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Анализ многолетних системных экспериментальных исследований работы действующих пolderных систем дельты реки Неман и результатов численных экспериментов позволил сформулировать основные принципы расчета и проектирования реконструкции действующих и проектирования новых пolderных систем, обеспечивающих расчетные значения работы дренажа на всем массиве без исключения и возможность применения на осушаемых массивах многопольного севооборота. Результаты проведенных численных экспериментов показали, что математическое моделирование является необходимым средством расчета параметров пolderных систем, обеспечивающих получение проектных значений работы дренажа.

Long-term experimental studies of the polder systems of the Neman River delta as well as numerical experiments allowed the authors to formulate the basic principles of designing new polder systems and renovating the existing ones. The proposed principles ensure reaching the projected capacity of drainage systems including those used for multi-field crop rotation. The results of the conducted numerical experiments prove that mathematical modelling is an indispensable tool for calculating polder system design parameters and, consequently, achieving the design values of drainage.

Ключевые слова: техногенный ландшафт, пolderные системы, математическое моделирование.

Keywords: technogenic landscape, polder systems, mathematical modeling.

Агроландшафты дельты реки Неман являются техногенными системами, созданными на основе польдерного осушения. Высокое плодородие аллювиальных дерновых и аллювиальных болотных перегнойно-торфяных почв стало причиной освоения низкой заболоченной дельты, которая еще в начале XVII в. заливалась полыми и паводковыми водами.

Необходимо отметить высокую степень антропогенного воздействия на всю территории области, основным негативным природным фактором для хозяйственной деятельности которой является избыточное увлажнение. Гидротермический коэффициент по Г. Т. Селянинову (ГТК) составляет более 1,5. Среднегодовое количество осадков — 800—850 мм, причем прослеживается тренд их увеличения за последнее столетие, что подтверждается сравнением с довоенными климатическими картограммами. Общая площадь мелиорируемых земель территории области достигает 90%. Можно сказать, что в таких природно-хозяйственных системах технические элементы являются составной частью, выполняют определенную функцию и существенным образом изменяют все природные компоненты ландшафта [2]. Однако приобретенные, улучшенные свойства ландшафтов для жизнедеятельности необходимо поддерживать и сохранять путем мелиорации. Отсутствие ухода за техногенными системами приводит к усилению негативных природных факторов в развитии агроландшафта [7]. Смена социально-экономических условий привела к смене форм собственности и изменению структуры сельскохозяйственного производства, в частности использованию многопольного севооборота. Проведение мелиораций регионального характера не под силу фермерам. В реалиях сегодняшнего дня возникает острая необходимость в получении достоверной информации об экологическом состоянии почвенного покрова и в научно обоснованных способах и методах повышения его продуктивности. Несмотря на небольшую площадь территории по генетическому принципу были выделены восемь групп ландшафтов, отличающихся своими свойствами и потенциалом [8].

Дельта Неман — один из характерных ландшафтов области, где в настоящее время интенсивно развивается фермерство. Славский район с польдерными землями привлекает инвесторов из стран Европы и в связи с этим остро стоит вопрос эколого-мелиоративного состояния земель.

Основой для этого должно быть корректное представление о сложившейся территориальной структуре области, современные ландшафты которой — результат интенсивного антропогенного воздействия на протяжении столетий. Проведение мелиорации в результате освоения привело к долговременному улучшению природных свойств ландшафтов области.

Польдерные системы дельты были спроектированы по типу голландских. Осушение производилось открытым способом.

Эффективность работы польдерных систем по сравнению с самотечными выше, и в основном это связано с наличием насосной станции, позволяющей более корректно, по положению уровней грунтовых вод и влажности почвы массива осушения управлять откачкой дренажного стока. В довоенное время осушение дельты производилось в основном сетью открытых каналов. Исключение составляет массив польдерной системы 41 $F_{nc} = 2220$ га, осушенный закрытым безуклонным гончарным дренажем с длинной дрен до $L_{op} = 350$ м.

В Славском районе Калининградской области в настоящее время в дельте Немана около 74 000 га польдерных земель, из них 32 820 га осушено закрытым дренажем.

Приведенные ниже данные системных экспериментальных исследований работы действующих польдерных систем и работы дренажа систем указывают на необходимость их реконструкции. Крайне важной является также перестройка топологии польдерных систем для использования на массиве осушения в сельскохозяйственном производстве многопольного севооборота.

Существующие польдерные системы запроектированы на выращивание одной монокультуры, многолетних трав. Сельскохозяйственное производство других культур, входящих в

многопольный севооборот фермерских и других хозяйств, на массивах осушения действующих систем достаточно рискованно ввиду существенного различия требований к водному режиму между многолетними травами, для выращивания которых были запроектированы системы, и другими культурами.

Использование в расчетах параметров дренажа существующих стандартных значений расчетного модуля дренажного стока должно быть уточнено также в соответствии с существующими трендами изменения климатических условий области.

Требование ведения сельскохозяйственного производства с использованием многопольного севооборота и учет приведенных ниже особенностей работы действующих систем и результатов численных экспериментов приводит к пониманию необходимости реконструкции действующих польдерных систем.

Экспериментальные исследования работы действующих систем дельты реки Неман показали наличие характерной для них неравномерности осушения (рис. 1) [4—6; 10; 11]: во время работы насосной станции прилегающие к ней участки осушаются более интенсивно, чем удаленные от нее. Подобная неравномерность осушения массива приводит к снижению эффективности работы дренажа ориентировочно на 30—40 % и снижению на такую же величину эффективности использования вложенных в строительство средств (в стоимостном выражении — на ~19 200 млн руб. фактических затрат на реконструкцию польдерных систем).

Проектирование дренажа польдерных систем дельты р. Неман осуществлялось для выращивания монокультуры, трав для производства травяной муки, в основном на величину модуля дренажного стока $q_{др.факт.} = 1,1 - 1,2$ л/(с·га). Однако исследование работы дренажа польдерных систем показало, что фактические значения модулей дренажного стока, $q_{др.факт.} = 1,6 - 2,51$ л/(с·га), выше их проектных значений $q_{др.факт.} = 1,1 - 1,2$ л/(с·га) (рис. 3). Подобное явление характерно и для польдерных систем Белорусского Полесья для осадков $h_{ос.} = 250$ мм $q_{др.факт.} = 113F^{-0,63}$ (рис. 4) [1].

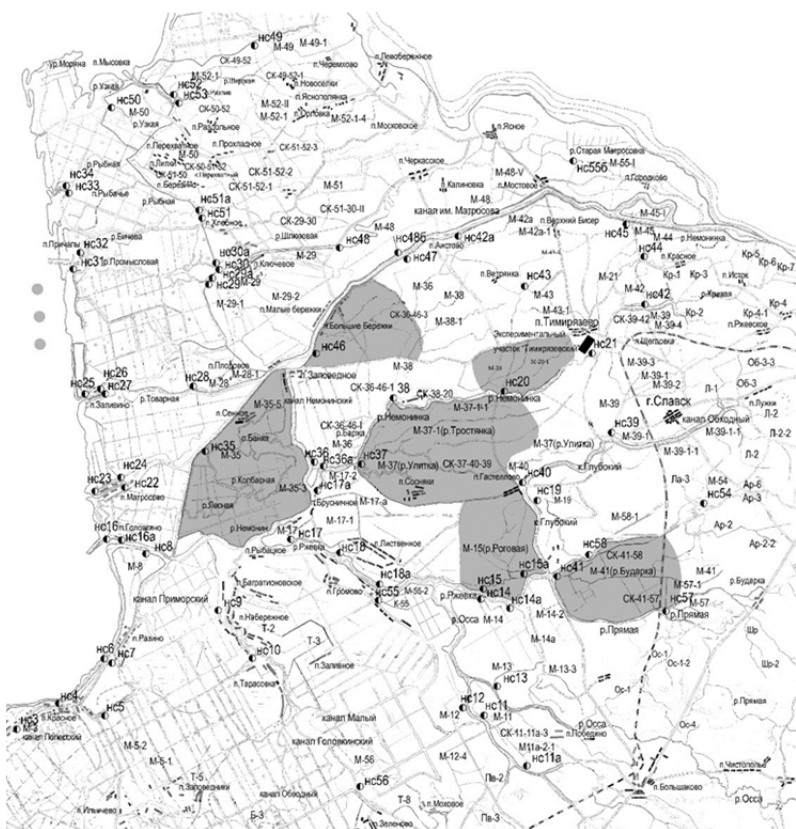

Рис. 1. Схема польдерного осушения Славского района дельты р. Неман (выделены системы, на которых проводились системные экспериментальные исследования)

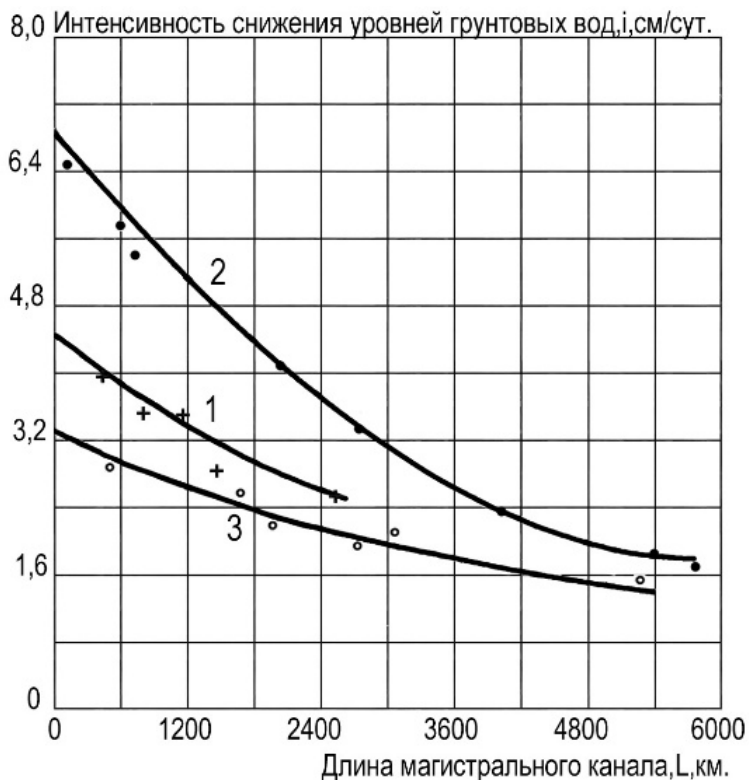

Рис. 2. Зависимости интенсивностей снижения уровней грунтовых вод с удалением от насосной станции для польдерных систем: 1—46: (+++) — $F_{nc} = 1520$ га; 2—15 (●●●) — $F_m = 2520$ га; 3—35 (°°°°) — $F_{nc} = 3520$ га. Массивы польдерных систем 35 и 46 осушены сетью открытых каналов, 15 — закрытым дренажем [4—6; 10; 11]

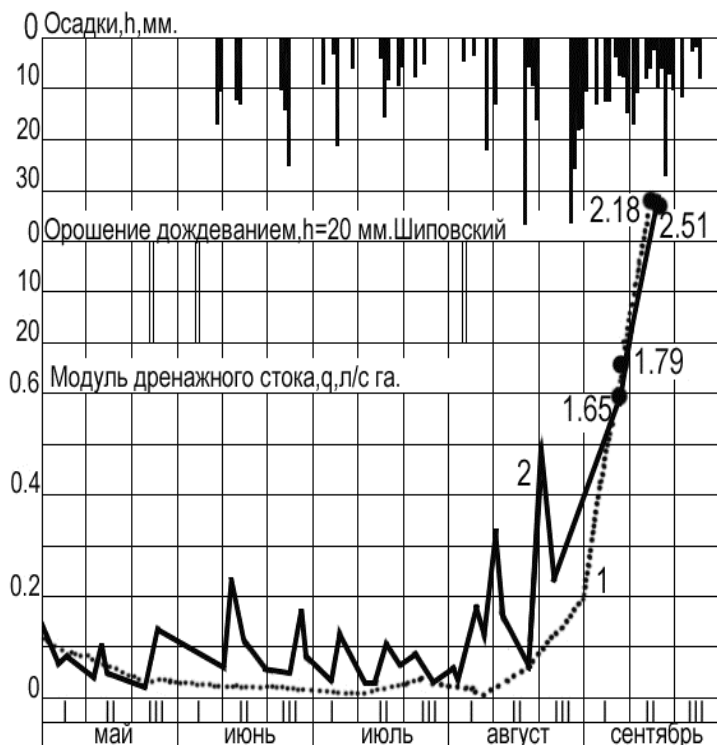

Рис. 3. Динамика формирования модулей дренажного стока на производственно-экспериментальных участках «Шиповский» и «Аксеново»:
 «Шиповский» — экспериментальный участок двустороннего действия площадью $F_{nc} = 43$ га, самотечная система; «Аксеново» — опытно-производственная польдерная система нс116а площадью $F_{nc} = 150,0$ га двустороннего действия, имеющая осушительно-увлажнительную насосную станцию

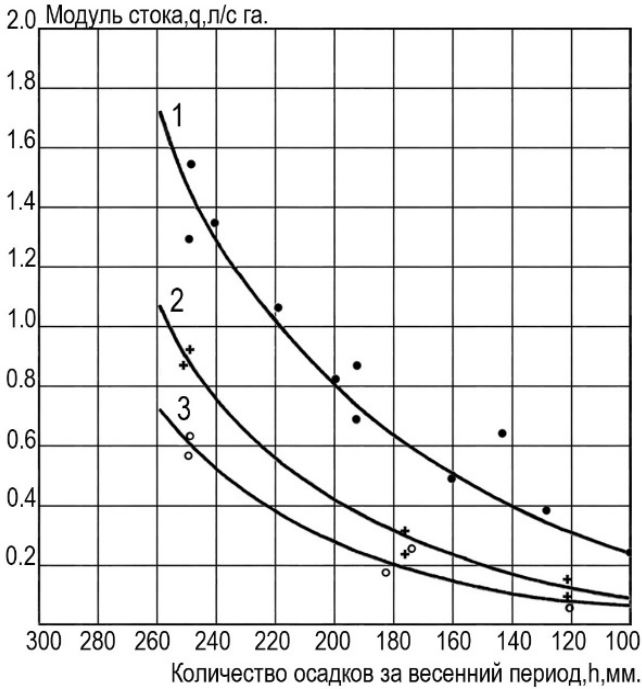

Рис. 4. Зависимость величин модулей стока польдерных систем от величины осадков весеннего периода.

Площадь польдерной системы:

1 — $F_{пс.} = 980$ га; 2 — $F_{пс.} = 2250$ га; 3 — $F_{пс.} = 4350$ га [1]

Смена структуры сельскохозяйственного производства, обусловленная переходом к использованию многопольного севооборота, предполагает, в частности, перестройку топологии систем, выделение полей севооборота в индивидуальные объекты сельскохозяйственного производства со своими водорегулирующими гидротехническими сооружениями с учетом характеристик работы существующего дренажа, фактические значения модулей дренажного стока которого, $q_{др.факт.} = 1,6 -$

– 2,51 л/(с·га), выше их проектных значений $q_{ор.факт.} = 1,1 - 1,2$ л/(с·га). Учет особенностей формирования стока на осушаемых массивах позволяет получить равномерность осушения всего массива системы без исключения [4—6].

Математическое моделирование, как показали результаты проведенных численных экспериментов, является необходимым средством расчета параметров польдерных систем, позволяющим одновременно и с полной детализацией рассчитывать параметры всех составляющих систему элементов.

Математическая модель польдерной системы состоит из уравнений, описывающих работу отдельных элементов польдерной системы, и включает уравнения фильтрации грунтовых вод, уравнения течения воды в дренах и уравнения течения воды в канале [4—6]:

— течение воды в канале описывается системой уравнений Сен-Венана;

— уравнение течения воды в дрене описывается уравнением Коновалова — Петрова;

— фильтрация грунтовых вод в насыщенной зоне описывается квазилинейным двухмерным нестационарным уравнением капиллярной модели;

— равномерность осушения массива системы достигается путем введения в параметры каналов проводящей сети объемов добегания дренажного стока от составляющих водосбор польдерной системы дренажных систем к створу насосной станции, обеспечивающих непосредственную гидравлическую связь каждой отдельной дренажной системы со створом насосной станции и рассчитываемых с использованием интеграла Дюамеля, адаптированного для топологии польдерной системы.

Численные эксперименты расчета параметров польдерной системы осуществлялись для топологии польдерной системы, приведенной на рисунке 5. Характеристики дренажа принимались в соответствии с имеющимися экспериментальными данными [3—6; 9].

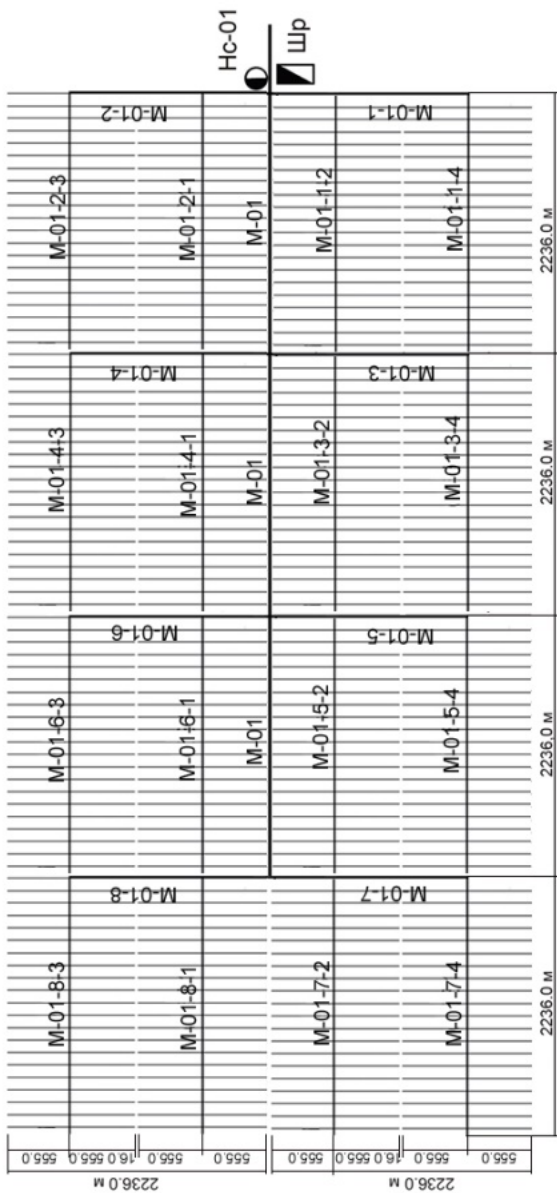

Рис. 5. Топология подстанции системы использованной в численных экспериментах при расчете эффективности ее работы для плотности каналов проводящей сети $L_{кан.} = 12,3$ м/га

Рассчитаны значения эффективности работы дренажа, полученные в численных экспериментах для топологии систем, приведенных на рисунке 1, для площадей осушения $F_{нс.} = 1000, 2000, 3000, 4000$ га с плотностью сети каналов проводящей сети $L_{кан.} = 12,3 - 30,93$ м/га и значениями коэффициентов фильтрации почв осушаемого массива $K_{ф.} = 1,25$ м/сут.

Параметры каналов польдерных систем рассчитывались с учетом объемов добегания стока с использованием адаптированного для топологии систем интегралом Дюамеля [4—6]. $L_{кан.} = 12,3 - 30,93$ м/га.

Полученные данные численных экспериментов показывают, что при выполнении условия учета в параметрах каналов польдерных систем объемов добегания стока интенсивность снижения уровней грунтовых вод на осушаемом массиве определяется только величиной коэффициента фильтрации почвы.

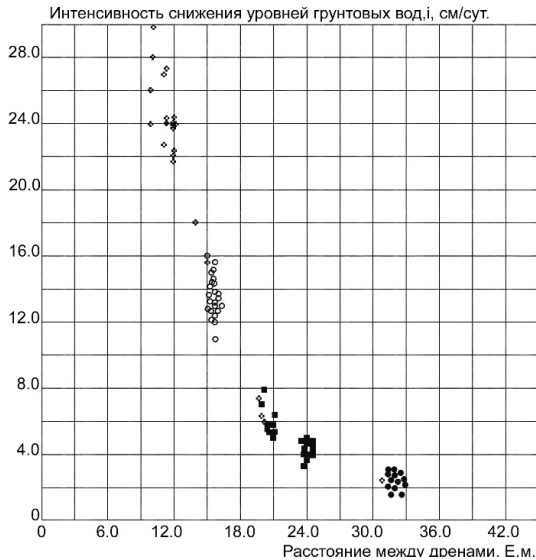

Рис. 6. Рассчитанные значения эффективности работы дренажа $F_{нс.}$, полученные для топологии систем, приведенных на рисунке 1, в численных экспериментах:

○ — 1000; ■ — 2000; ▲ — 3000; ◆ — 4000 га

Выводы

Анализ многолетних системных экспериментальных исследований, проведенных на польдерных системах Неманской низменности, и результатов численных экспериментов привел к формулировке основных принципов расчета и проектирования реконструкции действующих и проектирования новых польдерных систем, обеспечивающих соответствующую расчетным значениям работу дренажа польдерных систем на всем массиве систем без исключения при применении в сельскохозяйственном производстве многопольного севооборота:

— выбор типа многопольного севооборота, определяющего величину расчетного значения модуля дренажного стока $q_{др.расч.}$ польдерной системы и ее конструктивное исполнение (осушительная, осушительно-увлажнительная, с применением орошения дождеванием), осуществляется на основе оценки экономической целесообразности его использования;

— получение равномерности осушения массива достигается обеспечением непосредственной гидравлической связи отдельных составляющих массив осушения дренажных систем со створом насосной станции путем учета в параметрах каналов объемов добегающего стока, рассчитываемых с использованием адаптированного к топологии польдерной системы интеграла Дюамеля;

— построение топологии польдерной системы — это размещение на массиве осушения в плане и профиле составляющих систему элементов для расчета их параметров с учетом выбранного типа многопольного севооборота и принятой технологии сельскохозяйственного производства;

— проведение расчета параметров, составляющих водосбор польдерной системы дренажа элементов только в нестационарном, динамическом режиме их работы с использованием методов и зависимостей, наиболее полно и точно характеризующих процессы фильтрации влаги в почве;

— проведение реконструкции действующих польдерных систем, определение типа многопольного севооборота, размеров площади отдельных полей севооборотов основывается на данных фактических значений модулей дренажного стока систем $q_{др.факт.}$, определяемых экспериментальным путем.

Список литературы

1. *Галковский В. Ф.* Гидрологический режим польдеров Белорусского Полесья // Конструкция и использование польдерных систем : тр. ЛитНИИГиМ. Елгава, 1981. С. 41—79.
2. *Дьяконов К. Н., Аношко В. С.* Мелиоративная география : учебник для вузов. М., 1995.
3. *Закржевский П. И., Вахонин Н. К.* Экспериментальное исследование водоприемной способности затопленных дрен // Конструкции и расчеты осушительно-увлажнительных систем. Минск, 1978. С. 58—66.
4. *Кащенко Н. М., Ковалев В. П.* Расчет линейных польдерных систем // Проблемы устойчивого развития мелиорации и рационального природопользования : матер. юбилейной междунар. конф. М., 2007. С. 195—200.
5. *Кащенко Н. М., Ковалев В. П., Васильев В. В.* Моделирование работы линейных польдерных систем. Приведение польдерной системы к линейному виду // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. Т. 4. С. 108—112.
6. *Ковалев В. П.* Расчет параметров линейных польдерных систем // Мелиорация переувлажненных земель. 2005. № 2 (54). С. 64—83.
7. *Лазарева Н. Н.* Новый подход к физико-географическому районированию Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 7. С. 119—127.
8. *Лазарева Н. Н.* Особенности мелиорации в Калининградской области. Калининград, 2017.
9. *Месюк В. М., Климков В. Т.* Осушительное действие гончарных дрен новых конструкций // Мелиорация и водное хозяйство. Минск, 1983. Вып. 5. С. 4—9.
10. *Филатов В. А.* Особенности стока на зимних польдерах Неманской низменности Калининградской области // Конструкция и использование польдерных систем : тр. ЛитНИИГиМ. Елгава, 1981. С. 50—62.

11. *Филатов В. А., Ковалев В. П., Лобан В. И.* Особенности работы незатапливаемых польдерных систем Калининградской области // Эксплуатация мелиоративных систем и использование мелиоративных земель : сб. тр. ЛитНИИГиМ. Елгава, 1987. С. 61—71.

Об авторах

Кащенко Николай Михайлович, кандидат физико-математических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: kaschtschenko@mail.ru

Лазарева Наталья Николаевна, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Email: NLazareva@kantiana.ru

Ковалёв Виктор Петрович, инженер, ООО «Бюро мелиоративных технологий», Калининград, Россия.

E-mail: bmt.polder.dp@mail.ru

The authors

Dr Nikolay M. Kashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: kaschtschenko@mail.ru

Dr Natalya N. Lazareva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: NLazareva@kantiana.ru

Victor P. Kovalev, ООО Bureau of Reclamation Technologies, Kaliningrad, Russia.

E-mail: bmt.polder.dp@mail.ru

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН — РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА-2018:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ВДОЛЬ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ

Материалы международной научной конференции

Калининград
28—30 августа 2018 года

Редакторы *Е. Т. Иванова, И. О. Дементьев*
Корректоры *Е. А. Алексеева, П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*
Дизайн обложки *А. В. Иванов*

Подписано в печать 15.08.2018 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 23,3
Тираж 500 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 182

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

11. *Филатов В. А., Ковалев В. П., Лобан В. И.* Особенности работы незатапливаемых польдерных систем Калининградской области // Эксплуатация мелиоративных систем и использование мелиоративных земель : сб. тр. ЛитНИИГиМ. Елгава, 1987. С. 61—71.

Об авторах

Кащенко Николай Михайлович, кандидат физико-математических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: kaschtschenko@mail.ru

Лазарева Наталья Николаевна, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Email: NLazareva@kantiana.ru

Ковалёв Виктор Петрович, инженер, ООО «Бюро мелиоративных технологий», Калининград, Россия.

E-mail: bmt.polder.dp@mail.ru

The authors

Dr Nikolay M. Kashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: kaschtschenko@mail.ru

Dr Natalya N. Lazareva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: NLazareva@kantiana.ru

Victor P. Kovalev, ООО Bureau of Reclamation Technologies, Kaliningrad, Russia.

E-mail: bmt.polder.dp@mail.ru

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН — РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА-2018:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ВДОЛЬ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ

Материалы международной научной конференции

Калининград
28—30 августа 2018 года

Редакторы *Е. Т. Иванова, И. О. Дементьев*
Корректоры *Е. А. Алексеева, П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*
Дизайн обложки *А. В. Иванов*

Подписано в печать 15.08.2018 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 23,3
Тираж 500 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 182

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6